

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 1(2). Июнь, 2014

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнгрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 1. 2014.

ИСТОРИЯ

Суслова Е. Д.	Состав семей приходского духовенства в Карелии в конце 1670-х годов: к вопросу о разрастании причтов и складывании священнослужительских династий	4 - 21
Килин Ю. М.	Потери Вооруженных Сил СССР в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.	22 - 27

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ланко Д. А.	Балтийский регион в международной политике: к вопросу о моделировании процесса регионализации	28 - 38

ПОЛИТОЛОГИЯ

Рожнева С. С.	Национальная идея как основа безопасности российской государственности (Карелия — анализ единичного случая)	39 - 50
Цумарова Е. Ю., Яровой Г. О., Микконен Я.	Общественное участие в процессе принятия решений как залог обеспечения безопасности человека (на примере Петрозаводска)	51 - 57

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Петровская Ю. А., Крисанова Е. И.	Профилактика зависимости от психоактивных веществ среди молодежи как фактор социальной безопасности	58 - 63

ФИЛОЛОГИЯ

Sobolev N. I.	Literary history of the tale of st. abraham: textual criticism, poetics	64 - 68
Васильев Д. В.	Два списка чина исповедания, хранящиеся в рукописных собраниях Петрозаводска	69 - 76
Гришкевич Е. Д.	Славянские рукописи в архивах и библиотеках Швеции	77 - 80
Лойтер С. М.	«Сказки водлозерья» в контексте локальной фольклорной традиции	81 - 87

ЭКОНОМИКА

Гладких Е. Г.	Внешняя торговля Карелии в условиях санкций	88 - 101
Кадникова Т. Г.	Отдельные аспекты долговой политики Республики Карелия	102 - 109

Ругачева А. В., Домничева В. **Современное состояние и перспективы развития лесопромышленного комплекса Республики Карелия** 110 - 117

Рецензии

Килин Ю. М. **Рец. на кн.: Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy, 2014. 322 s. (Вихавайнен Т. Рюссявиха . История страха перед русскими)** 118 - 121

Хроника научных мероприятий

Яровой Г. О. **Позитивные и негативные эффекты трансграничного сотрудничества: глобальная перспектива** 122 - 125

Исаков В. А., Михель Е. А. **Устойчивое развитие регионов: новая экономика — новые возможности** 126 - 130

удк _

Состав семей приходского духовенства в Карелии в конце 1670-х годов: к вопросу о разрастании причтов и складывании священнослужительских династий

СУСЛОВА
Евгения
Дмитриевна

*кандидат исторических наук,
специалист Исследовательской лаборатории
локальной и микроистории Карелии,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, evgenia.suslova@mail.ru*

Ключевые слова:
приходское духовенство
социальная история
Карелия
Олонецкий уезд
XVII век

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о составе семей сельского духовенства в Карелии в последней трети XVII в. На основании сопоставительного анализа переписных книг 1678 г. и актов приказного делопроизводства с учетом новейших выводов историографии в области изучения истории семьи, установлено, что семьи священно-церковнослужителей в Карелии в рассматриваемую эпоху были схожи по составу с семьями крестьян и являлись типичными для северного региона Московского государства.

Значимая доля семей бокового родства свидетельствует о стремлении священников и их братьев совместными усилиями обеспечить достаток, о последствиях привлечения к службе в пашенных солдатах взрослых родственников клириков и о широко распространившейся практике передачи церковных должностей и мест внутри семей духовенства. Преобладание малых отцовских семей позволяет сделать вывод о неустойчивости сложных семейных структур. Взрослые сыновья со временем отделялись от отцов, в том числе переезжали в новые приходы, что способствовало складыванию и постепенному разрастанию местных священнослужительских фамилий. Однако в силу сложной экономической ситуации излишка в клириках, как принято считать в историографии, в конце 1670-х гг. не было. В большинстве случаев местным семьям духовенства удавалось обеспечить преемственность в передаче должностей и тем самым поддержать духовную жизнь в приходе.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Историография проблемы. Вопрос о составе семей сельского духовенства в сельских приходах Московского патриархата остается малоизученным. Впервые он был поднят историками для обоснования своевременности церковных реформ, проведенных Петром I. Одним из первых

Г. М. Любимов указал на факт несоразмерности причта и числа прихожан как на одно из доказательств чрезвычайной бедности служителей Церкви в XVII—XVIII вв. [16; 167, 169]. Опираясь на сведения таблицы генерал-майора Чернышева о причтах калужских храмов 1723 г., автор сделал вывод о том, что до церковных преобразований Петра I во всех приходах «дети священника, братья, племянники, почти все поступали в число причетников, которых при иных церквях на 5 священников бывало до 50 человек» [16; 167].

С мнением исследователя согласился П. В. Знаменский. Ссылаясь на свидетельства писцовой книги середины XVII в. по Белевскому уезду, ученый подчеркнул, что уже к этому времени в центральных епархиях были «такие приходы, где отец служил первенствующим священником, а сын числился вторым; дьячки — тоже отец с сыном; иногда весь причт — и священники и дьячки — составляли одно семейство» [15; 95—96]. Обращение к цитируемому источнику дает основание заключить, что под «семейством» в данном случае П. В. Знаменский имел в виду не семью как таковую, но складывавшийся священнический род, состоявший из нескольких семей, главы которых проживали близ приходского храма — каждый в своем дворе.

Сопоставляя данные писцовой книги со сведениями трех грамот 1660—1661 гг. о порядке записи детей духовенства центральных уездов на военную службу, положениями Духовного регламента 1721 г. и цифрами из все той же таблицы генерал-майора Чернышева 1723 г., П. В. Знаменский считал неоспоримым для второй половины XVII в. факт разрастания именно священнических родов. Историк отмечал, что «при церквях всегда жило множество детей, племянников и всякой родни членов клира», которые, желая уклониться от службы в армии и от записи в податное сословие, «обманом и насилием “вдирались в духовный чин”» или добивались должностей церковных дьячков и пономарей [15; 96—97]. По мнению автора, «громадный излишек в духовенстве» привел к ухудшению материального благосостояния приходских клириков, появлению «класса безместных бродячих попов», утрате ими авторитета в приходской общине [15; 103—104].

Выводы П. В. Знаменского, опиравшегося на материалы центральных епархий, противоречили сведениям, которые удалось выявить В. М. Верюжскому, изучившему особенности замещения церковных должностей и уровень жизни священно-церковнослужителей в Холмогорской и Устюжской епархии в последней трети XVII в. Обращаясь к текстам челобитных крестьян владыке Афанасию с просьбами об утверждении их кандидатов на церковные должности и записям пошленных книг архиерейского дома, ученый отметил, что наряду с детьми и братьями духовенства священно- и церковнослужителями нередко являлись избранные прихожанами и посвященные в духовный сан владыкой представители других социальных групп — крестьяне и жители посада [14; 188—193]. Исследователь полагал, что в северном крае, с его глубоко укоренившимися традициями земского самоуправления, «бродячий образ жизни» развивался среди клириков не из-за их многочисленности, а из-за «нежелания подчиняться» прихожанам, от которых зависело и их хозяйственное благополучие, и сама возможность остаться при церкви [14; 213]. Усилия, предпринятые владыкой Афанасием по отстранению общины от участия в решении приходских дел, по мнению В. М. Верюжского, во многом предвосхитили церковные реформы Петра I.

Проанализировав отдельные дела об утверждении владыками клириков и причетников в приходах Крутицкой и Сарайской, а также северной Новгородской епархий, П. С. Стефанович попытался совместить разнородные свидетельства и, не ставя вопроса о складывании священнослужительских родов, предложил свою гипотезу замещения церковных должностей. Исследователь склонен считать, что «на основной территории России в конце XVII в.» священнослужителями преимущественно становились дети духовенства, в то время как должность дьячка или пономаря, не имевшая статуса «священства», нередко замещалась мирянами [19; 255—263]. Такой вывод не позволяет прояснить ситуацию, однако дает возможность судить об убежденности автора, с одной стороны, в складывании священнических династий и, с другой стороны, в сохранении силы выборного начала в отдельных северо-западных приходах с развитыми традициями самоуправления.

В статье, посвященной изучению демографических характеристик сельских приходов и материального благосостояния сельского духовенства, М. С. Черкасова одной из первых проанализировала состав семей священно- и церковнослужителей, состоявших в конце 1670-х гг. в причтах храмов Белозерского уезда, Чарондской округи и южной части Каргопольского уезда. Привлекая сведения записной книги Вологодского архиепископа Симона 1676/77 г., автор установила количество семей клириков и подсчитала, сколько из них были семьями прямого и сколько — семьями бокового родства [23; 249]. Установив наличие разных типов «семей духовенства — отцовских двух- и трехпоколенных, братских (полных и усеченных, когда от умершего брата оставались племянники)»,

М. С. Черкасова сделала вывод о складывании «семейно-профессиональной сплоченности данного сословия, наследственности сословного статуса именно как священнослужителей — попов или дьяконов» [23; 249]. При этом исследовательница не ставила задачей выявить особенности разрастания священнических семей в широкой хронологической перспективе, подчеркивая в целом стремление «молодого духовенства закрепиться в том же самом приходе, где и его предки» [23; 249].

Значимую роль для реконструкции династий священно-церковнослужителей Твери во второй половине XVII—XVIII в. М. В. Матисон отводит выявлению матримониальных связей и демографических характеристик социальной группы [17; 152—160]. Проанализировав сведения исповедных ведомостей 1745 г. и материалы пятой ревизии 1795 г., М. В. Матисон определил средний возраст клириков Твери, их семейное положение, количество домочадцев, соотношение рождаемости и смертности в двух хронологических срезах [17; 155—159]. Комплексный подход позволил автору прийти к выводу «об окончательном превращении духовенства в замкнутое сословие» и при этом подвергнуть сомнению принятый в историографии тезис «об увеличении численности священно-церковнослужителей» в XVIII в. [17; 168].

Постепенный поворот к изучению состава семей сельского духовенства на материалах отдельных епархий свидетельствует о признании историками его приоритетности в осмыслении ключевых вопросов — о складывании священнослужительских фамилий, об особенностях замещения церковных должностей, о разрастании причтов и уровне благосостояния клириков.

2. Цель исследования. Источниковая база. Изучение состава семей священно-церковнослужителей в Карелии в нескольких хронологических срезах позволяет, с нашей точки зрения, углубить сложившееся в историографии представление об оформлении духовенства в замкнутое сословие в последней трети XVII—XVIII в. и создает уникальную возможность для выявления особенностей этого процесса на северо-западной окраине обширной Новгородской епархии.

В представленной статье предпринят анализ состава семей клириков и причетников в конце 1670-х гг. Выбор обусловлен особенностями источниковой базы. Как установила И. А. Чернякова, в переписных книгах Заонежских погостов 1646 г. не представлены сведения о малолетних детях: «об этом свидетельствуют как отсутствие фиксации возраста недорослей, так и близость средних показателей населенности двора по материалам переписи 1646 г. и предшествовавшего ей писцового описания 1628—1631 гг.» [24; 110]. «Полный набор вариантов состава крестьянского двора», констатирует автор, присутствует только в переписи 1678 г., в которой были учтены и недоросли, и взрослое мужское население [24; 111, 114]. Кроме того, переписная книга 1646 г. писца И. Писемского охватывает только Заонежские погосты.

Источниковедческий анализ переписных книг Заонежских и Лопских погостов 1678 г. писцов И. А. Аничкова и И. Н. Аничкова представлен в работах Т. В. Старостиной и И. А. Черняковой [18; 139], [24; 48—49, 61, 114—115, 117—124]. В книги внесены сведения о мужском составе дворов клириков и причетников, проживавших в шестнадцати Заонежских и семи Лопских погостах. Описания трех погостов — Рождественского Олонецкого и Ильинского Олонецкого с одиннадцатью выставками^[i], Важенского с десятью выставками^[ii], Веницкого с тремя выставками^[iii] — утрачены. В переписной книге Заонежских погостов также отсутствуют описания Шелтозерской выставки Остречинского погоста, входившей в состав вотчины Росткина монастыря, и Повенецкого рядка. В этих местечках должны были стоять храмы, упоминания о которых находим в переписной книге 1646 г. [2; 241 об., 327 об.].

В некоторых случаях сведения о сыновьях и братьях клириков, упомянутых писцом Иваном Аничковым, дополнены данными переписных книг 1646 г. и 1707 г. [2], [5]. Особую ценность для реконструкции состава семей священников Веницкого и Важенского погостов представляют сказки, собранные подполковником Великолукского гарнизонного батальона подполковником Неплюевым у священнослужителей Олонецкого уезда в 1720 г., о числившихся в их дворах родственников мужского пола, которые «в оклад не положены», с указанием возраста каждого и занимаемой церковной должности [6].

Дополнительная информация выявлена в документах фонда 98 «Олонецкая воеводская изба», хранящегося в архиве С.-Петербургского института истории РАН и доступного автору в виде электронных копий в Исследовательской лаборатории локальных и микроисторических исследований, действующей на базе Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета с 2004 г. Тексты челобитных с просьбами об утверждении в должности избранных общиной земских старост, о передаче в пользование земельных участков, отписки по вопросам судебно-административного характера, содержат упоминания о приходских священниках,

причетниках и их сыновьях. Сопоставительный анализ грамот позволил восстановить сведения о семьях одиннадцати клириков: семь из них проживали в Венецком погосте (в том числе в выставках Озерской, Каргинской, Чикозерской); по одному — в Шелтозере, Гежесельге, Куштозере и Повенецком рядке.

3. Численность духовенства. Статус во дворе. Согласно нашим подсчетам, в конце 1670-х гг. в шестнадцати Заонежских и семи Лопских погостах при 101 приходском храме служили 242 священно-церковнослужителя и проскурницы. Большинство — 195 человек (80 %) — являлись дворохозяевами; 37 — числились на подворьях родственников-клириков; 6 — проживали вместе с родителями-крестьянами на положении младших членов семей; 4 — отмечены на подворьях служителей Церкви или крестьян, с которыми они не состояли в родстве.

Собственные дворы имели преимущественно священники (103) и дьяконы (6). Некоторые из них к моменту составления переписной книги 1678 г. овдовели (7), другие — умерли, оставив сиротами жен и детей (2). Дворохозяевами довольно часто являлись церковнослужители — дьячки (45) и пономари (19). Кроме того, во дворах и кельях, стоявших на церковной земле близ приходских храмов, проживали проскурницы (22).

Во дворах отцов-крестьян на положении младших членов семей — взрослых, но неженатых сыновей — проживали 6 церковных дьячков [4; 88], [36; 15, 52 об., 284 об., 330, 409]. Один из них — Евсейка Ананьин — был приемным сыном «корельского выходца» Афонки Ефимова, обустроившегося в Гонгинской выставке Венецкого погоста [36; 15]. Навыки письма и чтения эти дьячки переняли от своих родственников, некоторые из которых состояли в родстве с некогда служившими в приходе клириками. Так, например, дьячок Кондопожской волости Ивашка Агеев приходился внуком священнику Кондопожской выставки Шуйского погоста Игнатию Федорову [25; 41–45]. Установлено также, что отец Ивашки — Агей Игнатьев — принимал активное участие в земской жизни погоста. Он не раз получал наказные памяти от олонечских воевод с повелениями вести розыск по судебным искам и даже был избран общиной на ответственную должность волостного посыльщика, отправленного в Москву с челобитной о рыбных ловлях на реке Суне [22; 321].

Четыре церковнослужителя, как указано выше, были отмечены писцом Иваном Аничковым в чужих крестьянских дворах. В частности, пономарь Юштозерской выставки Семчезерского погоста Никита Евдокимов проживал «в захребетниках» во дворе Игнашки и Трифонки Карповых [4; 88]. Еще один пономарь — Сидорка Микитин из выставки Пудожская Гора Челмужского погоста — числился во дворе бобыля Андрюшки Кирьянова [3а; 141 об.]. Во дворе крестьянина Кулгальской выставки Пудожского погоста Лаврентейки Корнильева состоял дьячок Июдка Кондратьев [36; 269 об.]. Дьячку Федотке Захарьеву сыну Шумилину помогла проскурница-«старица» Каптелина. Она приняла избранного мирянами в причетники Федотку Шумилина с супругой и двумя малолетними детьми — 10-летним Кондрашкой и 3-летним Терешкой — к себе в келью [36; 385]. Дьячок был человеком пришлым и до 1670/71 г. проживал «в поместье за князь Никитою... Елизарьевым сыном Путятиним» в деревне Бурлаковской «против погоста» [3а; 95 об.], [36; 385].

Уверенно полагаем, что недостаток средств к жизни, обусловленный малолюдностью семей и разного рода превходящими обстоятельствами, вынуждал некоторых причетников вести совместное хозяйство со своими прихожанами, числясь в их кельях или дворах на положении работников.

4. Состав семей. Далеко не все священно- и церковнослужители из числа дворохозяев и тех, кто числился на чужих подворьях, являлись семейными людьми. Так, одиноко доживали свой век два овдовевших священника — Тарасий Григорьев из Венецкого и Федор Яковлев из Мегорского погостов [36; л. 9, 108]. Осталась вдовой после смерти мужа-священника и попадья Федосьица Олферьева дочь из Андомского погоста [36; 179]. Писец Иван Аничков не отметил лиц мужского пола во дворе вдовы, однако не исключено, что у нее вполне могли быть дети — малолетние девочки или даже взрослые женатые сыновья, уже отделившиеся от родителей.

Согласно главе 8 Стоглава 1551 г. «О Божественных службах, Соборный ответ», должность проскурниц разрешалось занимать «вдовам единобрачным, а не второбрачным... от 40 лет и от 50 лет», с уточнением, что «сушая же вдовица по Апостолу 60 лет» [1; 270]. В карельских приходах в конце 1670-х гг. установленная норма соблюдалась. Об этом позволяет судить хотя бы то, что напротив имен 10 (46 %) из 22 проскурниц, упомянутых писцом Иваном Аничковым, стоят пометы: «вдова» (6) [iv] или «старица» [v] (4). Все проскурницы, упомянутые писцом Иваном Аничковым, за исключением одной — проживали во дворах или кельях без родственников-мужчин [3а; 54 об. — 55], [36; 93 об., 149, 305, 316, 324 об., 330, 371 об., 385, 408].

Дворохозяевами-одиночками выглядят 19 церковнослужителей, из которых 12 являлись дьячками, а 7 — пономарями. Как подчеркнула И. А. Чернякова, исключительная фиксация лиц мужского пола

практически не позволяет определить их семейный статус и решить вопрос о том, являлись ли они людьми действительно одинокими или кто-то мог состоять в браке, имея в потомстве лишь дочерей [24; 120]. К числу указанных лиц относим еще трех упоминавшихся уже церковнослужителей, не имевших родственников мужского пола и состоявших во дворах местных крестьян [За; 141 об.], [36; 269 об.], [4; 88].

Таким образом, из 199 клириков и причетников, которые являлись дворохозяевами (195) или проживали на подворьях крестьян и товарищей по службе (4), 46 человек в конце 1670-х гг. либо не имеют семей (24), либо их семейный статус остается не вполне ясным (22). Поэтому сведения о них исключены из анализа состава семей приходского духовенства.

Однопоколенные семьи не были многочисленными: 23 из 153 (15 %), (табл. 1). Большинство из них — 16 из 23 — являлись семьями прямого родства.

Таблица 1

**Поколенный состав семей духовенства Олонецкого уезда
(по переписным книгам 1678 г. и актам приказного делопроизводства)**

Тип родства	Одно поколение		Два поколения		Три поколения		Всего	
	кол-во семей	%	кол-во семей	%	кол-во семей	%	кол-во семей	%
Прямое	16	70	73	68	15	65	104	68
Боковое	7	30	34	32	8	35	49	32
Итого	23	100	107	100	23	100	153	100

Сост. по: [За; 24, 26—26 об., 35 об., 54—54 об., 46 об., 48 об., 114, 118 об., 140, 141 об., 144 об., 152 об., 156], [36; 2 об., 5, 6 об., 19, 25, 29 об., 32, 34, 41—42, 48, 50 об., 52 об., 70, 74 об., 77 об., 80, 88, 93 об., 96 об., 101, 112, 118, 130 об., 133 об., 138, 149, 151 об., 162, 167 об., 174, 177, 189, 192, 194, 225, 233 об. — 234, 237, 242 об., 254, 267, 269, 275, 280, 291—291 об., 295, 305—306 об., 315 об., 322, 324 об., 330, 345, 352 об., 362, 367, 371 об., 375 об., 382, 385, 390, 396—397, 400 об., 402, 408], [4; 1, 9—9 об., 21, 30 об., 42 об., 49 об., 60 об., 72, 86—86 об., 88, 89 об. — 90, 96], [6; 47 об., 48—50, 60 об., 66 об.], [7; 1—2], [8; 48], [9; 6], [10; 1—5], [11; 1 об.], [12; 7], [13; 54].

Об их составе можно судить лишь предположительно. Так, 14 священников, служивших в приходах Андомского, Венецкого, Остречинского, Вытегорского, Челмужского, Толвуйского, Пудожского, Оштинского и Семчезерского погостов, могли иметь дочерей, имена которых в источнике не упоминаются (Приложение, I, п. 1). Такое же замечание можно сделать в отношении дьякона Выгозерского погоста Ильи Иванова [36; 295] и церковного дьячка Пудожского погоста Матфея Титова, который, как указал писец Иван Аничков, «был священник, а ныне у владыки под запрещением» [36; 254].

При этом на подворьях двух из 14 иереев числились «захребетники». В частности, священник Степан Панкратьев из Толвуи принял в дом 6-летнего Бориску Антонова [36; 305]. У священника Ивана Филиппова из Немжинской выставки Венецкого погоста проживал «корелской выходец» Андрюшка Агеев с племянником Фомкой Кондратьевым [36; 6 об., 305]. Разделяя кров с людьми, попавшими в трудное положение, — малолетними сиротами и беженцами — клирики не только помогали им, но и показывали прихожанам пример милосердия и сострадания чужому горю.

Редкими были однопоколенные семьи бокового родства: 7 из 23 (30 %). Они преимущественно включали двух-трех братьев, один из которых имел чин священно- или церковнослужителя [36; 32, 34, 80, 88, 118 об., 242 об.], (Приложение, I, п. 2—3). В Ундозерской выставке Мегорского погоста писец Иван Аничков отметил во дворе иерея Гаврилы Сидорова его 10-летнего шурина — Якушку Михайлова [36; 138].

Двухпоколенные семьи. Из 153 выявленных нами семей 107 (70 %) являлись двухпоколенными (табл. 1). Среди них преобладали семьи прямого родства: 73 из 107 (68 %). Как правило, они состояли из супругов с одним, двумя или тремя сыновьями: 67 из 73 (92 %).

При этом в 31 случае супруги растили мальчиков в возрасте до 14 лет: семей с одним сыном было 17 (55 %), с двумя — 12 (39 %), с тремя — 2 (6 %), (Приложение, II, п. 1). Еще в 17 семьях на воспитании супругов также находились малолетние дети; в то же время вместе с родителями во дворах числились их взрослые сыновья, возраста которых писец Иван Аничков не отметил (Приложение, II, п. 2).

В 19 случаях во дворах клириков состояли только их взрослые сыновья (Приложение, II, п. 3). При этом некоторые сыновья уже имели жен. Это подтверждается указаниями на занятие ими священнослужительских должностей. Так, во дворе водлозерского клирика Павла Проклова числились три его взрослых сына — иерей Григорий, церковный дьячок Ивашко и пономарь Ларка [36; 237].

Согласно церковной православной традиции перед посвящением в духовный сан дьякона или священника кандидаты, желавшие вступить в брак, должны были быть обвенчаны [26; 263]. Следовательно, старший сын Павла Проклова — священник Григорий — был женат, хотя еще не имел детей или воспитывал дочерей. Позднее у Григория Павлова появился и сын — Иван, который после смерти отца в 1706 г. «сшел в Великий Новгород к посвящению в попы» [5; 589]. Любопытно отметить, что в сказках, поданных в 1720 г., Иван Григорьев определил свой возраст в 47 лет [6; 67 об.]. Если доверять этим сведениям, то выходит, что в 1678 г. в семье водлозерского священника Павла Проклова уже подрастал 4-летний внук, который по каким-то причинам не был учтен писцом Иваном Аничковым.

Двухпоколенные семьи прямого родства не всегда отличались полнотой (Приложение, II, п. 4–5). Так, вдовы священники Георгий Евстафьев из выставки Верховского конца Андомского погоста, Сидор Аврамьев из Ундозерской выставки Мегорского погоста и Елисей Тимофеев из Озерской выставки Веницкого погоста проживали со своими сыновьями, в том числе малолетними [36; 192, 138]. Кроме того, в выставке Юштозеро Семчезерского погоста во дворе вдового священника Максима Герасимова сына Печкина числились его внуки — 8-летний Степашка и 4-летний Прошка Никитины [4; 86–86 об.].

Дети клириков и причетников нередко оказывались на попечении своих овдовевших матерей. В частности, проскурница Фоймогубской выставки Шунгского погоста Настасьица Иванова растила Мину и Малафейку детей Терентьевых [36; 324 об.]. Поднимала 5-летнего Филку, 3-летнего Петрушку и годовалого Ивашку Федоровых попадья Кондушской выставки Мегорского погоста — вдова умершего священника Федора. Писец Иван Аничков отметил во дворе только ее сыновей, уточнив, что приходится племянниками священнику Кириллу Иванову, они «живут о себе» [36; 112].

Из 107 двухпоколенных семей 34 являлись семьями бокового родства (32 %). Большинство — 14 из 34 (41 %) — включали женатого брата, числившегося в одном дворе с одним (10 случаев), двумя (2) или четырьмя (2) младшими братьями, и растившего сыновей — младше или старше 14 лет. Преимущественно у женатого брата был один сын (10); только у двух писец Иван Аничков отметил по два и еще у двух — по четыре сына (Приложение, II, п. 6).

Еще в шести двухпоколенных семейных коллективах бокового родства два или три женатых брата вели совместное хозяйство. Каждый имел по одному, два или три малолетних и/или взрослых сына (18 %), (Приложение, II, п. 7).

Состав остальных 14 семей был более сложным (41 %). Так, в 6 случаях писцом Иваном Аничковым во дворах были отмечены по два или три брата, из которых один или два были женаты и имели детей (Приложение, II, п. 8–11). При этом с братьями и их сыновьями мог числиться во дворе взрослый племянник (Приложение, II, п. 12–13). В частности, во дворе пудожского церковного дьячка Митки Иванова состояли также его 5-летний сын Ивашка, младший брат-пономарь Матюшка Иванов и 10-летний племянник Федка Петров [36; 254]. На подворье священника Чеболакшской выставки Кижского погоста Дорофея Панкратьева значились его сыновья — пономарь Оска, дьячок Федка с малолетним сыном Ивашкой и племянник Левка Иванов [36; 362].

В четырех случаях с супругами и их сыновьями проживали один, два или три племянника (Приложение, II, п. 14). Такие усеченные семьи встречались достаточно редко, однако являлись одними из самых многолюдных, включая до восьми представителей мужского пола. Например, во дворе пономаря Вытегорского погоста Ивашки Фомина числилось пять сыновей: два взрослых — Иевка и Мишка, три малолетних — 12-летний Дмитрейка, 6-летний Савка и 4-летний Ивашка. Пономарь присматривал и за двумя малолетними племянниками — 12-летним Тимошкой и 6-летним Родкой Ивановыми [36; 149].

Кроме того, церковный дьячок Данилка Викулов из Шуньги и священник Маркел Иванов из выставки Великая Губа Кижского погоста проживали каждый в своем дворе вместе с престарелым отцом и младшими братьями (Приложение, II, п. 15). При этом у священника на подворье состояли отец-дьячок Иван Архипов и брат-пономарь Ильюшка Иванов [36; 367]. Занятие братом и отцом церковных должностей, безусловно, свидетельствует о постепенном утверждении за отдельными семьями клириков и причетников в конце 1670-х гг. всех мест в причтах выставочных церквей.

В двух случаях семьи сельского причта приняли во двор зятя — мужа сестры или дочери (Приложение, II, п. 16). В частности, во дворе пономаря Калистратки Семенова из Шуньги был отмечен зять Анашка Тимофеев родом из Шальского погоста; у священника Бориса Иванова из выставки Кондопога Шуйского погоста — зять Варфоломейко. При этом и пономарь, и священник имели также по три сына [3а; 54 об.], [36; 408].

Трехпоколенных семей было столько же, сколько и однопоколенных: 23 из 153 (15 %). Значительно более половины представляли собой семейные коллективы прямого родства: 15 из 23

(65 %); 8 семей состояли из супругов с одним или двумя женатыми сыновьями и малолетними внуками, а также с одним, двумя или тремя младшими сыновьями — взрослыми и малолетними [За; 54], [36; 50 об., 280, 371 об., 375 об., 390], [4; 21, 49 об., 60 об.], (Приложение, III, п. 2).

К числу указанных можно отнести и семью овдовевшего священника Дмитрия Никитина (Приложение, III, п. 3). Писец Иван Аничков отметил на его подворье трех сыновей, из которых двое — Иаков и Левка, занимая должности иерея и церковного дьячка в погостских церквях, имели детей: первый — 7-летнего Ивашку и годовалого Васку, второй — 3-летнего Трифонку. Их третий брат Гаврилка был еще 9-летним подростком и также проживал с отцом [36; 50 об.]. Уверенно полагаем, что престарелый иерей-вдовец, упомянутый писцом Иваном Аничковым первым в списке жильцов, хотя и уступил священническое место старшему сыну, тем не менее остался хозяином двора, стоявшего не на церковной, а на тяглой земле в деревне Кузнецовской.

Состав еще шести семей был схожим, однако они включали не столь широкий круг родственников. Супруги числились в одном дворе с одним или двумя женатыми сыновьями и малолетними внуками от каждого (Приложение, III, п. 1).

Такие трехпоколенные семьи прямого родства включали до 10 представителей мужского пола. При этом самые многолюдные семейные коллективы были отмечены писцом Иваном Аничковым в отдаленных северных и восточных приходах Олонецкого уезда: в выставке Корбозеро в Пудожском погосте и в трех Лопских погостах — Шуезерском, Панозерском и Паданском [36; 280], [4; 21, 49 об., 60 об.]. Одной из самых больших была семья священника Паданского погоста Ивана Фомина. Клирик с супругой вели хозяйство вместе со старшим сыном Лучкой, который воспитывал четырех малолетних сыновей — Савку, Фетку, Исачку и Павелку. На подворье числились второй и третий взрослые сыновья священника — Ивашко и Титко; подрастали их четвертый и пятый младшие сыновья — 13-летний Якушко и 11-летний Васка [4; 21]. В соседнем, расположенном к северу, Шуезерском погосте церковный дьячок Елизарка Карпов проживал во дворе с шестью сыновьями. Из них старший — Пашка Елизарьев — был женат и растил 3-годовалого Калинку, два других — Ивашка Большой и Лаврушка — могли быть женаты, но пока не имели детей, еще трое — 14-летний Андрюшка, 13-летний Мишка и 3-годовалый Ивашка Меньшой — находились под присмотром родителей [4; 49 об.].

Трехпоколенные семьи бокового родства уступали в количестве семьям прямого родства: 8 из 23 (35 %). Их состав сильно варьировался. У церковных дьячков Ивашки Семенова из Кижского погоста и Петрушки Антонова из Космозерской выставки того же погоста подрастали малолетние сыновья. Во дворе у каждого доживал свой век престарелый дядя [36; 330, 375 об.], (Приложение, III, п. 4). Примечательно, что дядя одного из дьячков — «захребетник» Ипполитка Иванов по прозвищу Богдашка — в 1640-х гг. сам служил в погостских храмах дьячком. Уверенно полагаем, что именно его должность и двор, стоявший на церковной земле, унаследовали родственники, на иждивении у которых он теперь находился [2; 124 об.].

Дяди значились и во дворах еще двух семейных коллективов, каждый из которых включал двух или трех братьев — женатого с двумя сыновьями, взрослого, возраст которого писец Иван Аничков не указал, и третьего — малолетнего [36; 138, 267], (Приложение, III, п. 5).

В двух случаях наблюдаем смену поколений в наследовании церковных должностей внутри одной семьи — по прямой и боковой линиям (Приложение, III, п. 6—7). В частности, священник Трифон Никифоров из выставки Кузаранда Толвуйского погоста, воспитывая двух малолетних сыновей Офонку и Васку, вел совместное хозяйство с отцом, овдовевшим иереем Никифором Офонасьевым, и младшими братьями — Алешкой и Оской [36; 306 об.].

В соседнем приходе Кижского погоста священник Семен Никитин получил должность в причте после того как овдовел его старший брат — иерей Василий Никитин. Он же стал и хозяином церковного двора, в котором проживал ранее его отец — бывший священник Никита Андреев [21; 34]. Писец отметил в этом же дворе сыновей Семена Никитина — женатого Костку с внуком Ивашкой и 4-годовалого Петрушку [36; 330]. Отсутствие упоминаний в имеющихся в нашем распоряжении источниках о сыновьях Василия Никитина позволяет предположить, что передача церковной должности от брата к брату была связана с отсутствием у овдовевшего клирика наследников, знавших грамоту и желавших продолжить дело предков.

Во дворах еще двух священников, проживавших с сыновьями и внуками, числились их двоюродные братья и племянники (Приложение, III, п. 8—9). В частности, иерей Выгозерского погоста Иван Гаврилов не только воспитывал малолетнего внука Федку Гаврилова; на его подворье писец Иван Аничков отметил двоюродного брата — пономаря Лазарку Федорова и 10-летнего брата Лазарки — Костку, а также племянника Ивашку Филиппова, служившего при приходской церкви дьячком [36; 295].

В Шуйском погосте священник Иван Сергеев состоял в одном дворе с двумя женатыми сыновьями Матюшкой и Ивашкой и внуками от каждого из них. Тут же на подворье состоял и взрослый племянник клирика — Алешка Степанов [36; 400 об.].

5. Семьи духовенства и крестьянства: сравнительный аспект. Для оценки выявленных нами сведений представляется значимым сравнить состав семей сельского духовенства с составом семей местных крестьян и священно-церковнослужителей соседних епархий.

Обращение к исследованию И. А. Черняковой, тщательно изучившей данные переписной книги 1678 г. и установившей состав дворов и семей крестьян Заонежских погостов, позволяет сделать вывод о том, что в конце 1670-х гг. и у клириков, и у крестьян преобладали семьи прямого родства. Однако доля таких семей у духовенства была чуть меньше (104 из 153 (68 %)), чем у крестьян (565 из 784 (72 %)) [24; 118].

И. А. Чернякова приводит ценный вывод Е. Н. Баклановой, связывающей преобладание в конце 1670-х гг. семей такого типа в соседнем Вологодском уезде (71 %) с определенным этапом в развитии семейной организации, когда отмирали в пределах одной семьи широко разветвленные линии бокового родства [24; 119]. Такой же вывод можно сделать и в отношении семей карельского духовенства.

Вполне значимой И. А. Чернякова считает для конца 1670-х гг. долю семей бокового родства у крестьян: 28—29 % (218 из 784). Сравнивая полученные сведения с данными 1628 г., автор уверенно констатирует явное увеличение процента дворов, в которых, помимо хозяина, упоминаются его братья или братья с их сыновьями: «в Шунгском погосте с 10,5 до 19,8, в Шуйском — с 10,4 до 21,8» [24; 119]. Исследовательница приводит данные Е. Н. Баклановой, свидетельствующие об увеличении количества семей бокового родства в соседнем Вологодском уезде в чуть более поздний период — с 29 % в конце 1670-х до 43 % в начале 1700-х гг. Выявленные на материалах Заонежских погостов данные в сопоставлении со сведениями историографии позволили И. А. Черняковой сделать вывод «о процессе укрупнения дворов», обусловленном рядом причин, и в первую очередь сложной экономической ситуацией, которая вынуждала родственников вести совместное хозяйство [24; 105—106, 119—120].

Доля семей бокового родства у сельского духовенства, согласно нашим подсчетам, была чуть выше, чем у крестьян: 32 %. Это означает, что каждый второй-третий дворохозяин, состоявший в церковном причте, делил подворье с племянниками, братьями — малолетними и взрослыми, в том числе женатыми и имевшими детей, зятьями, шуринами или престарелыми дядями. Сельские клирики оказывались в одинаковом с крестьянами положении. Многие из них были вынуждены вести совместное хозяйство, особенно те из них, кто служил в северных малолюдных приходах, в которых не приходилось рассчитывать на ругу и оставалось полагаться лишь на собственный труд. Сплоченные семейные коллективы, включавшие два-три поколения по прямой и боковой линиям, обеспечивали себя всем необходимым, создавая тем самым и условия для служения клириков-дворохозяев в сельском храме.

Напротив, отсутствие поддержки со стороны родственников — членов семейного коллектива — приводило к тому, что священники в поисках новых мест переезжали из одного прихода в другой. Так, например, иерей Максим Герасимов сын Печкин, будучи сыном семчезерского священника Герасима Степанова, перебрался на службу в Селецкий погост во вновь образованную выставку в Гимолах, где служил до конца 1650-х гг. Затем он покинул выставку, чтобы быть поближе к брату, земскому дьячку Юштозерской волости Семчезерского погоста Дружинке Герасимову. В Юштозере он вскоре занял освободившуюся должность священника [21; 50]. С тех пор в Гимолах долгое время не было клирика. Об одном из них встречаем упоминание в грамоте митрополита Новгородского в 1673 г., однако уже в конце 1670-х гг. в церкви, согласно указанию писца Ивана Аничкова, богослужения вновь не проводились [21; 121].

Довольно значимое количество семей бокового родства у крестьян в конце 1670-х гг. И. А. Чернякова объясняет также «последствиями службы... в пашенных солдатах, учрежденной в 1649 г. и отмененной в 1666 г.» [24; 120]. По мнению автора, «относительно большой процент семей, состоявших из неженатых братьев... не столько является показателем сокращения семейных разделов, сколько указывает на значительное количество осиротевших семей» [24; 120]. По подсчетам И. А. Черняковой, основанным на анализе переписных книг солдатского высельщика Ивана Дивова 1657 г., «1230 семей не досчитались кормильцев», что составило, «исходя из общей суммы дворов по переписи 1646 г.», «приблизительно 11 % семей, главы которых были убиты или умерли в походах» [24; 121].

К службе в пашенных солдатах государство активно привлекало не только крестьян, но и детей духовенства. Уверенно устанавливаются имена 57 сыновей клириков и причетников, а также церковнослужителей, поставленных на учет, или несших военную службу в конце 1640-х — начале

1660-х гг. [21; 61]. В конце 1670-х гг. как минимум у 5 клириков из 153 священно-церковнослужителей братья некогда были записаны в государевы полки. В частности, у вдового священника Тарасия Григорьева из выставки Гонгиничи в солдатах числился брат Фролко Григорьев Попов; у священника Георгия Тихонова из выставки Щелейки — брат Павелко Тихонов; у священника Федора Якимова из Шуньги — брат Михалка Якимов Попов; у священника Василия Никитина из выставки Нигижма Пудожского погоста — брат Ивашка Микитин; у священника Афтамона Иванова из выставки Ладва — брат Роман Иванов [21; 61, 69].

Полагаем, что последствия «государевой службы» не были окончательно преодолены не только в семьях крестьян, но и духовенства. Об этом в какой-то степени позволяют судить упоминания писца Ивана Аничкова об усеченных братских семьях клириков и причетников (Приложение, II, п. 12–14; III, п. 8) и семьях, состоявших из супругов с племянниками (Приложение, III, п. 9).

Относительно большой процент семей бокового родства у духовенства был обусловлен и особенностями развития практики наследования церковных должностей. Возведенная в норму в 1551 г. благочестивая традиция о запрете вдовым клирикам совершать богослужения, хотя и была отменена в 1667 г., но продолжала бытовать в приходах Карелии [20; 46, 57]. После смерти супруги сельский священник передавал свою должность и церковный двор ближайшему взрослому родственнику, обученному грамоте и с согласия мирян рукоположенному владыкой в духовный сан. Вдовы братья и отцы не уходили в монастырь, как это было прописано в Стоглаве 1551 г., но оставались на иждивении родственников в тех же церковных дворах, которые могли воспринимать как собственность не столько прихода, сколько своей семьи или рода.

Схожесть состава семей духовенства и крестьянства, установленная нами, свидетельствует о сохранявшейся общности их судеб в рассматриваемую эпоху, несмотря на постепенно все больше углублявшееся обособление этих социальных групп.

6. Состав семей сельского духовенства в Олонецком и северо-восточных уездах.

Проанализировав сведения записной книги Вологодского архиепископа Симона 1676/77 г., М. С. Черкасова выявила, что более половины служивших в Белозерском уезде, Чарондской округе и южных приходах Каргопольского уезда семей клириков и причетников — 119 из 210 (57 %) — являлись семьями прямого родства, состоявшими из супругов и их сыновей [23; 249]. В Олонецком уезде доля семей приходского духовенства по прямой линии родства была выше, чем и в северо-восточном регионе (табл. 1): 68 % (104 из 153). При этом преобладала малая отцовская семья, состоявшая из родителей и их детей — малолетних и взрослых неженатых.

Семьи бокового родства в Вологодском и Каргопольском уездах, как установила М. С. Черкасова, включали супругов «без сыновей, но с братьями и племянниками» [23; 249]. Доля таких семей, согласно подсчетам автора, была довольно весомой — 43 %, т. е. значительно выше, чем в Карелии, — 32 %.

Уверенно полагаем, что особенности социально-экономического и демографического развития северо-восточного края во многом предопределили сложившуюся здесь ситуацию. Как указала М. С. Черкасова, в Вологодском уезде с конца XVII в. активно развивалось поместное землевладение, что приводило к уменьшению «дворности» приходов (до 60 дворов и менее) и захвату обрабатываемых причтами земель служилыми людьми. Сокращение участков и уменьшение количества прихожан при постепенном увеличении оклада церковной дани, собиравшейся ежегодно владыкой с духовенства, приводило к обеднению клириков и не могло не вынуждать их вести с родственниками совместное хозяйство [23; 241–242, 248]. Несмотря на некоторые локальные особенности, состав семей сельских священно-церковнослужителей — и в Карелии и на Вологодчине — в целом был схожим и свидетельствует об общности судеб приходского духовенства в северном крае.

7. Выводы: к вопросу о разрастании семей клириков и причетников в конце 1670-х гг.

Состав семей клириков и причетников в Заонежских и Лопских погостов в конце 1670-х гг. позволяет утверждать, что в последней трети XVII в. происходила смена поколений священно-церковнослужителей внутри отдельных семей и фамилий. Вдовы отцы и братья уступали церковные должности и места своим родственникам, преимущественно числившимся в их дворах (табл. 2).

Таблица 2

**Состав родственников на подворьях клириков и причетников
(по переписным книгам Заонежских и Лопских погостов 1678 г.)**

Степень родства	Всего		В том числе состоят в причте	
	родственников			
	(чел.)	%	(чел.)	%
Сын	245	64	24	64

Брат	53	14	10	27
Племянник	33	9	1	3
Дядя	4	1	0	0
Отец	3	1	1	3
Внук	40	10	1	3
Зять, шурин	3	1	0	0
<i>Итого</i>	381	100	37	100

См. примечание к табл. 1.

Наличие в семьях сыновей, братьев, племянников, шуринов и зятевей позволяло клирикам активно вводить родственников в причт на низшие должности дьячков и пономарей, утверждая за своими семьями право в будущем занять места священнослужителей.

Однако постепенное разрастание местных священнослужительских династий и складывание церковнослужительских фамилий не привело к стремительному разрастанию причтов. Напротив, некоторые выставочные приходы, такие как Рыборецкий и Гежесельгский в Оштинском, Куштозерский в Мегорском, Гимольский в Селецком погостах, оставались вовсе без причтов, а сельский храм — «без пения» [За; 5], [36; 70, 143] [4; 14 об.].

Более того, к концу 1670-х гг. самые многолюдные причты в Заонежских погостах не превышали семи-двенадцати человек (всего 6 из 99 (13%)), в Лопских погостах состав причтов не изменился на протяжении более 80 лет — они включали по три человека [20; 93, 120]. Кандидатов, желавших занять «вождевленное место при какой-нибудь церкви, все равно — богатой или бедной», как полагал П. В. Знаменский, в Карелии в последней трети XVII в. было не так уж много [15; 103]. Сложная социально-экономическая ситуация приводила к тому, что не все сыновья клириков были готовы продолжить дело предков. Однако сплоченность семей клириков, готовых поддержать одного или нескольких своих членов в стремлении продолжить дело предков, с одной стороны, и желание самих прихожан удержать батюшку, находя всевозможные способы обеспечения его ругой и землей, с другой стороны, способствовали сохранению непрерывности духовной жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-31-01225а2.

Список источников и литературы:

I. Источники

Опубликованные

1. 1551. — Стоглав : исследование и текст. Москва, 2000. 504 с.

Неопубликованные

Российский государственный архив древних актов

1. 1646. — Переписная книга Заонежских погостов Ивана Писемского, Лариона Сумина и подьячего Якова Еуфимьева // Ф. 1209 : Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 980. 577 л.
2. 1678. — Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Там же. Кн. 1137. Ч. 1. 186 л. (а); Ч. 2. 427 л. (б)
3. 1678. — Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Там же. Кн. 8573. 110 л.
4. 1707. — Переписная книга частновладельческих, монастырских и дворцовых крестьян Оштинской половины Олонецкого уезда Михаила Ларионовича Мордвинова // Там же. Кн. 8578. Л. 110—612.
5. 1720—1722. — Книга Олонецкого уезда церковником и других чинов разночинцом, которые в оклад не положены // Ф. 350 : Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2374. 159 л.

Научный архив С.-Петербургского института истории РАН

1. 1675, июнь. — Дело о захвате жителями Озерской волости Ильинского Венецкого погоста Ларкой Ерофиевым и его сыном Мирошкой участка, проданного ими священнику той же волости Елисею Тимофееву // Ф. 98 : Олонецкая воеводская изба. Карт. 7. Д. 34. Сст. 1—3.
2. 1676/77. — Черновики приходо-расходных книг с росписью собранных в Олонецком уезде

- «полоняничных», кабацких и ямских денег, денег за оброчные угоды с жителей посада, а также определенных в 1675/76 г. на «избные» и «кабацкие» расходы, выплату жалованья служащим приказной избы и царской руги клирикам Троицкого собора и в Палеостровский монастырь // Там же. Карт. 8. Д. 40. Сст. 1–51.
3. 1677, августа 26. — октября 30. — Дело о выборе старост Рождественского Мегорского погоста Олонецкого уезда на 1677/78 г. // Там же. Карт. 8. Д. 135. Сст. 1–10.
  4. 1677, августа 26 — ноября 15. — Дело о выборе старост Ильинского Венецкого погоста Олонецкого уезда на 1677/78 г. // Там же. Карт. 8. Д. 134. Сст. 1–11.
  5. 1677, сентябрь. — Мирская челобитная крестьян Никольского Оштинского погоста Филки Ксенофонтова и других (всего 64 имени) с просьбой утвердить на должности старосты крестьянина того же погоста Офонку Никитина сына Неvejина и отказать в должности другим бывшим старостам // Там же. Карт. 9. Д. 1. Сст. 1–5.
  6. 1678, июля 29 — августа 10. — Дело о расследовании причин недобора питейной прибыли на шунгском кабаке у головы кружечного двора Гришки Мартемьянова и таможенных пошлин в Повенецком рядке у головы таможенного сбора Матфея Соболева в 1675/76 г. // Там же. Карт. 9. Д. 10. Сст. 1–15.
  7. 1679–1682. — Списки с отписей в венечных деньгах, собранных поповскими старостами различных погостов Обонежской пятины // Ф. 171 : Коллекция актов Новгородского Софийского дома. Д. 263. Сст. 52–64.

II. Научная литература

1. Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. : церковно-исторический очерк. Санкт-Петербург, 1908. 683 с.
2. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Санкт-Петербург, 2003. С. 1–178 (переизд. с изд. 1867 г.).
3. Любимов Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII—XVIII вв. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1852. 185 с.
4. Матисон А. В. Православное духовенство русского города XVIII века : генеалогия священно-церковнослужителей Твери. Москва, 2009. 268 с.
5. Старостина Т. В. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории : сборник статей. Вып. 1. Петрозаводск, 1961. С. 128–145.
6. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. / отв. ред. Б. Н. Флоря. Москва, 2002. 352 с.
7. Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — XVIII века / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 2013. 244 с.
8. Сулова Е. Д. Служители Церкви в Карелии раннего нового времени : складывание династий / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 2013. 162 с.
9. Сулова Е. Д. К вопросу о формировании сословия духовенства в Карелии в раннее Новое время (по материалам Шуйского погоста) // Православие в Карелии : материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 316–322.
10. Черкасова М. С. Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII веке // Северо-Запад в аграрной истории России : сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 234–251.
11. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох : очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. 295 с.
12. Чернякова И. А. Успенская церковь в Кондопоге: день нынешний и век минувший : (к истории церковного прихода) // Краевед — 10 лет : сборник статей. Петрозаводск, 1999. С. 36–50.
13. Цыпин В. А. Церковное право. Москва, 1994. 440 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/22c/cipin/eccllaw/eccllaw.pdf>, свободный.

REFERENCES

ARCHIVAL AND PRINTED PRIMARY SOURCES

Published sources:

1. Stoglav: Investigation and Text [Stoglav: issledovanie i tekst]. Moscow, 2000. 504 p.

Unpublished sources:

Russian State Archive of Ancient Acts [Rossiyskiy Gosudarstvennyiy Arkhiv Drevnih Aktov]:

1. 1646. — The Census book of Zaonezh'e pogosts compiled by Ivan Pisemskiy, Larion Sumin and the scribe Yakov Eufim'ev [Perepisnaya kniga Zaonezhskikh pogostov Ivana Pisemskogo, Lariona Sumina i pod'yachego Yakova Eufim'eva] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyi Prikaz]. Opis' 1. Kniga 980. 577 sheets.
2. 1678. — The Census book of Zaonezh'e pogosts compiled by Ivan Aleksandrovich Anichkov, Ivan Nikiforovich Anichkov and the scribe Ivan Venyakov [Perepisnaya kniga Zaonezhskikh pogostov Olonetskogo uyezda Ivana Aleksandrovicha Anichkova, Ivana Nikiforovicha Anichkova i pod'yachego Ivana Venyakova] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyiy Prikaz]. Opis' 1. Kniga 1137. Part 1. 186 sheets (a); Part 2. 426 sheets (b).
3. 1678. — The Census book of Laps pogosts compiled by Ivan Aleksandrovich Anichkov, Ivan Nikiforovich Anichkov and the scribe Ivan Venyakov [Perepisnaya kniga Lopskikh pogostov Olonetskogo uyezda Ivana Aleksandrovicha Anichkova, Ivana Nikiforovicha Anichkova i pod'yachego Ivana Venyakova] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyiy Prikaz]. Opis' 1. Kniga 8573. 110 sheets.
4. 1707. — The Census book of landowners, monasteries and court's peasants of the Oshta half of the Olonets uezd compiled by Mikhail Larionovich Mordvinov [Perepisnaya kniga chastnovladel'cheskikh, monastyrskikh i dvortsovykh krest'yan Oshtinskoy poloviny Olonetskogo uyezda Mikhaila Larionovicha Mordvinova] // Fund 1209: Manorial Office [Pomestnyiy Prikaz]. Opis' 1. Kniga 8578. 110–612 sheets.
5. 1720–1722. — The book of the clergy and the commoners of the Olonets uezd who are not defined as taxpayers [Kniga Olonetskogo uyezda tserkovnikom i drugikh chinov raznochintsom, kotorye v oklad ne polozheny] // Fund 350: Collection of books of provincial courts of justice and books of revisions [Landratskie knigi i revizskie skazki]. Opis' 2. Delo 2374. 159 sheets.

The Scientific Archive of the Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
(Nauchnyi arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii rossiyskoy akademii nauk)

1. 1675, June. — Suit on expropriation of the priest Elisey Timofeev's parcel of land by Larka Erofiyev and his son Miroshka, peasants of Ozera volost' in Venitsa pogost [Delo o zahvate zhitelyami Ozerskoy volosti Il'inskogo Venitskogo pogosta Larkoy Erofiyevym i ego synom Miroshkoy uchastka, prodannogo imi svyashchenniku toy zhe volosti Eliseyu Timofeevu] // Fund 98: Chancellery of Olonets Military Commanders. Carton 7. Delo 34. L. 1–3.
2. 1676/77. — Drafts of books on receipts and expenditures with records on taxes paid by town dwellers and payments for subsistence of olonets military chancellery, state taverns, clergy of the olonets Trinity church and the monastery of Paleostrov [Chernoviki prikhodo-rashodnykh knig s rospis'u sobrannykh v Olonetskom uезде «polonyanichnykh», kabatskikh i yamskikh deneg, deneg za obrochnyie ugodya s zhitel'ey posada, a takzhe opredelennykh v 1675/76 g. na «izbnyie» i «kabatskie» raskhody, v yplatu zhalovan'ya sluzhaschim prikaznoy izby i tsarskoy rugi klirikam Troitskogo sobora i v Paleostrovskiy monastyr'] // Fund 98. Carton 8. Delo 40. L. 1–51.
3. 1677, August 26. — Documentation on the elders' election at Megra pogost of Olonets uezd in 1677/78 y. [Delo o vybore starost Rozhdestvenskogo Megorskogo pogosta Olonetskogo uyezda na 1677/78 g.] // Fund 98. Carton 8. Delo 135. L. 1–10.
4. 1677, August 26 — November 15. — Documentation on the elders' election at Venitsa pogost of Olonets uezd in 1677/78 y. [Delo o vybore starost Il'inskogo Venitskogo pogosta Olonetskogo uyezda na 1677/78 g.] // Fund 98. Carton 8. Delo 134. L. 1–11.
5. 1677, September. — Petition of Filka Ksenofontov and others peasants of Oshta pogost (64 persons) to confirm Ofonka Nikitin Nevezhin on the position of the elder of the same pogost [Mirskaya chelobitnaya krest'yan Nikol'skogo Oshtinskogo pogosta Filki Ksenofontova i drugih (vsego 64 imeni) s pros'boy utverdit' na dolzhnosti starosty krest'yanina togo zhe pogosta Ofonku Nikitina syna Nevezhina i otkazat v dolzhnosti drugim byvshim starostam] // Fund 98. Carton 9. Delo 1. L. 1–5.
6. 1678, July 29 — August 10. — Documents on the revision of a small amount of money had been collected in the tavern of Shun'ga pogost by the tavern keeper Grishka Martem'yanov and in the customhouse of Povenets by the customs officer Matfey Sobolev in 1675/76 y. [Delo o rassledovanii prichin nedobora piteynoy pribyli na shungskom kabake u golovy kruzhechnogo dvora Grishki Martem'yanova i tamozhennykh poshlin v Povenetskom ryadke u golovy tamozhennogo sbora Matfeya Soboleva v 1675/76 g.] // Fund 98. Carton 9. Delo 10. L. 1–15.
7. 1679–1682. — Lists of records on parishioners for church weddings payment to clergy elders of the pyatina of Obonezhie [Spiski s otpisey v venechnykh dengakh, sobrannykh popovskimi starostami razlichnykh pogostov Obonezhskoy pyatiny] // Fund 171. Collection of documents from the chancellery of the novgorodian metropolitan. Delo 263. L. 52–64.

SECONDARY SOURCES

1. Veruzhskiy V. M. Afanasiy, the archbishop of Holmogory. His life and activity in connection with the history of Holmogory eparchy during the first twenty years from its foundation and Russian Orthodox

- Church at the end of the 17th century [Afanasiy, arkhiepiskop Holmogorskiy. Ego zhizn' i trudy v svyazi s istoriey Kholmogorskoj eparkhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniya i voobshche Russkoy Tserkvi v kontse XVII v. : tserkovno-istoricheskiy ocherk]. Sankt-Peterburg, 1908. 683 p.
2. Znamenskiy P. V. Parish Clergy in Rus' [Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi]. Sankt-Peterburg, 2003. S. 1—178 (re-edition from the edition of 1867 y.).
  3. Lubimov G. M. Historical survey of the ways of clergy material supporting from the Apostol times to the 17—18 centuries [Istoricheskoe obozrenie sposobov sodержaniya Khristianskogo dukhovenstva ot vremen apostol'skikh do XVII—XVIII vv.] Ed. 2d. Sankt-Peterburg, 1852. 185 s.
  4. Matison A. V. The Orthodox clergy of the Russian town in the 18th century: genealogy of churchmen and sacristans of Tver' [Pravoslavnoe dukhovenstvo russkogo goroda XVIII veka : genealogiya svyashchenno-tserkovnosluzhiteley Tveri]. Moskva, 2009. 268 s.
  5. Starostina T. V. The unrest of peasants at Tolvuya pogost in the 17th century [Volneniya krest'yan Tolvuyskogo pogosta v XVII v. (do kontsa 60-h gg.)] // *Voprosy istorii : sbornik statey* [Issues on history : collection of articles]. Vyp. 1. Petrozavodsk, 1961. S. 128—145.
  6. Stefanovich P. S. Parish and parish clergy in Russia in the 16—17th century [Prihod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI—XVII vv.] / Executive ed. B. N. Florya. Moskva, 2002. 352 s.
  7. Suslova E. D. The parish church formation in Karelia from the end of 15th to the beginning of 18th century [Tserkovno-prihodskaya sistema v Karelii kontsa XV — XVIII veka] / Science ed. I. A. Chernyakova. Petrozavodsk, 2013. 244 s.
  8. Suslova E. D. Priesthood and sacristans in Karelia in Early Modern Time : dynasties' formation [Sluzhiteli Tserkvi v Karelii rannego novogo vremeni : skladyvanie dinastiy] / Science ed. I. A. Chernyakova. Petrozavodsk, 2013. 162 s.
  9. Suslova E. D. Towards the question of clergy estate formation in Karelia in Early Modern Time (according to the documents from Shuya pogost) [K voprosu o formirovanii sosloviya dukhovenstva v Karelii v rannee novoe vremya (po materialam Shuyskogo pogosta)] // *The Orthodoxy in Karelia : proceedings of the third regional scientific conference dedicated to the 750-years anniversary of baptizing of the Karelians* [Pravoslavie v Karelii : materialy III regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 780-letiyu krescheniya karelov (16—17 oktyabrya 2007 g., Petrozavodsk)]. Petrozavodsk, 2008. S. 316—322.
  10. Cherkasova M. S. Economical and demographic characteristics of rural parishes in Vologda-Belozero eparchy in the 17th century [Ekonomicheskaya i demograficheskaya kharakteristika sel'skikh prihodov Vologodsko-Belozerskoj eparkhii v XVII veke] // [Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii : sbornik nauchnykh trudov]. Kaliningrad, 2008. S. 234—251.
  11. Chernyakova I. A. Karelia on the edge of epochs: outlines on social and agrarian history of the 17th century [Kareliya na perelome epokh : ocherki sotsialnoy i agrarnoy istorii XVII veka]. Petrozavodsk, 1998. 295 s.
  12. Chernyakova I. A. The Church of Our Lady Assumption in Kondopoga: a present day and a past century : (towards the history of the parish) [Uspenskaya tserkov v Kondopoge: den' nyneshniy i vek minuvshiy : (k istorii tserkovnogo prihoda)] // *Kraeved — 10 let : sbornik statey* [An Amateur of History — 10 years : collection of articles]. Petrozavodsk, 1999. S. 36—50.
  13. Tsyplin V. A. Tserkovnoe pravo [The Church Law]. Moskva, 1994. 440 s. [Electronic resource]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/22c/cipin/eccllaw/eccllaw.pdf>.

Приложение. Состав семей священно-церковнослужителей Олонецкого уезда в конце 1670-х гг. (по переписной книге 1678 г. и актам приказного делопроизводства)

Состав семей	Кол-во	Всего	Итого
I. Одно поколение			23
1. Супруги (бездетные или с детьми женского пола)	16	16	
Боковое родство		7	
2. Женатый брат в чине священнослужителя (бездетный или с детьми женского пола) с братьями, в том числе:			
со взрослым неженатым братом	2		
с двумя братьями — малолетним и взрослым неженатым	1		
с двумя взрослыми неженатыми братьями	1		
3. Два взрослых брата неженатых или женатых, но без детей мужского	2		

пола		
4. Супруги с шурином	1	
II. Два поколения		107
Прямое родство	73	
1. Супруги с малолетними сыновьями, в том числе:	31	
с одним сыном	17	
с двумя сыновьями	12	
с тремя сыновьями	2	
2. Супруги с малолетними и взрослыми сыновьями, в том числе:	17	
с малолетним и взрослым неженатым	7	
с малолетним и взрослым женатым	1	
с малолетним и двумя взрослыми неженатыми	4	
с двумя малолетними и взрослым неженатым	1	
с двумя малолетними и двумя взрослыми неженатыми	2	
с четырьмя малолетними и взрослым неженатым	2	
3. Супруги со взрослыми неженатыми или женатыми, но без детей мужского пола, сыновьями, в том числе:	19	
с одним сыном	13	
с двумя сыновьями	5	
с тремя сыновьями	1	
4. Вдова или вдовец с сыновьями, в том числе:	5	
вдовец с малолетним сыном	1	
вдовец с тремя малолетними сыновьями и четвертым взрослым сыном	1	
вдовец со взрослым сыном	1	
вдова с двумя малолетними сыновьями	1	
вдова с тремя малолетними сыновьями	1	
5. Вдовец с двумя внуками	1	
Боковое родство	34	
6. Женатый брат с сыновьями и младшими братьями, в том числе:	14	
с малолетним сыном и младшим взрослым братом	7	
с двумя малолетними сыновьями и младшим взрослым братом	1	
с четырьмя малолетними сыновьями и младшим взрослым братом	1	
с четырьмя сыновьями — тремя малолетними и взрослым, и младшим взрослым братом	1	
с малолетним сыном и двумя младшими взрослыми братьями	1	
с двумя малолетними сыновьями и двумя младшими взрослыми	1	

братьями	
с малолетним сыном и четырьмя братьями — двумя малолетними и двумя взрослыми	1
с малолетним сыном и четырьмя взрослыми братьями	1
7. Женатые братья с сыновьями, в том числе:	6
Женатый брат с тремя малолетними сыновьями, женатый брат с малолетним сыном	
Женатый брат с тремя малолетними сыновьями, женатый брат с малолетним и взрослым сыновьями	
Женатые братья с тремя малолетними сыновьями у каждого	
Женатый брат с двумя малолетними и взрослым сыновьями, женатый брат с малолетним сыном	
Женатый брат с двумя взрослыми и малолетним сыновьями, женатый брат со взрослым и малолетним сыновьями	
Женатые братья с малолетним сыном у каждого, третий женатый брат с двумя малолетними сыновьями	
8. Два женатых брата с сыновьями и третьим младшим неженатым братом	1
9. Женатый брат с малолетним сыном и младшим неженатым братом	1
10. Женатый брат с сыновьями, вторым вдовым и третьим младшим братьями	1
11. Женатый брат бездетный или с детьми женского пола, два младших женатых брата с сыновьями	1
12. Женатые братья с сыном у каждого и взрослым племянником	1
13. Взрослый неженатый или женатый брат (бездетный или с детьми женского пола), младший женатый брат с малолетним сыном и с малолетним племянником	1
14. Супруги с племянниками или с племянниками и сыновьями, в том числе:	4
с малолетними племянником и сыном	
со взрослыми неженатыми племянником	

и сыном		
с двумя малолетними племянниками и пятью сыновьями — двумя взрослыми и тремя малолетними		
с тремя племянниками — взрослым неженатым и двумя малолетними		
15. Взрослые братья с отцом, в том числе:	2	
Женатый брат (бездетный или с детьми женского пола) с младшим неженатым братом и вдовым отцом		
Брат (неженатый или женатый с детьми женского пола) с двумя малолетними братьями и престарелым отцом		
16. Супруги с зятем и сыновьями, в том числе:	2	
с зятем и тремя малолетними сыновьями		
с зятем и тремя сыновьями — малолетним и взрослыми неженатыми		
III. Три поколения		23
Прямое родство	15	
1. Супруги с женатыми сыновьями и внуками, в том числе:	6	
с женатым сыном и малолетним внуком	3	
с женатым сыном и двумя малолетними внуками	1	
с двумя женатыми сыновьями и малолетним внуком от каждого	1	
с женатым сыном и малолетним внуком, со вторым женатым сыном и двумя малолетними внуками	1	
2. Супруги с женатыми сыновьями и внуками, а также младшими сыновьями, в том числе:	8	
супруги с женатыми сыновьями и внуками и младшими взрослыми сыновьями, в том числе:	3	
с женатым сыном и малолетним внуком, со вторым взрослым сыном		
с двумя женатыми сыновьями и малолетним внуком от каждого, с третьим и четвертым взрослыми сыновьями неженатыми или женатыми, но бездетными или с детьми женского пола		
с женатым сыном и тремя малолетними внуками, со вторым женатым сыном и малолетним внуком, с третьим взрослым сыном, неженатым или женатым,		

но бездетным или с
детьми женского пола

супруги с женатыми 5

сыновьями и внуками,
младшими взрослыми и
малолетними сыновьями,
в том числе:

с женатым сыном и двумя
малолетними внуками, со
вторым женатым сыном и
малолетним внуком, с
третьим взрослым и
четвертым малолетним

сыновьями

с женатым сыном и тремя
малолетними внуками,
вторым взрослым и
третьим малолетним

сыновьями

с женатым сыном и
малолетним внуком,
вторым и третьим
взрослыми сыновьями,
четвертым, пятым и
шестым малолетними

сыновьями

с двумя взрослыми
сыновьями и двумя
малолетними внуками от
третьего сына

с женатым сыном и
четырьмя малолетними
внуками, вторым и
третьим взрослыми
сыновьями, четвертым и
пятым малолетними
сыновьями

3. Вдовец с женатым 1

сыном и двумя
малолетними внуками,
вторым женатым сыном и
малолетним внуком,
третьим малолетним
сыном

Боковое родство

8

4. Супруги с малолетними 2
сыновьями и дядей, в том
числе:

с малолетним сыном и
дядей

с тремя малолетними
сыновьями и дядей

5. Женатый или 2

неженатый брат с
сыновьями, младшими
братьями и дядей

Женатый брат с двумя
малолетними сыновьями,
младшим взрослым
братом и дядей

Взрослый брат неженатый
или женатый (бездетный
или с детьми женского
пола), с женатым братом
и его двумя малолетними
детьми, третьим
малолетним братом и
дядей

6. Женатый брат с двумя 1

малолетними сыновьями,
младшим взрослым

братом, третьим
малолетним братом и
вдовым отцом

---

7. Женатый брат со взрослым сыном и малолетним внуком, младшим малолетним сыном и вдовым братом	1
---	---

---

8. Женатый брат с малолетним внуком, взрослым племянником, двумя двоюродными братьями	1
---	---

---

9. Супруги с женатым сыном и двумя малолетними внуками, вторым женатым сыном и малолетним внуком, взрослым племянником	1
---	---

Итого	153
-------	-----

См. примечание к табл. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

[i] Выставки Рождественского Олонецкого погоста: Верхняя Мегрега, Коткозеро, Сямозеро; Ильинского Олонецкого погоста: Видлица, Горы, Салменицы, Туломозеро, Ведлозеро, Тулокса, Тукса, Гейтола.

[ii] Сохранились сведения о двух выставках: Шеменской (вотчина Хутынского монастыря) и Плотиченской (вотчина Росткина монастыря), об остальных — Согинской, Погаченской, Пидмозерской, Каковской, Шангоостровской, Пидемской, Святозерской, Лоянской — утрачены.

[iii] Сохранились сведения о трех выставках: Озерской, Немжинской и Гонгинской; об остальных двух — Каргинской и Чикозерской — утрачены.

[iv] Вдовы: Марьица Юрьева дочь (Толвуя), Овдотьица Кирилова дочь (Тубозеро), Оксеньица Кирилова дочь (Шуньга), Матренка Никулина дочь (Кижы), Лукерьица Онкудинова дочь (Яндомозеро), Настасьица (Кондопога).

[v] «Старицы»: Неонила (Шуньга), Каптелина (Мелой Губа), имя не указано (Вытегра), имя не указано (Пяжозеро).

*

*

*

Keywords:

*

*

evgenia.suslova@mail.ru

Summary:

*

УДК 94"1939/45"

Потери Вооруженных Сил СССР в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

КИЛИН
Юрий
Михайлович

*Доктор исторических наук,
Заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений, директор
Института североευропейских исследований ПетрГУ,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,,
Петрозаводск, kilinyuri@mail.ru*

Ключевые слова:

советско-финляндская война
1939—1940 гг.
потери Красной Армии
Книга Памяти
электронная база данных

Аннотация:

В статье анализируются данные о потерях Вооруженных Сил СССР в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг., выделяются этапы их выявления, обосновывается число погибших, умерших от ран и пропавших без вести воинов, которое по подсчетам автора, за 105 дней войны составило 138 509 человек. Данные о потерях подсчитаны на основе созданной и поддерживаемой Научно-исследовательским и образовательным Центром по проблемам Второй мировой войны на Севере Европы электронной базы данных «Зимняя война: Безвозвратные потери Красной Армии в период советско-финляндской войны (1939—1940)» <http://www.winterwar.karelia.ru/>. Автором также подсчитано соотношение потерь советских и финских войск — 1:5,2, что свидетельствует о стремлении советских лидеров достичь любой ценой главной цели войны — разгрома финской армии и оккупации Финляндии накануне неминуемой войны с Германией. Кроме того, этот разрыв показывает эффективность финской армии в ведении войны на северном ТВД в зимних условиях и ее лучшую подготовку к боевым действиям.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Советско-финляндская война 1939—1940 гг.

Начавшаяся утром 30 ноября 1939 г. и продолжавшаяся до полудня 13 марта 1940 г. 105-дневная советско-финляндская война относится к категории крупнейших локальных войн XX века по масштабам поставленных РККА задач, протяженности фронта, численности противостоявших друг другу вооруженных сил двух государств, потерям живой силы и техники. Боевые действия характеризовались высокой интенсивностью, крайним ожесточением, с которым велись крупнейшие сражения, решительностью сторон в достижении поставленных целей, тяжелыми географическими и природно-климатическими условиями самого северного в мировой истории театра военных действий.

Главной целью войны для советского государства было улучшение геостратегического положения СССР накануне большой общеевропейской и мировой войны за счет сокращения будущего советско-германского фронта до 1200-километрового перешейка между Балтийским и Черным морями (по прямой линии от Клайпеды до Одессы). Протяженность советско-финляндской границы в 1939 г.

составляла 1554 км, или 41,2% от всей западной границы СССР (3774 км) [7; 167]. На этом относительно простом по характеру местности ТВД вооруженные силы СССР, готовившиеся к ведению масштабной сухопутной войны, используя свое превосходство в численности и технике, могли быстро добиться успеха.

Включение в состав СССР политико-дипломатическими и/или военными методами трех Прибалтийских государств и Финляндии, кроме того, позволяло решить ряд важных частных задач по укреплению обороноспособности страны: обеспечивалась безопасность Ленинграда, крупнейшего военно-промышленного центра СССР (до 40% военной продукции государства), стратегической железной дороги, связывавшей Ленинград с Мурманском, т.е. морской связи с потенциальными союзниками, и Беломорско-Балтийского водного пути. Кроме того, ограничивалась свобода действий сильного ВМФ Германии в центральной и восточной Балтике, а передовые базы КБФ выносились далеко на запад, прерывая жизненно важные для противника поставки железной руды из Швеции через Ботнический залив.

Ставки были исключительно высоки и советско-финляндская война была неизбежна, вместе с тем, Финляндия была лишь частью проблемы безопасности на западной границе СССР. Приоритетным было первоочередное установление контроля над несостоятельными в военном отношении Прибалтийскими государствами, находившимися на главном направлении европейского театра военных действий. «Финский вопрос», второстепенный с 1920-х гг., предполагалось решить в последнюю очередь, предварительно изолировав это слабое государство в политическом и военном отношении.

Одной из основных специфических черт советско-финляндской войны был ее отчетливо выраженный асимметричный характер, метафорически представленный во французской прессе как вооруженное противостояние «слона и блохи». Война велась самым большим по территории, третьим по численности населения государством мира, против одной из бывших национальных окраин Российской империи, Великого княжества Финляндского, с 1919 г. независимой Республики Финляндия, население которой было меньше (3,5 млн. человек), чем численность РККА после завершения мобилизации в сентябре 1939 г. По территории СССР превосходил Суоми почти в 60 раз, по численности населения и вооруженных сил мирного времени — почти 50-кратно. За счет массовой мобилизации численность финской полевой армии к октябрю 1939 г. была доведена до 270 тыс. человек против 450-тысячной группировки РККА. По количеству современных технических средств ведения войны: артиллерии, танков и авиации превосходство СССР было абсолютным, достигая 100-кратной величины по танкам и примерно 10-кратной по боевой авиации.

Уникальный характер войны определялся также наличием двух военно-морских ТВД, на Баренцевом море и на Балтике, включая Ботнический залив, одного озерного, Ладожского, а также протяженного 1400-километрового сухопутного фронта. В своей северной части, от Ладоги до Баренцева моря, он представлял собой отдельные оперативные направления, на которых войска действовали изолированно, без локтевой связи друг с другом. Лишь на Карельском перешейке была сплошная линия фронта. Советско-финляндская война — единственная в мировой истории крупномасштабная высокоширотная локальная война, которая велась в зимних условиях на территории самого северного театра военных действий, между 60 и 69,5 градусами северной широты. Суровая зима 1939—1940 гг. с рекордными минусовыми температурами, опускавшимися в Лапландии ниже —50 градусов Цельсия, круглогодично труднопроходимая местность, обильные снегопады и короткий световой день создавали уникальный ландшафт «зимней» войны.

Окончательный вариант «Плана операции против Финляндии» был разработан военным советом ЛВО 29 октября 1939 г., еще до прекращения переговоров делегаций двух государств в Москве. Замысел операции, завершить которую предполагалось примерно в течение месяца, к 60-летию юбилею И. В. Сталина (21 декабря), заключался в одновременном вторжении на территорию Финляндии на всех направлениях «с целью ... нанести решительное поражение финской армии» [5]. В дальнейшем планировалось оккупировать всю территорию Финляндии с выходом к шведской и норвежской границе. В указании, данном 29 ноября 1939 г. командному составу ЛВО ставилась задача овладеть Выборгом за четыре дня, а в Хельсинки войти к исходу двух недель [8; 148].

План войны против Финляндии, составленный в штабе ЛВО, был абсолютно нереалистичным и невыполнимым в установленный срок имевшимися силами и средствами. Самой серьезной ошибкой командующего войсками ЛВО командарма 2 ранга К. А. Мерецкова и Генерального штаба РККА было распределение войск между решающим для исхода войны Карельским перешейком и более чем 1000-километровым карело-мурманским, второстепенным, участком фронта. По плану операции, из 22 дивизий (к 30.11.1939 не все эти дивизии прибыли на фронт) первоначальной группировки РККА на

фронте от Ладожского озера до Баренцева моря действовали 13 стрелковых дивизий, на Карельском перешейке — 9: в первом эшелоне 7-й армии — 5, во втором эшелоне и армейском резерве по 1 дивизии. В резерве Ставки находились 2 стрелковые дивизии. К концу войны на фронт дополнительно прибыли 38 дивизий различного типа, а численность группировки войск вплотную приблизилась к 1 млн человек. За 105 дней войны советские войска понесли исключительно тяжелые потери.

Определение потерь РККА в советско-финляндской войне

В течение 50 лет после окончания зимней войны безвозвратные потери Красной Армии оценивались в широком диапазоне от 48 745 человек, о чем заявил нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов 29 марта 1940 г. [1], до «более миллиона убитых советских солдат»[1].

В 1949—1951 гг. Главное управление кадров Министерства обороны СССР и Главный штаб Сухопутных войск составили именные списки военнослужащих Красной Армии, погибших, умерших и пропавших без вести в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Всего в них было внесено 126 875 имен [6; 103]. В картотеке потерь, хранящейся в РГВА и содержащей поименный перечень потерь, числятся 131 476 убитых, пропавших без вести и умерших от ран [3; 49]. Эта картотека наиболее полная, так как в ней учтены сведения, поступившие после мая 1940 г. Картотека находилась на секретном хранении в ЦГАСА (РГВА), и была рассекречена в связи с началом работы над Книгой Памяти.

В 1993 г. данные о потерях РККА в советско-финляндской войне, аккумулированные в именных списках, были опубликованы группой историков-исследователей, которую возглавлял генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев. В этом издании, содержащем сведения о потерях ВС СССР с гражданской войны до войны в Афганистане, помимо общих безвозвратных потерь Красной Армии в зимней войне, **126 875** человек, содержатся данные о санитарных потерях, составивших 264 908 человек [6;125]. По данным, опубликованным группой Г. Ф. Кривошеева, общие боевые потери вооруженных сил СССР в советско-финляндской войне (заболевшие, 58 370 человек, исключаются) составили **333 413** человек[2].

Новый этап выявления потерь начался после принятия в первой половине 1990-х гг. законодательных и распорядительных актов: Постановления Правительства РФ от 22 декабря 1992 г. № 1004, Закона РФ от 14 февраля 1993 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» и Распоряжения Правительства РФ от 26 августа 1995 г. № 1177-р.

В соответствии с этими документами была сформирована Редакционная коллегия Всероссийской Памяти, которую возглавил председатель — д.и.н., д.ю.н., академик РАН В. А. Золотарев [4; 12]. Инициатором и разработчиком концепции историко-мемориального издания стал к.и.н., военный историк А. М. Соколов [9], предложивший создать автоматизированную информационно-поисковую систему данных о безвозвратных людских потерях Красной армии в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Завершенная в 1996 г. система использовалась в подготовке 8-томной Книги Памяти воинов, погибших, умерших от ран и болезней, пропавших без вести в ходе советско-финляндской войны [2].

Опубликованные в 1999—2005 гг. 8 томов Книги Памяти стали общественно значимым событием в увековечении памяти погибших воинов. Основой издания стала картотека потерь, хранящаяся в РГВА и дополненная сведениями из коллекции документов советско-финляндской войны[3], документов ЦАМО РФ, РГА ВМФ, Архива Военно-медицинского музея МО РФ. Использовались также документы из архивов ФСБ, МВД, ВМФ, ФПС ФСБ и регионов Российской Федерации, а также материалы, предоставленные ветеранами и родственниками участников войны [3; 7]. В результате этой работы в дополнение к 131 476 записей в автоматизированную информационно-поисковую систему данных были внесены более 30 тыс. новых записей, после чего авторский коллектив провел выверку с целью уточнения сведений и удаления дублетных записей.

По различным причинам Книги Памяти не лишены ряда существенных недостатков. Главным из их является наличие значительного числа дублетных записей — на некоторых военнослужащих имеются по две и более записей с различными вариантами написания фамилии, имени и отчества. Недостаточная квалификация или небрежность части военных писарей обусловили невозможность идентификации части погибших военнослужащих, поскольку в документах имеются трудночитаемые записи, что вызывало затруднения при внесении этих сведений в автоматизированную информационно-поисковую систему данных. Кроме того, несмотря на колоссальную работу авторского коллектива, обработавшего огромный объем новой информации, список потерь, опубликованный в Книгах Памяти не является исчерпывающим, как следует из писем родственников погибших воинов. Например, заметные лакуны имеются в списках погибших в лыжных подразделениях и пограничных войсках.

Сложная карельско-финская топонимика театра военных действий обусловила в большом количестве случаев неверное написание в исходных документах и, как следствие, в Книгах Памяти, географических наименований: деревень, поселков, водных объектов. Ситуация дополнительно осложнилась после передачи районов КФССР на Карельском перешейке в Ленинградскую область и переименования карельско-финской топонимики в русскую в 1948–1949 гг. С учетом этих обстоятельств установление мест захоронений погибших воинов, прежде всего, с целью их посещения родственниками, представляет собой трудную задачу.

Для решения перечисленных проблем в ПетрГУ в 2006 г. был инициирован гуманитарный по своему предназначению проект создания электронной базы данных, выполняемый Научно-исследовательским и образовательным Центром по проблемам Второй мировой войны на Севере Европы[4]. Открытый 25 ноября 2009 г. сайт [10] адресован родным и близким военнослужащих всех видов и родов войск вооруженных сил СССР погибших, умерших от ран и болезней, а также пропавших без вести в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Сайт содержит уточненные и дополненные сведения о безвозвратных потерях частей и соединений Действующей армии. Имеющаяся на сайте информация позволяет родственникам погибших воинов самостоятельно находить места захоронения[5].

Одной из целей НИОЦ ВМВСЕ является выявление полных данных о потерях Вооруженных Сил СССР в советско-финляндской войне. Для достижения этой цели исходная электронная база данных, содержащая 168 024 записей, путем удаления дублированных данных о погибших военнослужащих, была сокращена до 138 533. В базу данных дополнительно были внесены сведения о более чем 100 советских военнопленных, умерших в финском плену к началу мая 1940 г., когда состоялся обмен пленными. На 29 декабря 2014 г. в базе данных насчитывается **138 509** записей о военнослужащих Красной Армии, погибших, умерших и пропавших без вести в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

Эта цифра ни в коем случае не может считаться «истиной в последней инстанции», которая в дальнейшем не будет корректироваться. НИОЦ ВМВСЕ ведет большую переписку с родственниками погибших, поисковыми отрядами и постоянно дополняет и уточняет данные о потерях. 5-летний опыт работы сайта показал, что количество новых записей о неизвестных ранее погибших воинах примерно соответствует вновь выявляемым дублированным записям[6].

Тяжесть и масштаб потерь ВС СССР в советско-финляндской войне становятся понятнее в сравнении с численностью группировки РККА на 30 ноября 1939 г. — до 450 000 человек. Общие потери частей и соединений РККА за весь период войны составили 345 047 человек, в том числе, 138 509 погибших, умерших от ран и пропавших без вести и 206 538 раненых, контуженных, обожженных и обмороженных[7]. Потери за всю войну, таким образом, составили примерно 76,7% численности первоначальной группировки РККА. Средние суточные безвозвратные потери Красной Армии за 105 дней войны составляли до 1320 человек, общие, с учетом санитарных, но без заболевших — до 3286 человек[8].

Из 60 дивизий РККА различного типа, находившихся на фронте к концу войны, наибольшие потери понесла действовавшая в Северном Приладожье 18-я стрелковая дивизия, главные силы которой были окружены в нескольких «котлах» на дороге Колатсельга — Леметти. Из примерно 15 000 солдат дивизии погибли, умерли от ран и пропали без вести 6 524 человека, или 43,5% предвоенного списочного состава. 168-я дивизия того же, 56-го стрелкового корпуса, окруженная западнее, в районе Китиля — Хауккаселькя — Койриноя, которой умело командовал полковник А. Л. Бондарев, к концу войны сохранила боеспособность, потеряв безвозвратно 1682 человека, или 11,2%. Наименьшие безвозвратные потери понесли дивизии 14-й армии, действовавшей на Крайнем Севере: 52-я стрелковая дивизия потеряла 322 человека, 104-я горнострелковая дивизия — 149 человек.

Из соединений 9-й армии наибольшие безвозвратные потери понесла 44-я стрелковая дивизия, действовавшая на направлении Раате— Суомуссалми — 4 494 человека — самые большие суточные потери из всех советских дивизий, действовавших на фронте, поскольку наиболее активная фаза сражения в районе Суомуссалми продолжалась всего неделю, с 1 по 7 января.

В конце 1990-х гг. Военный архив Финляндии реализовал собственный проект по выявлению потерь финских вооруженных сил в зимней войне. На основе данных церковных приходов было установлено, что общие безвозвратные потери финской армии за 105 дней войны составили 26 662 человека [11; 825]. Общие потери финской армии, включая погибших, умерших от ран, пропавших без вести и раненых достигали 68 000—70 000 человек [11; 828]. Таким образом, средние суточные безвозвратные потери финской армии составили до 254 человек, или 19,2% от такого же показателя РККА. Общие суточные потери финской армии составляли 648—667 человек (19,7—20,3% от показателя

РККА). Соотношение безвозвратных потерь вооруженных сил СССР и Финляндии составило **1:5,2**. Такой большой разрыв в потерях является убедительным свидетельством стремления советских лидеров достичь любой ценой главной цели войны — разгрома финской армии и оккупации Финляндии накануне неминуемой войны с Германией. Кроме того, этот разрыв демонстрирует большую эффективность финской армии в ведении войны на северном ТВД в зимних условиях и ее лучшую подготовку к боевым действиям.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел товарища В.М.Молотова на заседании VI сессии верховного совета Союза ССР 29 марта 1940 года [Электронный ресурс]. URL: <http://heninen.net/sopimus/molotov1940.htm>, свободный (дата обращения 12.12.2014).
2. Книга Памяти. 1939—1940 гг. ТТ. 2—9. М.: Изд-во Патриот, 1999—2005.
3. Книга Памяти. 1939—1940 гг. Т. 2. М.: Патриот, 1999. 550 с.
4. Книга Памяти. 1939—1940 гг. Т. 9. М.: Патриот, 2005. 702 с.
5. План операции против Финляндии 29.10.1939. РГВА. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 4.
6. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин и др.; Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 415 с.
7. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920—1941. Петрозаводск, 1999.
8. Маннинен О. Первый период боев. Зимняя война 1939—1940. В 2 кн. Кн. 1. Политическая история. Москва, 1998.
9. Соколов Анатолий Михайлович. Энциклопедия Европейской академии естественных наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eanw.info/enzilkopedia/solokov-anatolii.html>, свободный (дата обращения 12.12.2014).
10. Зимняя война: Безвозвратные потери Красной Армии в период советско-финляндской войны (1939—1940) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.winterwar.karelia.ru/>, свободный.
11. Lentilä R., Juutilainen F. Talvisodan uhrin // Talvisodan pikkujättiläinen. Porvoo, 1999. S. 816—828.

REFERENCES

1. Report of the Chairman of the Council of People's Commissars and People's Commissar for Foreign Affairs Comrade Molotov at the VI Meeting of the Supreme Soviet of the USSR on March 29, 1940. [Electronic resource]. URL: <http://heninen.net/sopimus/molotov1940.htm> (accessed 12.12.2014).
2. Memorial Book. [Kniga Pamyati] 1939—1940. ТТ. 2—9. М.: Patriot, 1999—2005.
3. Memorial Book. [Kniga Pamyati] 1939—1940. Т. 2. М.: Patriot, 1999. 550 p.
4. Memorial Book. [Kniga Pamyati] 1939—1940. Т. 9. М.: Patriot, 2005. 702 p.
5. Plan of Operation Against Finland 29.10.1939 [Plan operatsii protiv Finlyandii 29.10.1939]. RSMA. F. 25888. Op. 14. D. 2. L. 4.
6. Secrecy Lifted: Losses of the Armed Forces of the USSR in the Wars, Hostilities and Military Conflicts: Statistical Research. [Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh: Statisticheskoe issledovanie] / V. M. Andronikov, P. D. Burikov, V. V. Gurkin i dr.; (Ed.) G. F. Krivosheev. M.: Voenizdat, 1993. 415 p.
7. Kilin Y. M. Karelia in Soviet State's policy 1920—1941. [Kareliya v politike sovetskogo gosudarstva]. Petrozavodsk, 1999.
8. O. Manninen. First Period of Fighting. The Winter War of 1939—1940. [Pervyi period boyov. Zimnyaya voyna]. In 2 books. Vol. 1. The Political History. Moscow, 1998.
9. Anatoly Sokolov. Encyclopedia of the European Academy of Natural Sciences [Anatoliy Sokolov. Entsiklopediya Evropeyskoy akademii Estestvennykh nauk] <http://www.eanw.info/enzilkopedia/solokov-anatolii.html> (accessed 12.12.2014).
10. The Winter War: Irreversible Losses of the Red Army During the Soviet-Finnish War (1939—1940) [Zimnyaya voyna. Bezvozzratnye poteri Krasnoy Armii v period sovetsko-finlyandskoy voyny]. [Electronic resource]. URL: <http://www.winterwar.karelia.ru/>
11. Lentilä R., Juutilainen F. Talvisodan uhrin // Talvisodan pikkujättiläinen. Porvoo, 1999. S. 816—828.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор видел эту информацию на стенде для туристов на местах боев зимней войны в районе Иломанси в 2002 г.

[2] Подсчитано автором по: [6; 125].

[3] Коллекция документов советско-финляндской войны 1939—1940 гг. РГВА. Ф. 34980.

[4] Научно-исследовательский и образовательный Центр по проблемам Второй мировой войны на Севере Европы (НИОЦ ВМВСЕ) // http://www.petrus.ru/Faculties/History/Center_SWWNE/

[5] На 29.12.2015 состоялось 124 172 посещения сайта из более чем 70 стран мира и всех регионов Российской Федерации. У сайта 89 позиция из 359 в рейтинге HotLog в категории Культура/Искусство, раздел История. Сайт создан при поддержке РГНФ в 2008 г. Грант № 08-01-12115в.

[6] Сравни с цифрой потерь в 2012 г. — 138 533 человека. Килин Ю. М. *Soviet-Finnish War 1939—1940 and Red Army's Losses* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (126). Август, 2012. Общественные и гуманитарные науки. С. 23.

[7] Подсчитано автором по <http://www.winterwar.karelia.ru/> и Гриф секретности [6; 125].

[8] Подсчитано автором.

*

*

*

Keywords:

*

*

kilinyuri@mail.ru

Summary:

*

УДК 327

Балтийский регион в международной политике: к вопросу о моделировании процесса регионализации

**ЛАНКО
Дмитрий
Александрович**

*кандидат политических наук,
доцент кафедры европейских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, dimppa@hotmail.com*

Ключевые слова:

международные отношения
регионализм
глобализация
локализация
Балтийский регион

Аннотация:

В международной политике регионы, такие как Европа и Азия, Ближний Восток и Африка, Северная и Латинская Америка, не являются статичными, идет непрерывный процесс регионализации, т. е. воспроизведения регионов в представлениях политических лидеров и ученых-международников. В результате изменяются границы регионов, в некоторых случаях старые регионы исчезают, а на их месте формируются новые. Балтийский регион является примером нового региона, сформировавшегося после падения «железного занавеса». Исследование международных отношений в Балтийском регионе, проведенное автором, позволило предложить модель процесса регионализации, которая может использоваться и для описания процессов регионализации в других частях света. Описание этой модели представлено в данной статье. Модель основана на взаимном влиянии трех ключевых для современных международных отношений процессов: не только регионализации, но и глобализации и локализации. Глобализация способствует распространению информации о локальных примерах международного сотрудничества, благодаря чему у политических лидеров и ученых-международников формируются представления о регионе в целом.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В начале XXI в. регионализация стала одной из доминирующих тенденций международной политики, что не могло не быть принято во внимание всеми ее субъектами, в том числе ведущими субъектами международной политики — государствами. Глобализация, другая важнейшая тенденция международной политики, не привела к появлению однородного мира, не уничтожила его регионального и локального многообразия. Несмотря на то что некоторые геополитические регионы мира утратили свое первостепенное значение с точки зрения тематики научных исследований в сфере международных отношений, стали меньше упоминаться в выступлениях лидеров ведущих мировых держав и в заголовках сообщений наиболее популярных средств массовой информации, их место заняли другие регионы. В некоторых случаях видоизменились линии разделяющих регионы границ по сравнению с теми границами между регионами, которые существовали в предшествующие периоды.

Благодаря регионализации мировой политики соотношение значимости приоритетов внешней

политики на глобальном и региональном уровнях меняется. И уже не приоритеты внешней политики конкретной державы на региональном уровне являются производными от ее приоритетов на глобальном уровне, но глобальные приоритеты становятся суммой региональных приоритетов. Более откровенно по этому поводу высказался американский политолог Ф. Закария: по его мнению, в настоящее время «выработка внешней политики выглядит более диверсифицированной и непоследовательной, поскольку разные регионы требуют подходов, которые не обязательно применимы за их пределами» [1]. Балтийский регион, или, как его еще называют в научной литературе, регион Балтийского моря, не играет первостепенной роли во внешней политике крупных мировых держав, упоминаний о нем мы не найдем ни в Концепциях внешней политики Российской Федерации, ни в Стратегиях национальной безопасности США.

Вместе с тем, как будет показано ниже, Балтийский регион имеет значение и для внешней политики России, и для внешней политики США. Играет Балтийский регион определенную роль и в политике Европейского союза. При этом Балтийский регион является «новичком» в международной политике. Тридцать лет назад, когда та территория, которая сегодня включается политиками и исследователями в Балтийский регион, была поделена почти пополам «железным занавесом», Балтийского региона в международной политике не существовало. Распад Советского Союза привел к появлению Балтийского региона сначала в представлениях политических лидеров стран, расположенных по берегам Балтийского моря, которые создали в 1992 г. Совет государств Балтийского моря [2]. Он и сегодня является важнейшей региональной международной организацией, под его эгидой действуют десятки региональных организаций различного уровня.

Практически одновременно Балтийский регион появился в представлениях интеллектуальных элит этих стран. Анализ числа научных публикаций, в заголовках которых встречается топоним «Балтийский», позволяет сделать вывод, что еще в начале 1990-х гг. в сфере гуманитарных и общественных наук таких публикаций не было [3]. Первая публикация появилась в 1993 г., ее автор П. Йознниemi [4]. За последующие двадцать лет число таких публикаций, включая монографии и научные статьи, составило несколько сотен. В результате можно сделать вывод, что Балтийский регион в международных отношениях состоялся. Данная статья представляет модель формирования регионов в международной политике, созданную автором в результате его исследования международных отношений вокруг Балтийского моря [5]. Практика международных отношений в Балтийском регионе в последнее десятилетие, а также выводы научных исследований, опубликованные после того, как эта модель была предложена впервые, показывают, что она и сегодня не утратила своей актуальности.

Регионализация: опыт моделирования международных процессов

После выхода в свет публикации О. Янга [6] в науке международных отношений возникла традиция представления системы международных отношений, включающей глобальный и региональный уровни. Принято считать, что система международных отношений включает в себя глобальные мегарегионы, например Запад и Восток. Внутри глобальных мегарегионов выделяются регионы, например: Европа и Америка внутри глобального Запада; Азия, Ближний Восток и Африка внутри глобального Востока. Процессы евразийской интеграции заставляют говорить о формировании Евразийского региона. Внутри регионов выделяются субрегионы, например: регион Карибского бассейна в Латинской Америке; регион Персидского залива на Ближнем Востоке; регион Дальнего Востока в Азии; регион Сахеля в Африке. Внутри Европы выделяют Западную и Восточную Европу, Северную и Южную Европу и т. д. На границе Европы и Ближнего Востока выделяются Средиземноморский и Черноморский регионы. В документах Европейского союза мы встречаем упоминание о Дунайском регионе. В данной статье рассматривается Балтийский регион.

Регионы не являются статичными. Напротив, представляется обоснованным говорить не о существовании регионов как элементов системы международных отношений, а о непрерывном процессе регионализации, благодаря которому факт существования того или иного региона постоянно получает подтверждение в политических документах, выступлениях политических лидеров, а также в научных работах. Иными словами, пока регион продолжает упоминаться в тех же границах в источниках и литературе, можно говорить о том, что регион продолжает существовать в тех же границах. Если же регион начинает упоминаться в источниках и литературе в новых границах, то можно говорить, что процесс регионализации привел к изменению границ региона. Так, например, Турция, которая и сегодня зачастую упоминается в источниках и литературе как часть региона Ближнего Востока, все чаще упоминается в качестве части другого региона — Европы [7].

Если регион перестает упоминаться в источниках и литературе, то можно говорить, что процесс

регионализации привел к исчезновению данного региона из системы международных отношений. Именно это произошло с регионом Средней Европы, который в конце XIX — начале XX в. часто упоминался в источниках и литературе по внешней политике Германии, однако в настоящее время о нем помнят лишь специалисты по истории немецкой политической мысли [8]. Наконец, если в источниках и литературе начинает упоминаться новый регион мира, то можно говорить, что процесс регионализации привел к формированию нового региона в системе международных отношений, как это произошло с Балтийским регионом в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Модель процесса регионализации в таком его понимании и представлена в данной статье. В ее основу положено взаимное влияние трех процессов, играющих важнейшую роль в современных международных отношениях и мировой политике: глобализации, регионализации и локализации.

Модель эта выглядит следующим образом. В начале процесса формирования представлений о новом регионе (обозначим его буквой X) у данного политического лидера или ученого уже существуют представления о том, что мир состоит из нескольких регионов, однако региона X в этом списке нет; в его представлениях мир состоит из регионов Y, Z и т. д. В представлениях данного лидера или ученого каждый регион наделяется какими-то характерными чертами. Причем если внутри региона Y расположены топонимы A, B и C, о которых у данного лидера или ученого нет информации, то он автоматически наделяет их чертами, свойственными, в его представлениях, всему региону Y. Одним из последствий глобализации современных международных отношений является распространение информации о различных процессах вне зависимости от того, в какой именно точке земного шара эти процессы протекают.

Благодаря глобализации данный лидер или ученый получает информацию об особенностях того места, которое в его представлениях обозначается топонимом A, о котором он раньше не имел никакой информации, а потому приписывал этому месту характерные особенности, свойственные, в его представлениях, региону Y в целом. В теоретическом плане в основе анализа процесса «узнавания» других мест, предпринятого автором, была положена категория гетеротопии, введенная М. Фуко [9]. Таким образом, происходит локализация, т. е. идентификация того или иного топонима не только теми, кто непосредственно проживает в этом месте (у них соответствующая идентичность существовала и ранее), но и данным лидером или ученым, который ранее не имел никакой информации об этом месте. По сути, под локализацией понимается процесс превращения топонима в гетеротопию.

Результатом локализации становится осознание данным лидером или ученым, что особенности места A, которое является частью региона Y, и которому раньше в его представлениях автоматически приписывались особенности этого региона, отличаются от особенностей региона Y. Соответственно, у данного лидера или ученого возникают представления о том, что место A не относится к региону Y. В этих условиях у него могут сформироваться представления двух типов. Либо он сочтет, что особенности места A во многом совпадают с особенностями, в его представлениях, региона Z, тогда будет сделан вывод о том, что место A входит в регион Z. Таким образом, произойдет изменение границ регионов Y и Z. Либо он сделает вывод, что черты места A не позволяют включить его ни в один из регионов мира, существующих в его представлениях, однако они во многом схожи с чертами мест K, L и M, которые также нельзя отнести ни к одному из существующих регионов. В этом случае возможно появление нового региона X, в который войдут места A, K, L и M. Именно таким образом в представлениях политических лидеров сформировался Балтийский регион. Ниже процесс формирования Балтийского региона будет рассмотрен в практической плоскости.

Глобализация в процессе формирования Балтийского региона

Глобализация, один из важнейших процессов в современной международной политике, характеризуется двойственностью. Как представляется, причина этого лежит в двойственности процесса экономической глобализации, которая легла в основу более широкого международно-политического феномена. Под экономической глобализацией здесь понимается процесс последовательного уничтожения барьеров для обмена товарами, услугами, капиталами, технологией и рабочей силой между странами мира. Сторонники либеральной экономической теории оценивают глобализацию в целом как позитивный процесс с точки зрения и мировой экономики, и развития системы международных отношений [10]. Однако они сами признают, что, хотя свободный обмен товарами есть положительное явление, свободный обмен отдельными группами товаров можно оценить лишь отрицательно. Например, сторонники либеральной экономической теории либо замалчивают, либо выступают резко против свободной международной торговли вооружениями, включая оружие массового поражения.

Следствием двойственности процесса экономической глобализации является и двойственность его влияния на политические процессы, обуславливаемые глобализацией. В частности, двойственностью характеризуется взаимное влияние процессов глобализации и территориализации, под которой понимается процесс формирования бинарной оппозиции, в результате которого данный феномен мира политического противопоставляется другим его феноменам. Применительно к регионам мира территориализация является, например, процессом отделения Европы от не-Европы в представлениях политических лидеров и ученых. Территориализация является главным объектом критики приверженцев постмодернистского подхода к исследованию международных отношений, объектом критики которых становится так называемая суверенная машина, «в которой каждая часть, каждая функция отделена и определена, в которой ничто из того, что прежде не было определено по отношению к целому, не находит места» [11; 302].

На ранних стадиях процесса глобализации существовали ожидания (или опасения), что исчезновение экономических границ между государствами приведет к исчезновению и политических границ между ними, т. е. к детерриториализации — процессу уничтожения бинарных оппозиций, определявших международные отношения в предшествующие периоды. Однако, как показала практика международных отношений последних десятилетий, этого не произошло. Напротив, в ряде случаев глобализация способствовала не только детерриториализации, т. е. исчезновению старых границ, например «железного занавеса», но и ретерриториализации, т. е. возведению новой бинарной оппозиции на месте исчезнувшей. Именно таким образом после падения в Европе «железного занавеса» здесь появились новые регионы, в том числе Балтийский регион. По сути, Балтийский регион стал «сверстником» глобализации: ведь хотя история экономической глобализации уходит корнями как минимум в конец XIX в., в научную литературу понятие глобализации пришло лишь в конце XX в.

Формирование Балтийского региона в эпоху глобализации стало одним из факторов возникновения представлений о его привлекательности для бизнеса, в первую очередь у региональных экономических элит. Хотя объективно Балтийский регион и отстает по ряду критериев привлекательности для бизнеса от других регионов мира, прежде всего от Северо-Восточной Азии, полностью исключить из анализа субъективные представления региональных экономических элит не представляется возможным. Благодаря этим представлениям в регионе действуют несколько крупных компаний и множество малых предприятий, в названиях которых был использован топоним «Балтийский» [12], например пивоваренная компания «Балтика». Вместе с тем представления о Балтийском регионе как о «ровеснике» глобализации не являются единственным вариантом представления о данном регионе за его пределами.

До сих пор существуют представления о Балтийском регионе как о месте, где «энергия Востока встречается с опытом Запада». В данной метафоре слово «энергия» используется как в прямом, так и в переносном смысле. С одной стороны, речь идет об активной роли в международных отношениях новых независимых государств Балтийского региона, подчас не сопоставимой с их экономическим и политическим потенциалом, с другой — о той роли, которую региональные игроки придают сотрудничеству в энергетической сфере. Однако следует признать, что этот тип представлений в последнее время встречается все реже. Пик популярности этого типа представлений приходился на 1990-е гг., когда воспоминания о «железном занавесе» еще были сильны среди региональных политических и интеллектуальных элит. В те времена ключевым словом для характеристики международных процессов в Балтийском регионе было слово «транзит», под которым понимался как процесс демократического транзита, так и процесс формирования единой транзитно-транспортной системы в Балтийском регионе [13].

Наконец, существуют представления о Балтийском регионе как о «самом умном» регионе мира. Здесь речь идет о скорости широкого внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий. Представители региональных элит, разделяющие такие представления, признают, что большая часть новейших информационно-коммуникационных технологий была создана за пределами Балтийского региона, в первую очередь в США. Они также признают, что по скорости внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий Балтийский регион отстает от той же Северо-Восточной Азии, где активно внедряются и развиваются американские разработки. Однако Балтийский регион лидирует в мире по скорости широкого внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий, благодаря чему те технологии, которые в Северо-Восточной Азии и даже в Северной Америке внедряются лишь среди элиты, в Балтийском регионе уже становятся неотъемлемой частью жизни всего общества. По мнению М. Кастельса, эта особенность Балтийского региона привела к формированию здесь особой модели информационного

общества [14].

Локализация в процессе формирования Балтийского региона

Внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий, формирование привлекательного климата для бизнеса, а также значимость транзитно-транспортных потоков — все описанные тенденции, хотя они характерны для всего Балтийского региона, имеют первостепенное значение для региональных экономических и политических центров, таких как Стокгольм, Таллин или С.-Петербург. Однако в процессе формирования Балтийского региона периферийные территории сыграли не меньшую роль, чем столицы государств и крупные города, такие как С.-Петербург [15]. Ведь по мере того как периферийные территории вовлекались в процессы международного сотрудничества, происходило распространение информации об этих территориях далеко за пределами Балтийского региона, политические лидеры и ученые из стран, не относящихся напрямую к Балтийскому региону, узнали не только о существовании этих территорий, но и о схожести их характерных особенностей, благодаря чему возникло понимание, что все они относятся к одному региону мира — Балтийскому региону.

Среди всего многообразия форм участия периферийных территорий Балтийского региона в международных отношениях следует обратить внимание на два аспекта. Во-первых, это становление города Калининграда и Калининградской области в качестве информационного центра Балтийского региона. Во-вторых, это приграничное сотрудничество органов местного самоуправления, расположенных вблизи государственной границы, в первую очередь сотрудничество таких городов, как, например, Светогорск и Иматра на российско-финляндской границе. Говоря о Калининграде как об информационном центре, мы имеем в виду не то влияние, которое Калининград в лице городской или областной администрации оказывает на информационные потоки внутри Балтийского региона и за его пределами. Такое влияние можно оценить как несущественное. Едва ли можно предположить, что Калининград оказывал сколь-нибудь существенное влияние на информационную политику России, не говоря уже о всем Балтийском регионе.

Однако Калининград стал тем местом, о котором чаще всего говорится в контексте проблем Балтийского региона и сотрудничества в Балтийском регионе, как в самом Балтийском регионе, так и за его пределами [16]. Как представляется, тому способствовали три фактора. Во-первых, до падения «железного занавеса» Калининградская область была, пожалуй, самым закрытым регионом Советского Союза, въезд иностранцев на территорию региона был практически запрещен, а въезд советских граждан существенным образом ограничен. Соответственно, после распада Советского Союза за пределами Калининградской области практически не существовало представлений о современном состоянии региона; эти представления формировались «с чистого листа». Во-вторых, в исторической памяти разных народов Калининград играл принципиально разное значение. Для исторической памяти немцев Калининград играл одну роль, для поляков — вторую, для литовцев — третью, для русских — четвертую, в странах Северной Европы, а также в Эстонии и Латвии существовали свои представления о Калининградской области, отличные от представлений соседей.

В-третьих, Калининградская область в 1990-е гг. подверглась существенной секьюритизации [17]; иными словами, различные национальные и региональные игроки подчас намеренно преувеличивали проблемы Калининградской области с целью получения дополнительных средств на всевозможные программы, в том числе международные, проводимые под эгидой этих национальных и региональных игроков, которые были призваны, как утверждалось, способствовать решению как проблем Калининградской области, так и аналогичных проблем в Балтийском регионе в целом. Здесь мы не преследуем цели преуменьшить проблемы Калининградской области, существовавшие в 1990-е гг., начиная от проблем «жесткой безопасности», связанных с нахождением на территории области крупной военной группировки, и заканчивая проблемами «мягкой» безопасности, в том числе в сферах здравоохранения, социального обеспечения и охраны окружающей среды. Мы лишь пытаемся показать, что многие проблемы были преувеличены.

Что касается приграничного сотрудничества, то здесь следует оговориться, что как в российской, так и в зарубежной литературе по проблематике международных отношений нет единства в подходах к определению этого феномена. С одной стороны, существует тенденция к максимально широкому определению приграничного сотрудничества, согласно которому в него оказываются вовлечены крупные регионы, расположенные вблизи государственной границы. Например, по мнению Министерства иностранных дел РФ, большое значение для приграничного сотрудничества российских регионов на европейском направлении играет С.-Петербург [18], хотя последний, если не считать

пограничных пунктов пропуска в морском порту и в аэропорту, вообще не примыкает к государственной границе. Для С.-Петербурга сотрудничество с регионами Финляндии, государственная граница с которой протекает вблизи С.-Петербурга, имеет такое же значение, как и сотрудничество, например, с регионами Италии, с которой у России вообще нет границы.

С другой стороны, существует тенденция к максимально узкому определению приграничного сотрудничества, например в трудах С. Б. Тарасова и Н. М. Межевича [19], согласно которому приграничным сотрудничеством является исключительно сотрудничество органов местного самоуправления, расположенных непосредственно в пограничной зоне, и развивающих совместные инфраструктурные проекты. По этому критерию к приграничному сотрудничеству относятся, в первую очередь, совместные инфраструктурные проекты, реализуемые малыми городами, расположенными вблизи государственной границы по разные стороны ее. Это не только Светогорск и Иматра на российско-финляндской границе, но и Ивангород и Нарва на российско-эстонской границе, Копенгаген и Мальмё на шведско-датской границе, Валга и Валка на эстонско-латвийской границе, Торнио и Хапаранда на финско-шведской границе и т. д. Благодаря сотрудничеству этих самоуправлений за пределы Балтийского региона распространилась информация не только об их сотрудничестве, но и о Балтийском регионе в целом, что, в конечном счете, привело к формированию представлений о Балтийском регионе за его пределами, а следовательно, и к появлению самого Балтийского региона.

Процесс регионализации вокруг Балтийского моря

Формирование Балтийского региона было бы невозможно без регионального сотрудничества. В первую очередь в данном контексте следует назвать сотрудничество в сфере охраны среды Балтийского моря, которое реализуется как в многостороннем формате под эгидой Хельсинкской комиссии по защите морской среды Балтийского моря, так и в двустороннем формате, например под эгидой Совместной российско-эстонской комиссии по охране и рациональному использованию трансграничных вод [20]. При создании Совета государств Балтийского моря — важнейшего формата многостороннего сотрудничества в Балтийском регионе — к участию в Совете страны приглашались исходя из принципа приоритетности охраны окружающей среды. Так, первоначально в состав Совета входили не только страны, имеющие непосредственный выход к побережью Балтийского моря, но и страны, по территории которых протекают реки бассейна Балтийского моря. Так, в составе Совета оказалась, например, Норвегия — страна, не имеющая выхода к побережью Балтийского моря.

Помимо Совета государств Балтийского моря, приоритетное значение для сотрудничества в Балтийском регионе имеет политика Северного измерения. Первоначально Северное измерение сформировалось по инициативе Финляндии, которая присоединилась к Европейскому союзу в 1995 г., в качестве одного из направлений политики ЕС. Однако в таком качестве Северное измерение не стало эффективной политикой. Явного интереса к Северному измерению в таком качестве не проявили даже скандинавские страны-участницы Евросоюза: Швеция и Дания. Польша, Литва, Латвия и Эстония, присоединившиеся к ЕС в 2004 г., также не были заинтересованы в развитии финляндской инициативы. Однако неожиданно интерес к Северному измерению проявили страны, не входящие в Евросоюз: Россия, Норвегия и Исландия. В результате, начиная с 2006 г., Северное измерение реализуется в качестве четырехсторонней политики ЕС, России, Норвегии и Исландии, и в данном формате Северное измерение добилось существенных результатов, в первую очередь в природоохранной деятельности [21].

Региональное сотрудничество является необходимым, но не достаточным условием формирования региона. Современные теории международных отношений предлагают не только концепции регионализации, в которых регионы формируются «изнутри», исключительно усилиями тех участников международных отношений, которые идентифицируют себя с этим регионом, но и концепции регионализации, в которых регионы формируются «извне», под влиянием внешних по отношению к данному региону факторов. Как правило, либеральные теории призывают рассматривать регионы как результат сотрудничества внутри региона, в то время как различные версии реализма призывают рассматривать регионы как группы стран, которые «сотрудничают против третьей стороны». Например, основоположник функционализма Д. Митрани полагал, что если одно государство не способно построить эффективную экономику на основе принципа автаркии, то регион, при соответствующем уровне экономического и политического сотрудничества между странами региона, — способен [22; 27].

Аналогично конструктивисты Б. Бузан и О. Вэвер, сформулировавшие теорию региональных комплексов безопасности, под которыми понимаются группы людей, имеющих схожие представления об основных вызовах собственной безопасности, исходили из того, что на формирование региона влияют представления о вызовах безопасности, существующие у людей, проживающих в данном регионе, но не

представления людей, проживающих за его пределами [23]. При этом они признавали, что иногда вызовы безопасности могут исходить и из-за пределов региона. Основоположник классического реализма Г. Моргентау определял регионы более категоричным образом, полагая, что в основе процесса формирования регионов лежат оборонные союзы, всегда направленные против государства, расположенного за пределами данного региона [24; 104]. Наконец, Р. Швеллер, один из основоположников неоклассического реализма, призывает рассматривать всю систему международных отношений в качестве элемента представлений политических и интеллектуальных элит, существующих в отдельных странах [25].

Таким образом, регион становится регионом только в том случае, если он начинает восприниматься в качестве региона политическими и интеллектуальными элитами государств, расположенных за пределами данного региона. Результатом появления такого восприятия становится формирование политики этих государств в отношении данного региона. В качестве примера здесь можно рассмотреть политику России в отношении Балтийского региона. С одной стороны, согласно представлениям, распространенным как в России, так и за ее пределами, значимая часть России — ее Северо-Западный федеральный округ — относится к Балтийскому региону. С другой стороны, ни в России, ни за ее пределами всю Россию не относят к Балтийскому региону. В результате политика в отношении Балтийского региона не является стратегически важным направлением внешней политики России. Так, в Концепциях внешней политики России Балтийский регион не упоминается.

В последней редакции Концепции внешней политики, утвержденной в 2013 г., упоминаются отдельные форматы регионального сотрудничества, например Совет государств Балтийского моря и политика Северного измерения, но не Балтийский регион в целом [26]. Во внешней политике США Балтийский регион также не играет значимой роли. В 1990-е гг. под эгидой Государственного департамента США была создана Североевропейская инициатива, призванная скоординировать усилия органов власти, частных компаний и неправительственных организаций в Балтийском регионе ради мира и стабильности в долгосрочном плане [27], впоследствии она была переименована в e-PINE (Enhanced Partnership in Northern Europe), а затем и вовсе упразднена. Важную роль в политике Европейского союза играет его стратегия для Балтийского региона, однако эта стратегия направлена на развитие только тех территорий Балтийского региона, которые принадлежат странам-участницам Евросоюза, она не предусматривает сотрудничества в Балтийском регионе в целом (включая Россию) [28].

Заключение

За двадцать пять лет, прошедших с момента падения «железного занавеса», произошло формирование Балтийского региона в международной политике. Государства, относящиеся к этому региону, сформировали многосторонние форматы регионального сотрудничества, например Совет государств Балтийского моря или политику Северного измерения. Государства, расположенные за пределами Балтийского региона, предприняли попытку координировать свою политику в отношении разных стран региона; примером такой попытки является Североевропейская инициатива США. Сформировались различные представления о роли Балтийского региона в глобализующемся мире, например представление о Балтийском регионе как о «ровеснике» глобализации. Формированию этих представлений способствовало распространение информации об отдельных примерах сотрудничества, например о взаимодействии при решении конкретных проблем Калининградской области, или об отдельных программах приграничного сотрудничества. Распространение информации о локальных примерах сотрудничества позволило политическим лидерам и ученым сформировать представление о сотрудничестве в Балтийском регионе в целом. В результате можно сделать вывод, что Балтийский регион состоялся.

Этот вывод имеет три следствия. Во-первых, как о регионе в целом судят по отдельным программам приграничного сотрудничества, так и об отдельных политических процессах судят исходя из того, в каком регионе мира они происходят. Оценка нынешних программ сотрудничества в Балтийском регионе в большой степени зависит от того, что эти программы, в представлениях тех, кто дает эту оценку, осуществляются именно в Балтийском регионе. Во-вторых, этот вывод позволяет сформировать модель процесса регионализации вокруг Балтийского моря, основывающуюся на взаимном влиянии трех процессов, характерных для современных международных отношений: не только регионализации, но и глобализации и локализации. Эта модель может использоваться для описания процессов регионализации и в других частях света, не только в Балтийском регионе. В-третьих, регионы не являются статичными, идет непрерывный процесс регионализации, т. е.

воспроизведения представлений о том или ином регионе у политических лидеров и ученых. И как Балтийский регион возник двадцать пять лет назад, так он может и исчезнуть, если региональное сотрудничество сойдет на нет.

Список литературы и источников

1. Zakaria F. Stop Searching for an Obama Doctrine // *The Washington Times*. 2011. July 6.
2. Ягья В. С. (ред.) *Рассвет над Петербургом : Санкт-Петербург в мировом сообществе*. Санкт-Петербург, 2005. 272 с.
3. Барыгин И. Н. Регион как инструмент мира : анализ Балтийского академического дискурса / И. Н. Барыгин, Д. А. Ланко, Е. А. Фофанова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения*. 2005. № 2. С. 100—111.
4. Joenniemi P. *Cooperation in the Baltic Sea Region*. London, 1993. 185 p.
5. Ланко Д. А. *Процессы глобализации, регионализации и локализации вокруг Балтийского моря*. Санкт-Петербург, 2008. 361 с.
6. Young O. R. Political Discontinuities in the International System // *World Politics*. 1968. Vol. 20. No. 3 (April). P. 369—392.
7. Hülse R. Turkey's Europeanness, Europe's Identity and the EU: Exploration below the Surface of the Enlargement-Discourse // *Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship* / Ed. by K. Khudoley and D. Lanko. St. Petersburg, 2004. P. 82—98.
8. Brechtefeld J. *Mitteleuropa and German Politics: 1948 to Present*. London, 1996. 195 p.
9. Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22—27.
10. Bhagwati J. *In Defense of Globalization*. Oxford, 2004. 320 p.
11. Делез Ж. *Анти-Эдип : Капитализм и Шизофрения* / Ж. Делез, Ф. Гваттари. Екатеринбург, 2008. 670 с.
12. Ланко Д. А. Роль малого бизнеса в конструировании региональной идентичности (на примере Балтийского региона) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2010. № 12. С. 141—147.
13. Ланко Д. А. Страны Балтии после распада СССР // *СССР после распада* / под. ред. О. Л. Марганя. Санкт-Петербург, 2007. С. 121—196.
14. Castells M. *The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model* / M. Castells, T. Himanen. New York, 2002. 200 p.
15. Худолей К. К. Санкт-Петербург в Балтийском регионе / К. К. Худолей, Д. А. Ланко // *Балтийский регион*. 2009. № 1. С. 64—76.
16. Ланко Д. А. Калининград как «другое место» // *Научные труды Северо-Западного института управления*. 2010. Т. 1. № 1. С. 66—74.
17. Buzan B. *Security: a New Framework for Analysis* / B. Buzan, O. Waever, J. Wilde, de. Boulder, London, 1998. 239 p.
18. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Приграничное сотрудничество и его роль в развитии приграничных регионов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/>

sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/af31185c931575ed43256c8b004a1d18!OpenDocument, свободный (дата обращения: 21.05.2014).

19. Тарасов С. Б. Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия управления социально-экономическим развитием территории / С. Б. Тарасов, Н. М. Межевич // *Экономика и управление*. 2009. № 2 (5). С. 8–14.
20. Ланко Д. А. Управление трансграничными водными ресурсами : сравнительный анализ российского и американского опыта // *Балтийский регион*. 2013. № 1 (15). С. 27–37.
21. Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития / Н. М. Межевич, Е. Г. Болотникова // *Балтийский регион*. 2010. № 4. С. 37–47.
22. Mitrany D. *A Working Peace System*. Chicago, 1966. 221 p.
23. Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Waever. Cambridge, 2003. 564 p.
24. Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, 1993. 752 p.
25. Schweller R. L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton, 2006. 182 p.
26. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.
27. Гфозллер Т. Североевропейская инициатива / пер. с англ. В. Захаровой. Санкт-Петербург, 1999. 32 с.
28. Council of the European Union. Presidency Conclusions: Brussels European Council. 29/30 October 2009. 15265/1/09. REV 1. CONCL 3.

References

1. Zakaria F. Stop Searching for an Obama Doctrine // *The Washington Times*. 2011. July 6.
2. Yagya V. S. (ed.) *St. Petersburg Dawn: St. Petersburg in International Community*. [Rassvet nad Peterburgom: Sankt-Peterburg v mirovom soobshchestve]. St. Petersburg, 2005. 272 с.
3. Barygin I. N., Lanko D. A., Fofanova E. A. Region as a Tool of Peace: Analysis of the Baltic Academic Discourse. [Region kak instrument mira: analiz Baltiyskogo akademicheskogo diskursa] // *Vestnik of the St. Petersburg State University, series 6 (Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations)*. 2005. № 2. С. 100–111.
4. Joenniemi P. *Cooperation in the Baltic Sea Region*. London, 1993. 185 p.
5. Lanko D. A. *Globalization, Regionalization and Localization around the Baltic Sea*. [Protsessy globalizatsii, regionalizatsii i lokalizatsii vokrug Baltiyskogo morya]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. 361 с.
6. Young O. R. Political Discontinuities in the International System // *World Politics*. 1968. Vol. 20. No. 3 (April). P. 369–392.
7. Hülse R. Turkey's Europeanness, Europe's Identity and the EU: Exploration below the Surface of the Enlargement-Discourse // *Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship* / Ed. by K. Khudoley and D. Lanko. St. Petersburg, 2004. P. 82–98.

8. Brechtfeld J. *Mitteleuropa and German Politics: 1948 to Present*. London, 1996. 195 p.
9. Foucault M. *Of Other Spaces* // *Diacritics*. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22—27.
10. Bhagwati J. *In Defense of Globalization*. Oxford, 2004. 320 p.
11. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. New York, 2004. 712 p.
12. Lanko D. A. *Role of Small Businesses in Regional Identity Construction: Case Study of the Baltic Region*. [Rol' malogo biznesa v konstruirovanii regional'noy identichnosti (na primere Baltiyskogo regiona)] // *Vestnik of the Baltic federal University named after I. Kant*. 2010. № 12. С. 141—147.
13. Lanko D. A. *Baltic States after Collapse of the Soviet Union*. [Strany Baltii posle raspada SSSR] // *Soviet Union after Collapse*. [SSSR posle raspada] / Ed. by O. L. Marganiya. St. Petersburg, 2007. С. 121—196.
14. Castells M., Himanen T. *The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model*. New York, 2002. 200 p.
15. Khudoley K. K., Lanko D. A. *St. Petersburg in the Baltic Region*. [Sankt-Petersbug v Baltiyskom regione] // *Baltic Region*. 2009. № 1. С. 64—76.
16. Lanko D. A. *Kaliningrad as an «Other Place»*. [Kaliningrad kak «drugoe mesto»] // *Academic Papers of the Northwestern Institute of Management*. 2010. Т. 1. № 1. С. 66—74.
17. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder, London, 1998. 239 p.
18. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Cross-Border Cooperation and Its Role in the Development of Border Regions*. [Prigranichnoe sotrudnichestvo i ego rol' v razvitii prigranichnyh regionov] [Electronic resource]. URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/af31185c931575ed43256c8b004a1d18!OpenDocument> (accessed 21.05.2014).
19. Tarsov S. B., Mezhevich N. M. *Cross-Border Cooperation as an Innovative Strategy of Territorial Socio-Economic Management*. [Prigranichnoe sotrudnichestvo kak innovatsionnaya strategiya upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem territorii] // *Economics and Management*. 2009. № 2 (5). С. 8—14.
20. Lanko D. A. *Trans-Boundary Water Management: Comparison of Russian and U.S. Experience*. [Upravlenie transgranichnymi vodnymi resursami: sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i amerikanskogo opyta] // *Baltic Region*. 2013. № 1 (15). С. 27—37.
21. Mezhevich N. M., Bolotnikova E. G. «Northern Dimension» Policy: State-of-the-Art and Prospects of Growth. [Politika «severnogo izmereniya»: sovermennoe sostoyanie i perspektivy rosta] // *Baltic Region*. 2010. № 4. С. 37—47.
22. Mitrany D. *A Working Peace System*. Chicago, 1966. 221 p.
23. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, 2003. 564 p.
24. Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, 1993. 752 p.
25. Schweller R. L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton, 2006. 182 p.
26. *Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation*. Approved by the President of the Russian federation on February 12, 2013. English version can be found at: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/0f474e63a426b7c344257b2e003c945f!OpenDocument>

(accessed 23.06.2012).

27. Gfoeller T. Northern European Initiative. [Severoevropayskaya initsiativa] / Translated into Russian by V. Zakharova. St. Petersburg, 1999. 32 с.
28. Council of the European Union. Presidency Conclusions: Brussels European Council. 29/30 October 2009. 15265/1/09. REV 1. CONCL 3.

*

*

*

Keywords:

*

*

dimppa@hotmail.com

Summary:

*

УДК 323

Национальная идея как основа безопасности русской государственности (Карелия — анализ единичного случая)

РОЖНЕВА
Светлана
Сергеевна

*кандидат политических наук, доцент,
кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, rozhneva@mail.ru*

Ключевые слова:

безопасность
национальная идея
Карелия
мифологичность
символичность
этничность
системность
прагматичность
динамичность

Аннотация:

В статье представлен авторский подход относительно национальной идеи как одной из основ безопасности государства в условиях современных геополитических изменений на примере России. В качестве возможного определения национальной идеи для страны рассматривается идея «Россия — сильное государство». При использовании методологии изучения отдельного случая анализируется Республика Карелия, политический процесс в которой иллюстрирует тенденции современных международных отношений. В работе предлагается трехуровневая структура государственной идеи: уровень сознания, уровень практического воплощения и переходный уровень. На первом уровне проявляется мифологичность, символичность и этничность идеи, на втором — системность и прагматичность, на переходном — динамичность.

Исследование первого уровня показывает, что мифологизация и символизация политического пространства — важные составляющие современной политики. Через национальную идею они способны придать ей позитивный смысл, легитимировать действия властей, сохранить системные характеристики государства. Вместе с тем автор приходит к выводу, что национальная идея современной России, как и Республики Карелия, не направлена на сохранение признаков этничности из-за многонационального характера страны. Идея сильной России интерпретируется в терминах патриотизма, могущества государства, а не с позиции этноса. Вписываясь в систему государства, национальная идея поддерживает его значение как основного политического института, как важнейшего актора политики и как коммуникативного пространства. На практике идея, изменяясь, способна сохранять системность государства, в чем осуществляется прагматизм ее воплощения. В итоге автор статьи приходит к выводу, что национальная идея России как сильного государства усиливает авторитарные тенденции в стране, консервацию их в общественном сознании и обеспечивает основы безопасности.

Опубликована: 31 декабря 2014 года

2014 г. для России был богат на значимые для страны события. Победа России на Олимпийских играх и триумфальная победа на Паралимпийских играх подняли престиж страны на международной арене. Внутри страны чувство гордости цементировало сознание россиян. Рейтинги Путина как национального лидера «поползли» вверх. Авторитет главы государства еще более утвердился в сознании российских граждан в результате тех судьбоносных для страны решений, которые принимал президент относительно ситуации вокруг Крыма. Беспрецедентный случай в международной практике, когда народ пользуется своим правом на самоопределение, в результате референдума создает суверенное государство и на следующий же день после оглашения результатов плебисцита подает заявку на вхождение в состав другого суверенного государства, стал причиной неоднозначных оценок действий российского президента как на международной арене, так и внутри страны. И если вопросы национальной идеи и так никогда не сходили с политической повестки дня, то после выхода Крыма из состава Украины они разгорелись с новой силой.

«Народная эйфория» и то, как воспользовались своим правом на самоопределение крымчане, в какой-то степени свидетельствуют (с исторической точки зрения) о национальном единстве, о возвращении исконно русских земель «в родную гавань» [26], но, с другой стороны, это можно рассматривать в терминах опасности данного права для государственной целостности. И вновь современная Украина стала показательным примером этому. Случаи самоопределения Донецка и Луганска со стратегической точки зрения не могли пойти по «крымскому сценарию», но они стали причиной дальнейшего усугубления ситуации в Украине и во всем мире в целом, что выразилось в военных действиях на территории республик и в санкциях, направленных в отношении России и ответных санкциях странам Евросоюза.

Безусловно, национальная идея не сводится только к праву на самоопределение народов и даже может не расцениваться в подобных дефинициях. Но сам факт такой возможности самоопределения, предположим национальных республик в Российской Федерации, весьма интересен. Изучение отдельных случаев особенно хорошо подходит для исследования редких феноменов. Хотя такая гипотеза для ряда республик нашей страны в своей основе носит абсурдный характер.

Возьмем, к примеру, Республику Карелия, регион Северо-Запада, граничащего с Финляндией, страной Европейского Союза. Проводимая национальная политика в регионе так или иначе согласуется с федеральной и не решает проблем республики, вызванных, в первую очередь, сокращением представителей титульной нации. Статус дотационного субъекта государства не позволяет «диктовать» свои условия федеральному центру, что, как нам кажется, обогащается к тому же нордическим характером большинства граждан, проживающих на территории Карелии, и естественным уровнем пассивности в политическом поведении, следуя принципу «скажут — сделаем, не скажут — делать не будем». Подобная риторика проявляется и в отношении смысла национальной идеи, ее восприятию так, как это транслирует властвующая элита федерального центра. Вместе с тем следует признать, что сам феномен национальной идеи неоднозначно трактуется и политической элитой, и общественностью, что свидетельствует о широкой сфере применения понятия национальной идеи к описанию самого разного рода событий.

В политической науке и в органах государственной власти не утихают споры относительно того, какая национальная идея необходима для современной России как основной идеи безопасности российской государственности. С разных сторон, с разных аспектов анализируется данная проблематика. Но в большинстве своем исследования концентрируются на консервативной составляющей данного феномена, уходящей своими корнями к взглядам отечественной интеллигенции конца XIX — начала XX в. Безусловно, важны традиционные истоки происхождения национальной идеи, но тогда трактовка национальной идеи осуществляется в границах Русской идеи, отчасти не соответствующей современным реалиям. Одним из примеров подтверждения тому является вопрос национальной идентичности в многонациональной России [16; ст. 3. п. 1; 4], что не позволяет употреблять как синонимы понятия «русская идея» и «национальная идея». Ко всему прочему сложно говорить и о единой нации как цементирующей основы государства, поскольку создание «русской нации» означает идти по тому же пути, когда предпринимались попытки создания единой «советской нации».

Отвергать полностью необходимость национальной идеи для России тоже нецелесообразно,

поскольку она выступает одним из признаков сплочения и единства государства. Но, как представляется, следует анализировать национальную идею для России в контексте глобализации, в терминах постмодернизма, учитывая взаимовлияние и взаимозависимость всех государств мира на современном этапе. Рассуждая о национальной идее с позиции политической безопасности, понятия национальная и государственная идея следует употреблять как синонимы, что в определенной степени позволяет ограничивать рамки исследования, не вдаваясь в сложности этимологических интерпретаций и плюралистичности смыслов.

Представленная работа — это еще один взгляд на проблематику государственной идеи. В статье содержится обобщение накопленных знаний относительно сущности и природы данного феномена, выделяются структурные уровни национальной идеи, анализ которых позволяет показать, как она воплощается в России. При этом учитываются особенности политического режима страны на современном этапе и то, как Российское государство вписывается в международные процессы и взаимодействия с другими странами. В качестве примера на основе использования методологии изучения единичного случая рассматривается Республика Карелия, политический процесс в которой иллюстрирует тенденции современных международных отношений.

Любое государство следует рассматривать как систему. Подход Д. Истона [11] — наделение системными характеристиками политической жизни — не утратил своей актуальности, но чем больше внешних импульсов оказывает влияние на систему, тем больше вероятность воздействия дестабилизирующих факторов, представляющих опасность для сохранности системы и ее стабильности. Таких «факторов — угроз» для любого государства более чем предостаточно. И Россия не представляет исключения. Причем особенность данных факторов заключается в том, что каждый из них одновременно способствует и сохранению системы, и нарушению ее стабильности. Одним из таких многообразных факторов является национальная идея.

Вполне резонно будет определить национальную идею России как сильного государства. Такая интерпретация государственной идеи не является новой, но она словно аккумулирует разнообразные идеологические смыслы. В идею сильного государства гармонично вписываются единство, патриотизм, национальное самосознание и т. п. Предлагая конкретную формулировку идеи, способы ее реализации в стране становятся более отчетливыми, и она позволяет объяснить пути и действия реализуемой внутренней и внешней политики на современном этапе. Однако не следует отождествлять национальную идею с идеологией (см., например, [9], [20], [32]). Государственная идея органично вплетена в идеологию, усиливает выполнение идеологией своих функций, позволяет идеологемам находить свое воплощение в практическом поле политического процесса.

Структура национальной идеи включает в себя три уровня: 1) уровень сознания; 2) уровень практического воплощения; 3) переходный уровень от «теории к практике». Безусловно, все уровни тесно взаимосвязаны. На первом уровне проявляется мифологичность, символичность и этничность идеи. На втором — ее системность и прагматичность. А переходный уровень показывает динамичность национальной идеи.

Первый уровень — сознание

Мифологичность

Мифологизация политического пространства — важная составляющая политики. Глобальные процессы современного этапа, информатизация общества заставляют обращаться к идеологическим практикам, способным сохранять системные характеристики государства. Одной из таких практик является национальная идея. Так, по замечанию В. А. Кулинченко и Н.А. Коровниковой, «одной из основных задач, стоящих перед государством, является поддержание единого смыслового (идеологического) пространства» [20; 17]. Следовательно, мифотворчество позволяет трансформировать общественное сознание в нужном для власти направлении с целью поддержания своей легитимности и безопасности государства от возможных внешних угроз.

Р. Кобб и Ч. Элдер считают, что «мифы и ритуалы служат оправданием политической власти в любой системе» [14; 142]. Это подтверждает тезис о том, что массовое сознание мифологично. По мнению К. Г. Юнга, миф играет спасительную роль для дифференцированного, отчужденного сознания современного человека, дает ему надежду на «светлое будущее» [31; 34]. Тем самым миф направляет действия людей, предписывает им систему ценностей и облегчает восприятие проблем, с которыми сталкивается человек. Миф позволяет соединить массовое и индивидуальное сознание воедино.

По замечанию Э. Кассирера, «современные политические мифы... не требуют с самого начала запрещения каких-либо действий или подчинения каким-либо правилам, они стараются изменить людей, чтобы в дальнейшем можно было управлять их поведением. Политические мифы можно

сравнить с удавом, который парализует животное, прежде чем проглотить его. Люди сдаются без серьезного сопротивления, они подавлены и подчинены раньше, чем успевают осознать, что происходит» [13; 125].

Таким образом, подобные интегрирующая, мобилизирующая, легитимирующая и манипулятивная функции мифа находят свое воплощение в национальной идее. «Национальная идея — это устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, в настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [23; 13].

Следует отметить, что поиск национальной идеи, ее реанимация начинается в периоды кризиса. С точки зрения Э. Кассирера, «обширная и развитая магическая система и связанная с ней мифология приходят в действие, когда налицо опасность и неизвестность» [13; 120]. По замечанию Т. Корниенко, в современных концепциях политический миф преимущественно трактуется в качестве средства манипулирования массовым сознанием. При этом наблюдается стремление к рационализации и демифологизации политики либо выстраивание технологии искусственного мифотворчества [17; 50].

В кризисные моменты возникает необходимость в социальной энергии, которая направляется на преодоление стрессовых и конфликтных условий. В данном контексте выстраиваются рассуждения Ж. Сореля, который еще в начале XX в. применил понятие мифа для описания социально-политических явлений [27]. Он полагал, что миф — это «массовое увлечение ложными политическими идеями и иллюзиями» [27; 14]. Миф, согласно Ж. Сорелю, «нечто интуитивно цельное, символически образное, не поддающееся разложению, необходимый элемент мировосприятия любой социальной группы, выражение воли к власти группы или класса, возглавляющего социальное движение» [27; 18]. Однако Г. Лассуэлл утверждал, что «неверно полагать, что термин «миф» обязательно придает вымышленный, ложный или иррациональный оттенок входящим в его состав символам» [21]. С его точки зрения, «политический миф содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти» [21].

Подобная позиция правомерно укладывается в логику рассуждения относительно национальной идеи России как сильного государства. Если рассматривать мифологичность государственной идеи страны с позиции «политической формулы» [21], выделенной Г. Лассуэллом, в формуле, в которой одновременно проявляется ее прескриптивность и дескриптивность, которая «прескриптивна, так как предполагает соответствие определенной спецификации и содержит в себе символы, нацеленные на аргументированное оправдание или осуждение данных политических практик» [21], и дескриптивна, «поскольку, действительно, в определенной степени в ней присутствует соответствие предъявляемым требованиям, и, предположительно, в том, что данная формула принимается большинством людей как корректно описывающая модели и практики власти» [21].

С точки зрения прескриптивности и дескриптивности национальная идея России как сильного государства приобретает только позитивный смысл. Прескриптивность идеи проявляется через ценностные установки и оценочные суждения россиян, которые на уровне своего сознания оправдывают идеи и действия государственной власти в целом, и Президента в частности. Легитимирующая роль прескриптивности идеи выражается, например, через известные высказывания глав государства [1], ставшие афоризмами и получившими, благодаря своей эмоциональности, широкую поддержку у народа.

Проявлением позитивного смысла посредством дескриптивности национальной идеи России на данном этапе является официальная позиция государства относительно ситуации, складывающейся в Украине. По данным ВЦИОМ, вхождение Крыма в состав Российской Федерации повысило показатели социального самочувствия россиян [28], и большинство граждан страны не подвергают сомнению правильность проводимой государством политики [8]. Однако если проанализировать данные по Карелии, то можно обнаружить показатели, схожие с общероссийскими в целом [19]. При этом жителей Карелии, как и граждан России, не затрагивает позиция других государств относительно действий российского президента, что выражается и по данным опросов (см., например, [22]), и по той информации, которая распространяется в СМИ и в социальных сетях.

Таким образом, это подтверждает наличие признаков авторитарного режима и их отражения в массовом сознании и в реальной политической практике, которые не приобретают негативного оттенка, а, напротив, усиливают ценность мощного и сильного государства. Ко всему прочему о сохранении признаков авторитарного режима в нашей стране свидетельствуют данные опросов [15], показывающие консерватизм общественного сознания и доминирующие ценности россиян на современном этапе [25].

При этом мифологичность национальной идеи России как сильного государства проявляется еще

и потому, что, по мнению И. И. Кравченко, «одним из распространенных мифов о власти, наряду с самыми древними — мифами народоправия, непререкаемости законов, суверенитета народа, властителя — миф о государстве. Он играл и играет положительную роль в политике. Суть его — в доказательстве необычайной природы государства, его способности восходить к высшим ценностям, воплощать их и превосходить функции других политических образований» [18; 10]. Подобного рода мифологичность национальной идеи воздействует на сознание таким образом, что «жизнеспособность страны — это жизнеспособность каждого. Поэтому национальная идея страны — это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти. И это основа его индивидуальной жизнеспособности» [23; 25]. Хотя следует признать, что реальный политический процесс не столь пафосен. Весьма показательными примерами становятся выборы.

Традиционно в нашей стране явка избирателей на выборах в федеральные органы власти выше, нежели в региональные, а тем более местные. Жители любого субъекта Российской Федерации, в том числе и Республики Карелия, демонстрируют подобное поведение. Как нам кажется, это вызвано консервативностью общественного сознания, когда ценности силы государства воспринимаются сверху, усиливая авторитарные тенденции в стране. Когда в общественном сознании продолжает укореняться идея, что на местах добиться справедливости и порядка не представляется возможным и только на уровне государства можно достичь хоть какой-то правды, хотя тоже весьма условной. В немалой степени этому способствуют и средства массовой информации, транслирующие позицию официальной властвующей элиты.

В связи с этим мифологичность становится именно тем аспектом национальной идеи, который позволяет сохранять целостность государственной системы. Ко всему прочему эффективность мифологизации общественного сознания достигается посредством создания символического образа восприятия. По мнению Р. Кобба и Ч. Элдера, «в символах эмоциональный компонент преобладает над информативным» [14; 134], глубоко укрепляется в общественном сознании и влияет на модели политического поведения народа. Символизм усиливает эффект мифологизации в общественно-политической практике и определяет сферу воздействия мифа.

Символичность

Символизм политического пространства интегрирует признаки государственности, функционально обогащает политическую систему и оказывает непосредственное воздействие на характер политического режима. Символы определяют не только статичные элементы политической сферы (например, по типу политической системы), но и детерминируют ее динамическую составляющую, выражаемую через особенности политического поведения социума [14].

В политической сфере можно наблюдать разные виды символов: «символы-идеи, символы-действия (ритуалы), символы-объекты (статичны), символы-персоны, символы-звуки» [3; 103] и др. При этом все символы взаимосвязаны, так как они достигают своего эффекта и воздействуют на общественное и индивидуальное сознание различными путями. Восприятие национальной идеи — «Россия — сильное государство» — наблюдается в контексте «символа-идеи». Государственная идея в стране транслируется через официально проводимую внутреннюю и внешнюю политику, через законодательство. В связи с чем находим в ней не только элементы «символа-идеи», но и «символа-действия» (например, посредством предвыборной агитации партии «Единая Россия» — «Сильная Россия — Единая Россия»), и «символа-персоны» (высокие рейтинги В. Путина в 2014 г., так или иначе связанные с событиями присоединения Крыма), «символы-звуки» (например, гимн Российской Федерации на музыку А. Александрова и слова С. Михалкова [6]) и т. п.

Если анализировать единичный случай Республики Карелия, то конструирование национальной идеи на ее территории осуществляется в контексте общероссийского символического пространства. При этом разные виды обозначенных выше символов не согласуются с национальными особенностями региона. Как и по всей стране, в Карелии в электоральный период партия «Единая Россия» использует те же лозунги, на основе которых формируются схожие мифологемы в массовом сознании и у жителей республики. «Символ-персона» традиционно ассоциируется с главой государства, а никак не с главой республики, что подтверждает консервативность в умонастроениях и авторитарность политического режима. В «символах-звуках» вообще наблюдается подмена понятий, когда жители Карелии не знают не только мелодии и слов гимна [5], но и полагают, что песня А. Колкера «Долго будет Карелия сниться» и есть гимн республики.

С точки зрения символа национальная идея может восприниматься как индивидуально, так и коллективно, но, по мнению Р. Кобба и Ч. Элдера, «символы могут быть общими для группы, но их индивидуальное восприятие может быть разным» [14; 140], что тесно коррелируется с проблематикой

политического поведения, политического выбора и ответственности за него. Символический характер национальной идеи приводит к тому, что, с одной стороны, он показывает на абстрактность идеи, а с другой — указывает на ее практическую направленность.

Так, по замечанию Н. В. Буковской и Ю. А. Воеводиной, «символ — это “чувственное воплощение идеального” (Кассирер), знак, указывающий на что-то, что не есть он сам или замещающий что-то другое. Чаще всего символ указывает на некое абстрактное, непосредственно не воспринимаемое содержание, смысловое образование, комплекс представлений, относящихся к религии, политике и т. д.» [3; 102]. Вместе с тем «символ побуждает к действию, он порождает психическую энергию, направляя ее в нужное русло, а следовательно, служит средством контроля, регулирования поведения человека» [3; 103]. Рассуждая в подобном ключе, Р. Кобб и Ч. Элдер считают, что «политические символы регулируют отношения индивида и политической системы, закладывают основу для дифференциации, кооперации и, наконец, для политического сообщества» [14; 131].

Таким образом, символичность национальной идеи России как сильного государства на уровне сознания разбивает ее на абстрактные и практические составляющие, что позволяет ей выполнять интегрирующую и мобилизующую функции в обществе.

В качестве абстракций национальной идеи России как сильного государства можно выделить силу/мощь, авторитет, свободу, независимость и величие на геополитическом пространстве. Такие абстракции обусловлены современной политической действительностью и социальными нормами, как правовыми, так и традиционными, религиозными и т. п. Все это показывает особые черты политической культуры россиян, характеристики политического сознания народа. При этом абстракции на практике приобретают вполне конкретные ассоциации и формы реализуемой государственной политики. Не надо проводить специальные исследования, чтобы увидеть, через какие категории абстракции отечественной национальной идеи проявляются на практике.

Так, «сила/мощь» реализуется через действия президента, престижность армии; «авторитет» традиционно ассоциировался с политикой главы государства, с его действиями и решениями, что напрямую воздействовало на его имидж; абстракция «свободы», так или иначе, соотносится с конституционно закрепленными и государственно гарантируемыми правами и свободами человека и гражданина; «независимость» реализуется через суверенитет государства и народа, а «величие на геополитическом пространстве» аккумулирует тенденции прошлого и современности через особый характер выстраивания отношений между государствами на международной арене в плане реализации своей собственной стратегической линии мировой политики (см. табл.).

Национальная идея «Россия — сильное государство»	
Абстракции	Практики
Сила/мощь	Глава государств, армия
Авторитет	Глава государства
Свобода	Права и свободы человека и гражданина
Независимость	Суверенитет
Величие на геополитическом пространстве	Международные отношения

При этом на современном этапе в отечественной национальной идее продолжают преобладать абстракции и практики, свойственные авторитарному режиму, от чего сама национальная идея становится авторитарной. Подтверждением тому выступает мнение В. А. Тураева, что «национальная идея народа — продукт народной культуры в ее историческом развитии, она живет в нем во все времена, при всех политических режимах» [29; 154]. А символизм национальной идеи лишь усиливает это положение, позволяет ей существовать вне временных рамок, лишь время от времени изменяя и ставя акценты, что понимать, например, под сильным государством. По замечанию С. Н. Амельченко, «являясь выражением самосознания российского общества, национальная идея утверждает те ценности, которые позволяют ему выработать принципы должного самоопределения в окружающем мире, адекватные вызовам современной действительности и укрепляющие социокультурный статус человеческого бытия» [2; 82].

Этничность

При исследовании национальной идеи на уровне общественного сознания, волей неволей возникает вопрос этнической составляющей в ее структуре. Терминологическое созвучие — «национальная», «нация», «этническая общность», «этничность», «этническое самосознание» и т. п. —

заставляет обращаться к проблематике этничности в самой национальной идее. Но поскольку для России понятие национальной идеи тождественно дефиниции государственной идее, то есть ли смысл выделять компонент этничности в такой национальной идее, как «Россия — сильное государство»?

Отвечая на данный вопрос, следует отметить, что феномен этничности в науке анализируется с точки зрения разных методологических подходов этнографии. Г. В. Грошева пишет, что «все имеющиеся концепции и теории можно объединить в два методологических противоположных подхода к проблеме этнической субстанции: “онтологический” (примордиалистский, или эссенциалистский) и “функциональный” (конструктивистский, инструменталистский)» [7; 104]. Однако эти подходы направлены на определение феномена этничности с позиции самоидентификации человека с той или иной этнической группой. В таком аспекте считается уместным рассмотрение проблематики национального самосознания, межэтнического взаимодействия, межнациональных конфликтов и пр.

Применительно к национальной идее обозначенные выше концепции не подходят. С определенными оговорками можно было бы лишь применить функциональный подход, где «конструктивисты определяют этничность как средство достижения коллективных целей, прежде всего обеспечения социального комфорта в рамках однородных культурных сообществ, понимаемого чаще как достижение экономических и политических выгод. Согласно конструктивистской концепции, этничность есть вымышленный конструкт, «навязанная» социальность, поскольку коренится в мифах, ценностях, символах, создаваемых обществом и постоянно меняющихся» [7; 105]. Однако и данную концепцию нельзя напрямую проецировать на государственную идею России. Связано это с тем смыслом, который понимается под словосочетанием «Россия — сильное государство».

Национальная идея современной России, в целом, не направлена на сохранение признаков этничности. Этничность может проявляться в отдельных субъектах Российской Федерации, например в национальных республиках, но для многонационального народа России этничность будет означать, и здесь согласимся с Л. Карчевским, «сохранение традиционных укладов жизни, базовых систем ценностей и стереотипов мышления и поведения, что чаще всего предполагает борьбу за национальную независимость и суверенитет народов» [12; 149].

Казалось бы, вот необходимый материал для исследования в Республике Карелия. Субъект Российской Федерации, образованный по национальному признаку, политика которого направлена на сохранение этнического колорита титульного населения. Но примечателен тот факт, что исследования, проводимые в Карелии, не затрагивают вопросы ценностного восприятия национальной идеи, что в очередной раз подтверждает их трансформацию в контексте общероссийских тенденций. Проблемы, вызванные постоянным сокращением титульного населения республики, определяют вектор развития национальной политики в регионе, что не отражает анализируемый в данной работе вопрос. Потому государственная идея в сознании жителей Карелии и россиян в целом предстает как традиционная культурная ценность, сплачивающая народ, состоящий из различных этнических групп, в единое целое.

По замечанию Л. Карчевского, «именно в культурных традициях сохраняются ценностно-нормативное и смысловое содержание этничности, а также значимые механизмы социальной адаптации, обеспечивающие трансляцию культуры от поколения к поколению» [12; 144]. Коммуникативная сущность национальной идеи выстраивает в общественном сознании ценностную основу, которая сплачивает не одну нацию, а весь народ в целом. Отчего и проявление признаков национализма в стране (например, «Русские марши», проводящиеся ежегодно с 2005 г., беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 г., акции в поддержку Крыма в марте 2014 г. и т. п.) осуществляется не «по крови» — происходит возрождение имперских традиций России.

По мнению В. А. Тураева, «национальная идея всех народов, в какие бы философские и мировоззренческие одежды не облакали ее интеллектуалы, по сути, одна — остаться самим собой» [29; 154]. Многонациональной Россия стала не в конце XX в., и потому «в условиях глобализации главное для всех народов — не потерять своего лица» [29; 157]. Таким образом, этничность в стране проявляется, например, через чувство патриотичности, осознание себя гражданином великой страны, а не принадлежность к какой-либо нации [24]. В связи с чем на уровне общественного сознания национальная идея России как сильного государства выполняет важнейшие функции, необходимые для сохранения традиционного многонационального характера страны. При этом уникальность феномена национальной идеи России заключается в том, что она может трансформироваться, при этом сохраняя свою сущность, что свидетельствует о динамичности ее характера, проявляющегося на переходном уровне ее структуры.

Динамичность

Любая национальная идея способна адаптироваться к новым поколениям, практически не меняя эффекта своего воздействия на общественное сознание. По мнению Ю. В. Ирхина, «она включена (включается) в стандартные схемы восприятия проблемных ситуаций и принятия решений, реализующихся, например, в метафорах “войны”, “мира”, “спорта”, “театра” и т. д.» [10; 45—46]. Связано это еще и с тем, что национальная идея способна объединять субъекты и объекты власти, акторов политики, формируя модели взаимоотношений государства и общества.

Однако в России наблюдается традиционная асимметричность, свойственная для авторитарного режима, когда интегрирующие и мобилизующие идеи конструируются в институтах власти, оправдывая, с одной стороны, ее авторитет, а с другой — дают свое видение происходящих событий и моментов истории. В качестве примера можно привести те заявления, которые сделал президент России В. В. Путин 17 апреля 2014 г. относительно Украины и Крыма на «прямой линии», отвечая в прямом эфире на вопросы граждан [4].

Национальная идея России как сильного государства, мощного государства, государства, с которым необходимо считаться на международной арене, государства, претендующего на лидерство в мире, «сработала» в победоносных заявлениях президента, когда он обратил внимание общественности на известный исторический факт и назвал Юго-Восток Украины Новороссией, традиционно российскими землями, которые были присоединены к Российской империи в результате русско-турецких войн по второй половине XVIII в. Путин дал ясно понять, что есть курс на многополярный мир и укрепление России как самостоятельного субъекта, жесткое непринятие диктата со стороны Запада и однополярного мира. При этом из выступления президента страны прослеживается идея, что Российская Федерация взяла курс на жесткую конфронтацию с тем Западом, который пытается сохранить свою гегемонию.

Следует отметить, что динамичность национальной идеи усиливается благодаря ее свойствам. И здесь одной из интересных точек зрения является мнение Ю. В. Ирхина. Он пишет, что «по соображениям самого общего порядка национальная идея должна быть: 1. Интегрирующей — снижающей напряженность всех форм противостояния (идейных, социальных, этнических, демографических, территориальных и т. п.) и укореняющей ценности, безусловно общие для граждан сообщества. 2. Мобилизующей — снимающей эффекты социальной фрустрации и апатии, стимулирующей активность, инициативу, разного рода конструктивную деятельность и созидательные акции. 3. Преобразующей — утверждающей ценности, которые стимулируют в стране изменения и ориентируют на перспективу» [10; 46]. Примечательно, что все это показывает ценность государственной идеи, ее возможность существовать в общественном сознании и реализовываться в реальной практике. Именно на практике идея способна сохранять внешние и внутренние характеристики системы государства, в чем осуществляется прагматизм ее воплощения в отношении основ безопасности.

Второй уровень - практика

Системность

Национальная идея, вписываясь в систему государства, поддерживает его значение как основного политического института, как важнейшего актора политики и как политического коммуникативного пространства, в котором живут граждане страны.

Будучи социальным институтом, государство нацелено на поддержание общественного порядка и безопасности граждан. В данном ключе национальная идея является одной из нормативных ценностей, сохраняющих институциональные признаки государства. Применимость нормативно-ценностного подхода объясняет модель поведения граждан и модель поведения государства в целом. Причем в контексте страны действия осуществляются в терминах правильного и должного поведения. Авторитарная ценность национальной идеи — «Россия — сильное государство» — показывает мощь работы институциональных признаков российского государства. Историческая жизнеспособность национальной идеи, ее традиционализм, преемственность сохраняют государство, она «обретает способность задавать целеполагание нации и мобилизовывать потенциал народа на исторические свершения» [23; 69].

В современном контексте потенциал российского народа проявляется в формах гражданской активности. Народные гуляния и демонстрации в честь государственных праздников (например, 4 ноября — День народного единения), выборы, акции протеста и акции поддержки, митинги иллюстрируют, как отражаются в общественном сознании решения, принимаемые руководством

страны [2]. Применительно к опыту Республики Карелия системность проявляется наряду с общегосударственными мероприятиями с событиями регионального уровня. Так, например, региональные или местные выборы, праздничные мероприятия, приуроченные ко Дню Республики Карелия или к каким-либо значимым датам в истории демонстрируют народное единение в отдельно взятом субъекте Российской Федерации.

Безусловно и то, что государство — это важнейший актор политики. Следует согласиться с точкой зрения П. Данливи, что «государство начинает вести себя как единый актер только на определенной дистанции. При ближайшем рассмотрении легко заметить, что разные институты государства стремятся к различным целям, то есть государство как целое — это условность» (цит. по: [1; 95]). Однако национальная идея способна преодолеть эту условность, усиливая центростремительные тенденции внутри страны. Достижение внутригосударственного единства проецируется и на геополитическое пространство, когда страна становится тем актором, с которым необходимо считаться на мировой арене и выстраивать гармоничные международные отношения в целях стратегии безопасности.

Следует также отметить, что системные признаки государства сохраняются благодаря тому коммуникативному пространству, которое способно создавать национальная идея. Но, на наш взгляд, специфика государственной идеи заключается в том, что она способна создавать коммуникативное пространство как на рациональных, так и на иррациональных основах. Рациональная компонента национальной идеи, в контексте теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в эпоху модерна, позволяет восстановить внутренне отношение между практикой и рациональностью, когда государственная идея подвержена не только чувственному восприятию, но и пониманию того, что лежит в ее основе: «Теория коммуникативного действия... исследует допущения рациональности в повседневной коммуникативной практике и подводит нормативное содержание рассудочно ориентированного действия под понятие коммуникативной рациональности» [30; 82]. И несмотря на то что коммуникатором чаще всего выступает властвующая элита, которая продуцирует национальную идею для страны, для ее граждан, смысл и значение идеи способны проникать в общественное сознание и в реальную практику, оказывая непосредственное воздействие на модели политического поведения.

Таким образом, национальная идея — это «деятельностная программа» в реальной жизни. «Это большой идеологический манифест и манифестация, которые входят в сознание, традиции и практику. В образовательный, патриотический, воспитательный и пропагандистский процессы, в монументальное и иное искусство. Это срез, наклонение и пафос литературы» [23; 131]. Способность государственной идеи к трансформации ее восприятия разными поколениями показывает ее прагматичность для функционирования современной политической системы, «обслуживая интересы различных политических субъектов (политиков, политических партий, общественных движений и т. п.)» [10; 45—46], направляя в русло процессов сохранения стабильности и обеспечения государственной безопасности.

Прагматичность

Положительное воздействие национальной идеи, и в контексте выполняемых ею функций, смыслов и значений, которые она имеет для граждан и для государства в целом, и той системообразующей и системосохраняющей роли, которую она играет в политической системе страны, говорит о необходимости существования национальной идеи и показывает степень ее полезности и для государства, и для общества.

Государственная идея в стране будет «работать» только тогда, когда будет понятен ее смысл. Она найдет практическое воплощение благодаря своей прагматичности. Национальная идея России как сильного государства способна легитимировать политический процесс, современное состояние страны. Ссылаясь на мнение Мерельмана, Р. Кобб и Ч. Элдер отмечают, что «существует как минимум две основы легитимности. Первая — преимущественно символическая, то есть верность основана преимущественно на чувствах и эмоциях по отношению к ярким политическим символам. Другой источник легитимности основан на функциональном или утилитарном критерии материальной оценки и выгоды ...» [14; 132].

Постоянное привлечение внимания общественности к тому, что Россия — это сильное государство, что она геополитический сильный актор, позволяет расставлять акценты так, как это выгодно ведущим политическим силам. Использование терминологии в контексте исторических смыслов, что Россия — это страна, где проживает народ-победитель, смещает акценты с реальных проблем общества (например, низкий уровень жизни, инфляция, безработица и т. п.) в сторону имперских амбиций и победоносных изречений, как бы «затуманивая» сознание россиян, что приводит к потере политической бдительности. В связи с чем национальная идея становится орудием в руках

властвующей элиты, что усиливает авторитарные тенденции в стране, но при этом нацелена на коллективное выживание сообщества в целом, так как «создает и поддерживает чувство психологического комфорта и защищенности» [23; 71].

Изучение единичного случая Республики Карелия в рамках данной проблематики не меняет в целом риторики повествования, поскольку политический процесс в Карелии выстраивается по тому же сценарию, что и в России в целом, не показывая специфики восприятия жителями республики ценностей национальной идеи в контексте России как сильного государства. Тем самым в регионе наблюдаются тенденции, общие для страны в целом.

Вместе с тем исследование структуры национальной идеи показывает ее способность выполнять различные функции, оказывать непосредственное влияние на сознание граждан страны и находить свое воплощение в практическом поле политики. Это дает основание утверждать, что национальная идея является одной из основ государственной безопасности.

По мнению А. В. Зберовского, «национальная идея — это такой исторически возникший исторический инструмент выживания и самосохранения, который необходим для применения его в интересах сразу всего общества в целом и технически приспособлен преимущественно для устранения какой-то внешней угрозы, обычно со стороны других обществ. При этом, если существованию общества будет угрожать какая-то отдельная его же группа, возможно объявление войны и этой отдельной группе того же самого общества, которое борется за свое выживание в целом» [9; 232]. Ко всему прочему государственная идея способна раскрывать особенности протекания политического режима в стране.

В разные исторические периоды в России, особенно в сложные кризисные периоды, всегда проявляются признаки авторитаризма, одним из которых является признак сильного государства. Национальная идея России как сильного государства носит системообразующий и системосохраняющий характер основ государственности, мобилизует, интегрирует и направляет активность акторов политики, воздействует на общественное сознание. Таким образом, проблематика национальной идеи с позиции государственной безопасности, сохранения государственной целостности универсальна.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. Москва, 2000.
2. Амельченко С. Н. Национальная идея российского общества как проект должного социокультурного бытия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005. Т. 8. № 2. С. 71—82.
3. Буковская Н. В. Роль религиозных символов в политике / Н. В. Буковская, Ю. А. Воеводина // Вестник ТГПУ. 2006. № 12. С. 101—104.
4. Выступление Владимира Путина 17 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://vseemee.kz/blogi/narodnye-novosti/10498/>, свободный (дата обращения: 09.11.2014).
5. Гимн Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://karelia-zs.ru/simvolika_respublika_kareliya/gosudarstvennye_simvol_y_respubliki_kareliya/gimn/, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
6. Гимн Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://flag.kremlin.ru/gimn/>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
7. Грошева Г. В. Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник ТГПУ. 2006. № 1. С. 104—110.
8. Зачем России нужен Крым? [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
9. Зберовский А. В. Национальная идея как причина конфликта между интеллигенцией и государством // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 4. С. 231—237.
10. Ирхин Ю. В. Национальная идея России и идеологема «План Путина» // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 45—56.
11. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Москва, 1997. Т. 2. С. 629—642.
12. Карчевский Л. Этничность как актуальная проблема // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 143—152.
13. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Феномен человека : антология. Москва, 2013. С. 118—134.

14. Кобб Р. У. Использование символов в политике / Р. У. Кобб, Ч. Элдер // *Политическая лингвистика*. 2009. № 29. С. 131—145.
15. Консервативные настроения в российском обществе усиливаются [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114768>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
16. Конституция и государственная символика Российской Федерации. Москва, 2006.
17. Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа // *Власть*. 2009. № 10. С. 50.
18. Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность // *Вопросы философии*. 1999. № 1. С. 12—21.
19. «Крым и Россия: порознь или вместе?» [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114746>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
20. Кулинченко В. А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России / В. А. Кулинченко, Н. А. Коровникова // *Власть*. 2008. № 11. С. 14—18.
21. Лассуэлл Г. Язык власти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
22. Нас пугают, а нам не страшно [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=114756>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
23. Национальная идея России : в 6 т. / отв. ред. С. С. Сулакшин. Москва, 2012. Т. 1.
24. Патриотизм и гражданство : пресс-выпуск № 2541 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114751>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
25. Порядок или демократия [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114767>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
26. Путин: Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань — в Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20140318/1000079137.html>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
27. Сорель Ж. Размышления о насилии. Москва, 2013.
28. Социальное самочувствие россиян «времен Очаковских и покоренья Крыма» [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114774>, свободный (дата обращения: 04.11.2014).
29. Тураев В. А. Национальная идея как смысл существования и стратегия развития этноса // *Россия и АТР*. 2010. № 2. С. 154—160.
30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва, 2003.
31. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Москва, 1998.
32. Якунин В. Государственная идеология и национальная идея : конституционноценностный подход // *Власть*. 2007. № 3. С. 3—12.

REFERENCES

1. Alekseeva T. A. *Contemporary Political Theories*. [Sovremennyye politicheskie teorii]. Moscow, 2000.
2. Amel'chenko S. N. Nation Idea of Russian Society as Project of Due Sociocultural Existence [Natsional'naya ideya rossiyskogo obshchestva kak projekt dolzhnogo sotsiokul'turnogo bytiya] // *Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Bulletin*. [Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv]. 2005. Vol. 2. № 2. P. 71—82.
3. Bukovskaya N. V. The Role of Religious Symbols in Politics [Rol' religioznykh simvolov v politike] / N. V. Bukovskaya, J. A. Voevodina // *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2006. № 12. P. 101—104.
4. Vladimir Putin's Speech at the 17th April 2014 [Vystuplenie Vladimira Putina 17 aprelya 2014 goda] [Electronic resource]. URL: <http://vseee.kz/blogi/narodnye-novosti/10498/> (accessed: 09.11.2014).
5. Hymn of Republic of Karelia [Gimn Respubliki Kareliya] [Electronic resource]. URL: http://karelia-zs.ru/simvolika_respublika_kareliya/gosudarstvennye_simvolovy_respubliki_kareliya/gimn/ (accessed: 04.11.2014).
6. Hymn of Russian Federation [Gimn Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: <http://flag.kremlin.ru/gimn/> (accessed: 04.11.2014).
7. Grosheva G. V. Categories of Ethnos and Ethnicity in Modern Scientific Discourse [Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2006. № 1. P. 104—110.
8. Why Russia Needs Crimea? [Zachem Rossii nuzhen Krym?] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766> (accessed: 04.11.2014).
9. Zberovsky A. V. Nation Idea as Cause of Conflict Between Intelligentsia and State [Natsional'naya ideya kak prichina konflikta mezhdru intelligentsiy i gosudarstvom] // *Krasnoyarsk State Agrarian University Bulletin* [Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta]. 2007. № 4. P. 231—237.
10. Irkhin Y. V. Nation Idea of Russia and ideologeme «Putin's Plan» [Natsional'naya ideya Rossii i ideologema «Plan Putina»] // *Russia and Contemporary World*. [Rossiya i sovremenniy mir]. 2008. № 2. P. 45—56.
11. Easton D. Categories of System Analysis of Politics. [Kategorii sistemnogo analiza politiki] // *Anthology of World Political Thought* : In 5 Vol. [Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. V 5 t.] Moscow, 1997. Vol. 2. P. 629—642.
12. Karchevskiy L. Ethnicity as Actual Problem [Etnichnost' kak aktual'naya problema] // *Knowledge*.

- Understanding. Skill. [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2006. № 4. P. 143—152.
13. Cassirer E. Technology of Modern Political Myths. [Tehnika sovremennykh politicheskikh mifov] // *Human Phenomenon : Anthology*. [Fenomen cheloveka : Antologiya]. Moscow, 2013. P. 118—134.
  14. Cobb R. U. Using of Symbols in Politics [Ispol'zovanie simvolov v politike] / R. Cobb, C. Helder // *Political Linguistic [Politicheskaya lingvistika]*. 2009. № 29. P. 131—145.
  15. Conservative Sentiments are Increasing in Russian Society [Konservativnye nastroyeniya v rossiyskom obshchestve usilivayutsya] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114768> (accessed: 04.11.2014).
  16. The Constitution and State Symbol of Russian Federation [Konstitutsiya i gosudarstvennaya simbolika Rossiyskoy Federatsii]. Moscow, 2009.
  17. Kornienko T. Nature and Structure of Political Myth [Sushchnost' i struktura politicheskogo mifa] // *Power [Vlast']*. 2009. № 10. P. 49—53.
  18. Kravchenko I. I. Political Mythology: Eternity and Modernity [Politicheskaya mifologiya: vechnost' i sovremennost'] // *Problems of Philosophy [Voprosy filosofii]*. 1999. № 1. P. 12—21.
  19. «Crimea and Russia: separately or together?» [Krym i Rossiya: porozn' ili vmeste?] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114746> (accessed: 04.11.2014).
  20. Kulinchenko V. A. Nation Idea as «Legitimacy Ideology» of Modern Russia [Natsional'naya ideya kak «legitimnaya ideologiya» sovremennoy Rossii] / V. A. Kulinchenko, N. A. Korovnikova // *Power [Vlast']*. 2008. № 11. P. 14—18.
  21. Lasswell H. Language of Power [Yazyk vlasti]. [Electronic resource]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm> (accessed: 04.11.2014).
  22. We Are Being Frightened But We Are Not Afraid [Nas pугayut, a nam ne strashno] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=114756> (accessed: 04.11.2014).
  23. Nation Idea of Russia In 6th vol. Executive Editor S. S. Sulakshin [Natsional'naya ideya Rossii]. Moscow, 2012. Vol. 1.
  24. Patriotism and Citizenship [Patriotizm i grazhdanstvo] : Press-News № 2541 [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114751> (accessed: 04.11.2014).
  25. The Order or Democracy [Poryadok ili demokratiya] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114767> (accessed: 04.11.2014).
  26. Putin: Crimea and Sevastopol Come Back to Home Harbor — in Russia [Putin: Krym i Sevastopol vozvrashchayutsya v rodnuyu gavan' — v Rossiyu] [Electronic resource]. URL: <http://ria.ru/politics/20140318/1000079137.html> (accessed: 04.11.2014).
  27. Sorel J. Reflections on Violence [Razmyshleniya o nasilii]. Moscow, 2013.
  28. Social Well-Being of Russians During «Ochakov's Times and the Subjugation of the Crimea» [Sotsial'noe samochuvstvie rossiyan vremyon Ochakovskikh i pokoreniya Kryma] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114774> (accessed: 04.11.2014).
  29. Turaev V. A. Nation Idea as Reason for Existence and Development Strategy of Ethnos [Natsional'naya ideya kak smysl sushchestvovaniya i strategiya razvitiya etnosa] // *Russia and Asian-Pacific Region [Rossija i ATR]*. 2010. № 2. P. 154—160.
  30. Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity [Filosofskiy diskurs o moderne]. Moscow, 2003.
  31. Jung C. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow, 1998.
  32. Yakunin V. State Ideology and Nation Idea : Constitution Value Approach [Gosudarstvennaya ideologiya i Natsional'naya ideya: konstitutsionno-tsennostnyi podkhod] // *Power [Vlast']*. 2007. № 3. P. 3—12.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например, наиболее яркие высказывания президента Д. Медведева (<http://centrpoisk.info/archives/16683>) или широко известные высказывания В. Путина (<http://blog.i.ua/user/1887606/743622/>) — «мочить в сортире» (1999); «я пахал, как раб на галерах» (2008); «выковырять их с этого дна канализации на свет Божий» (2010); «олигархов — в стойло» (2011) и др.

[2] Так, например, можно вспомнить протестные настроения в России в период электорального цикла 2011—2012 гг. или же, напротив, акции поддержки, связанные с событиями в Украине в 2014 г. и важным геополитическим следствием присоединения Крыма.

*

*

*

Keywords:

*

*

rozhneva@mail.ru

Summary:

*

УДК 323.2

Общественное участие в процессе принятия решений как залог обеспечения безопасности человека (на примере Петрозаводска)

ЦУМАРОВА

**Елена
Юрьевна**

*кандидат политических наук,
преподаватель,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
институт истории, политических и социальных наук
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводск, tsumarova@gmail.com*

ЯРОВОЙ

**Глеб
Олегович**

*кандидат политических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,,
Петрозаводск, Россия, gleb.yarovoy@mail.ru*

МИККОНЕН

Яна

*Студентка 4-го курса направления подготовки
«бакалавр политологии»,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, yana.mikkonen@mail.ru*

Ключевые слова:

Безопасность человека
общественное участие
общественные слушания
права человека
Петрозаводск

Аннотация:

Статья посвящена анализу практик обеспечения безопасности человека посредством активизации участия населения в процессе принятия политических решений. На примере Петрозаводска авторы приходят к выводу о низкой эффективности существующих институтов общественного участия, что приводит, с одной стороны, к формированию недоверия и отчуждения населения от власти, а с другой стороны, к снижению результативности деятельности местных органов власти. Отсутствие вовлеченности населения в процесс принятия политических решений на местном уровне не позволяет органам власти обеспечивать базовые условия для обеспечения политической составляющей безопасности человека.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Одним из важнейших аспектов безопасности человека является то, что люди должны иметь возможность жить в обществе, которое чтит основные права человека.

Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.
Конституция Российской Федерации. Ст. 32, п. 1.

Возможность участия граждан в процессе принятия политических решений является важной частью концепции безопасности. Научные дискуссии о политических аспектах феномена «безопасности человека» ведутся в западной и отечественной политологических традициях со времени окончания холодной войны¹. Отправной точкой академических дебатов принято считать обнародование Доклада ООН о человеческом развитии 1994 г., где и была представлена концепция human security (UNDP 1994), одной из семи составляющих которой была названа политическая безопасность человека, т. е. право жить в государстве, уважающем права и свободы человека и гражданина². Верховный комиссар ООН по делам беженцев (1991—2001) Садако Огата признал «социальную интеграцию, т. е. обладание равными возможностями доступа к процессу принятия политических решений в сфере политического, экономического и общественного развития, равно как и получение равной выгоды от этих возможностей» одним из основных компонентов безопасности человека [11]. Авторитетный ученый Рамеш Такур (Ramesh Thakur) в этой связи отмечает: «Всё, что может улучшить качество жизни [людей], — экономический рост, упрощение доступа к ресурсам, расширение социальных и политических возможностей, и так далее — это вклад в обеспечение безопасности человека» [12]. Ему вторят признанные эксперты в области изучения безопасности Г. Кинг и Р. Мюррей, предложившие свою версию оценки безопасности человека: «...Мы предлагаем простой набор переменных для измерения безопасности человека: уровень доходов, здравоохранение, образование и политическая свобода и демократия» [8].

Наличие многочисленных подходов к изучению безопасности человека препятствует формулированию общепринятого определения этого феномена. Дабы не «добавлять масла в огонь» научных дискуссий, авторы не станут изобретать собственных дефиниций, а остановятся на той, что является достаточно широкой и релевантной для целей данной статьи. Безопасность человека понимается нами как «свобода от угроз для жизни отдельного индивида и ее качества, при одновременном создании условий для свободного развития личности и реализации ее прав и возможностей участвовать в общественной жизни...» [1].

В настоящее время государства предлагают гражданам множество каналов и способов коммуникации с органами государственной и муниципальной власти: от прямого контакта с представителями власти до выборов и референдумов. При этом, как представляется, непосредственные контакты в большей степени относятся к сфере артикуляции индивидуальных интересов, в то время как выборы и референдумы, с одной стороны, проводятся через длительное время (минимум 4 года в случае с выборами) и не позволяют гражданам выражать интересы «здесь и теперь», а, с другой стороны, имеют отношение к укрупненным, агрегированным интересам больших общностей. Поэтому особую актуальность приобретают институционализированные практики вовлечения граждан в процесс принятия решений, которые реализуются на уровне местного самоуправления, наиболее приближенного к населению уровня власти.

Европейский опыт реализации права человека на участие в управлении делами государства демонстрирует наличие разнообразных практик. Так, в Финляндии существует муниципальная (гражданская) инициатива, которая позволяет населению участвовать в формировании повестки дня местного самоуправления. Для большей практической возможности выдвижения инициативы Министерство юстиции создало веб-сервис для предложения инициатив Kuntalaisaloite³. Еще одним каналом вовлечения граждан в управленческий процесс на местном уровне является форум Otankanta⁴. Он обеспечивает связь между муниципальными властями и жителями, облегчая подготовку вопросов для рассмотрения на заседании совета. Вместе с жителями муниципалитеты могут планировать, разрабатывать и оценивать муниципальные вопросы еще в стадии подготовки, так как форум предоставляет возможность гражданам принять участие в дискуссиях, выразить свои взгляды и инициировать свою собственную тему обсуждения. Похожая практика существует и в муниципальных образованиях Швеции⁵. Граждане имеют возможность выступить с инициативой, рассмотрение которой

является обязанностью органов местного самоуправления. При этом инициаторы будут приглашены для участия в заседании и для представления аргументов в пользу инициативы.

Конституция России также закрепляет за всеми гражданами право участвовать в управлении делами государства. На практике это право реализуется посредством выборов в органы государственной власти на федеральном и региональном уровнях, а также местного самоуправления. Кроме этого, на местном уровне действует институт публичных (общественных) слушаний, который направлен как раз на обеспечение участия граждан в процессе инициирования, обсуждения и принятия политических решений, затрагивающих все или часть населения муниципального образования [6]. Другими словами, публичные слушания являются важной составляющей частью политического процесса на местном уровне, выполняющей функции обеспечения участия населения в процессе принятия решений, с одной стороны, и формирования повестки дня и разработки альтернатив политических решений — с другой.

Однако на практике институт публичных слушаний зачастую подвергается критике или, в лучшем случае, практически игнорируется. Отчасти это объясняется нежеланием муниципалитетов тратить время на дополнительные обсуждения, тем более что результаты общественных слушаний носят рекомендательный характер и могут игнорироваться органами власти. Также критике подвергается процедура и формат организации публичных слушаний: как правило, они проводятся в рабочее время, информация о них появляется поздно и труднодоступна населению. Кроме этого, со стороны населения слышатся обвинения в игнорировании общественного мнения, в нечестной процедуре общественных слушаний, решения на которых продвигаются заинтересованными бизнес-группами. Власть, в свою очередь, недовольна низкой активностью граждан, их нежеланием участвовать в процессе обсуждения политических решений. Таким образом, возможности института общественных слушаний оказываются нереализованными [см., напр.: 5].

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление основных проблем функционирования института общественных слушаний в Петрозаводском городском округе, которое было проведено весной 2014 г. Методология исследования включала в себя проведение серии экспертных интервью и качественного анализа документов.

Экспертные интервью проводились с представителями Администрации Петрозаводского городского округа, депутатами Петрозаводского городского совета, а также с общественными деятелями: членами и/или руководителями некоммерческих организаций, журналистами, исследователями, которые обладают экспертными знаниями о практике организации и проведения общественных слушаний в Петрозаводске. Всего было проведено 15 интервью.

Качественный анализ документов включал в себя как изучение нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение общественных слушаний в Петрозаводском городском округе, так и анализ протоколов, стенограмм слушаний, которые проходили в Петрозаводском городском округе в 2013—2014 гг. Кроме этого, были проанализированы публикации на тему публичных слушаний в средствах массовой информации за 2012—2014 гг. Выбор нижней границы обусловлен активизацией внимания к публичным слушаниям в связи с планируемой застройкой Левашовского бульвара. Выборка составила 40 документов, 16 из которых были посвящены теме Левашовского бульвара.

Результаты проведенного исследования показывают, что публичные слушания рассматриваются экспертами как способ участия граждан в процессе принятия политических решений. Так, по мнению респондентов, публичные слушания — это «механизм вовлечения жителей города в процесс управления» (респондент 1), необходимый для того, чтобы «жители участвовали в процессе формирования правовых актов, согласно которым действует Администрация» (респондент 2). Другими словами, публичные слушания обеспечивают «общественное вовлечение в принятие решений, которые касаются всех горожан» (респондент 13).

Кроме этого, респонденты отмечали значимость участия граждан в формировании повестки дня. По их мнению, публичные слушания позволяют «четче определить общественные настроения» (респондент 10), выявить «общественное мнение по тому или иному вопросу» (респондент 15). Повестка дня включает в себя вопросы и/или проблемы, которые требуют решения со стороны органов власти. Как правило, главными акторами, формирующими повестку дня, являются либо сами властные структуры, либо заинтересованные группы. При этом, как уже отмечалось, граждане обладают правом инициирования публичных слушаний по значимому для них вопросу и, соответственно, участвовать в формировании повестки дня. Таким образом, благодаря публичным слушаниям, население вовлекается в процесс формирования повестки дня, получает «возможность защитить свой интерес, территориальный интерес прежде всего», а власть получает стимул для реагирования «на

необходимость решить проблему» (респондент 14).

С этим связана и еще одна функция, обозначенная в интервью, — повышение эффективности управления. По мнению экспертов, общественные обсуждения позволяют учесть различные точки зрения и принять наиболее взвешенное решение, которое будет отражать интересы большинства населения: «слушания... нужны, чтобы услышать мнение общественности по тому или иному вопросу» (респондент 12). Во время публичных слушаний высказываются противоположные мнения, приводятся аргументы в пользу каждой из позиций. Такая дискуссия позволяет всем заинтересованным лицам и группам «не впадать в крайности» (респондент 2), способствует «поиску компромисса» (респондент 7).

Другими словами, эксперты отмечают значимость публичных слушаний на первоначальных этапах политико-управленческого цикла: формирования повестки дня и выработки альтернатив. При этом важно отметить, что респонденты уделяли большое внимание и следующим этапам процесса принятия решений и функционирования политической системы. В частности, публичные слушания рассматривались как институт легитимации политических решений и повышения доверия к органам муниципальной власти. Повышение доверия достигается во многом за счет налаживания диалога между властью и населением в процессе проведения публичных слушаний. Слушания рассматриваются как еще одна площадка коммуникации горожан с органами местного самоуправления. Кроме этого, по мнению экспертов, участие населения в публичных слушаниях позволяет «обеспечить прозрачность решения вопросов», продемонстрировать «отсутствие коррупционной составляющей» в процессе принятия решений (респондент 2).

Примечательно, что в интервью публичные слушания довольно часто связывались с процессом легитимации политических решений. Несмотря на то что решения, принимаемые на публичных слушаниях, носят рекомендательный характер, довольно часто они ложатся в основу политических решений Администрации или Петрозаводского городского совета. При этом представители органов власти апеллируют к результатам публичных слушаний, в том числе для «легитимации тех решений, которые власть сама по себе принимает» (респондент 13). Публичные слушания позволяют «заранее заручиться мнением народа» перед голосованием (респондент 6), чтобы в дальнейшем избежать (или минимизировать) критики со стороны населения. Как было отмечено в одном из интервью, слушания — это польза для органа управления, «чтобы удержаться у власти» (респондент 4).

Участие в публичных слушаниях, однако, позволяет гражданам не только вынести новые вопросы на повестку дня, но и высказать мнение по поводу уже принятых решений. Публичные слушания, таким образом, могут выполнять функцию обеспечения обратной связи. В связи с тем что чаще всего публичные слушания проводятся по ограниченному кругу вопросов и связаны с ограниченным количеством нормативно-правовых актов, дискуссия, которая возникает в ходе обсуждения того или иного вопроса, может стать основой для внесения изменений в действующее законодательство. Такое обсуждение и будет являться «каналом обратной связи» (респондент 1), необходимым органам власти, в том числе и для повышения эффективности управления.

Однако обратная связь не ограничивается простым высказыванием мнений о работе органов власти. Одна из важнейших функций обратной связи, т. е. реакции населения на решения и действия власти, является общественный контроль. Публичные слушания, по мнению одного из респондентов, также выполняют эту функцию: «это некоторый общественный контроль за действиями бизнесменов, власти» (респондент 9).

Таким образом, следует отметить разнообразие трактовок публичных слушаний в экспертной среде Петрозаводска. Публичным слушаниям приписывается большое количество функций, которые охватывают практически весь политико-управленческий цикл: от формирования повестки дня до оценки и контроля над процессом реализации политических решений.

Практика проведения публичных слушаний в Петрозаводском городском округе вызывает массу нареканий. Одной из главных проблем данного института эксперты называли формализм. Публичные слушания в городе проводятся только потому, что они должны проводиться в соответствии с требованиями федерального законодательства: «формально администрация должна проводить эти общественные слушания, также формально они их и проводят» (респондент 8). Респонденты отмечали, что нельзя сказать о том, что «власти уж так прямо заинтересованы в проведении общественных слушаний», поскольку решение по выносимым на обсуждение вопросам, как правило, «сформировано у тех же чиновников» и «выносится оно по большому счету... формально» (респондент 5). По меткому определению одного из респондентов, публичные слушания в Петрозаводском городском округе напоминают «псевдоигры в демократию» (респондент 7).

Такое формальное отношение к публичным слушаниям приводит к тому, что, по мнению ряда

респондентов, слушания лишь создают имитацию участия граждан в процессе принятия решений, реализуя «сценарий, в котором участвует общественность» (респондент 8). Это, в свою очередь, превращает публичные слушания в «профанацию» (респондент 12), «ритуальный танец», связанный с «бутафорским изображением участия» населения (респондент 6). О «символическом» значении слушаний высказываются и депутаты Законодательного собрания Республики Карелия. В частности, представитель фракции ЛДПР Сергей Пирожников заявил, что «общественные слушания в нынешнем их виде представляют пародию на выяснение общественного мнения», поскольку «горожан, которых прямо тема слушаний касается, в зале нет» [3].

В целом публичные слушания не рассматриваются экспертами как эффективный институт обеспечения участия граждан. Примечательно при этом, что ряд экспертов критикует публичные слушания, проводимые в Петрозаводске, в том числе и за то, что им приписывается функция легитимации политических решений. Другими словами, слушания становятся своего рода «электоральным событием», результаты которого интерпретируют «как непосредственное волеизъявление» граждан (респондент 4). В результате происходит размывание ответственности, поскольку органы местного самоуправления ссылаются на решение публичных слушаний с тем, чтобы обосновать принимаемые решения. Как было отмечено в одном из интервью, результат слушаний носит «оправдательный характер Петросовета», что является «абсолютной профанацией», так как именно органы власти «ответственны за то, как это будет, а не те, кого позвали для того, чтобы руки поднимать» (респондент 4).

Помимо формального отношения к публичным слушаниям, эксперты выделили еще несколько групп проблем, связанных с практикой проведения слушаний в Петрозаводске. Важнейшая из них — группа организационных проблем. В первую очередь критике подвергается неудобное время проведения публичных слушаний. Как правило, слушания проводятся в рабочее время, когда большинство людей не могут принять участие в обсуждение общегородских вопросов. Общественный резонанс вызвало назначение публичных слушаний по поводу застройки Левашовского бульвара в предпраздничный день (7 марта) в 10:00.

Еще один пункт критики — система информирования населения о публичных слушаниях. В соответствии с законодательством информация о проведении публичных слушаний в обязательном порядке публикуется в средствах массовой информации за 10 дней. Администрация Петрозаводского городского округа формально соблюдает указанную норму, однако при этом «получить информацию об общественных слушаниях невозможно» (респондент 1). Как было отмечено в одном из интервью, Администрация города не заинтересована в массовости участников публичных слушаний, «особенно если это связано с важными вопросами для горожан», в частности с вырубками зеленых насаждений. В таких случаях население не получает «никакой информации не то, что о дате и месте проведения, а даже о теме проведения» (респондент 10).

Кроме этого, сама технология проведения слушаний в Петрозаводске также несовершенна. Так, по каждому вопросу готовятся доклады от Администрации города или от заинтересованной стороны, которые должны лечь в основу обсуждения. Однако на практике доклады представляют собой «сухие картографические изыскания, в которых люди ничего не понимают» (респондент 2). Один из респондентов «пытался сам разобраться с перечнем участков, но это без навыков картографического материала, работы с ним, без навыков работы на местности... не понять, что это имеется в виду на этом участке» (респондент 4). Все это в конечном итоге приводит к тому, что публичные слушания не вызывают доверия со стороны населения: «большая часть населения не испытывает доверия к этому институту» (респондент 11).

Надо отметить, что наиболее обсуждаемыми, резонансными общественными слушаниями в Петрозаводске являются слушания, посвященные градостроительным вопросам и вопросам экологии. Однако они же и подвергаются наибольшей критике. И здесь появляется еще одна группа проблем, связанных с участием населения. Как было подмечено в одном из интервью, в Петрозаводске существует два типа общественных слушаний: первый — совершенно формальный, «никому не интересный, на который люди не приходят, максимум приходит 10—15 человек; попавшие люди туда либо случайные, либо их кто-то пригласил прийти, чтобы галочку поставить, что они прошли». Второй тип слушаний — «коррупционные слушания», которые проходят при решении градостроительных проблем. В этом случае «заинтересованные лица в лице бизнеса приводят большие группы людей. Тогда уже в зале сидит... пятьсот и тысяча оплаченных» (респондент 14).

В целом проблема участников публичных слушаний ставится довольно остро. Практически все респонденты отмечали существующую практику привода людей со стороны аффилированных структур,

в качестве которых, как правило, выступают строительные компании, заинтересованные в получении земель под строительство: «все интересанты всегда ведут за собой какие-то проплаченные ряды участников» (респондент 1), «были истории, когда привозили людей автобусами» (респондент 2); «слушания, на которых было больше 100 человек, — это все искусственно приведенные туда люди, чтобы они подняли руки так, как надо поднять» (респондент 4); «заинтересованные люди приводят туда людей, то, что у нас называется в политике сетями, кидаются клич, приходят бабушки или советы ветеранов, или зеленые» (респондент 6). Ангажированность участников публичных слушаний, подкуп их голосов приводят к тому, что «результат обсуждений не соответствует результату голосования» (респондент 4), который, в свою очередь, может идти «явно вразрез с мнением горожан» (респондент 6). Другая проблема, связанная с участниками публичных слушаний, заключается в незаинтересованности населения. Эксперты отмечают низкую активность граждан, их инертность, нежелание принимать активное участие в жизни города: «у людей вообще мотивации нет участвовать в жизни двора, микрорайона, города. Уж не говоря про общественные слушания» (респондент 8).

Таким образом, практика проведения публичных слушаний в Петрозаводске демонстрирует наличие большого количества «болевых точек», не позволяющих данному институту эффективно выполнять свои функции. Среди основных проблем можно выделить формализм проведения, организационные проблемы (неудобное время проведения, отсутствие эффективной системы информирования населения, несодержательные доклады, отсутствие полноценной дискуссии), проблемы участия.

Все это влечет за собой, с одной стороны, недоверие органам местного самоуправления со стороны населения, отстранение его от участия в управлении делами государства на местном уровне, а с другой стороны, снижает эффективность деятельности органов власти. Дополнительным следствием указанных процессов оказывается разобщенность населения, отсутствие вовлеченности граждан в процесс принятия решений, что не способствует формированию необходимых условий для обеспечения политических аспектов безопасности человека.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список литературы

1. Балуев Д. Понятие «human security» в современной политологии // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 1 (1). URL: <http://www.intertrends.ru/one/008.htm>, свободный.
2. Безопасность человека в контексте международной политики : материалы научного семинара / под ред. П. А. Цыганкова. Москва, 2010.
3. Каменные джунгли // Петрозаводск. 2013. 18 авг.
4. Макарычев А. Расмуссен : НАТО и Россия больше не представляют угрозу друг для друга : (Европейская безопасность и ее новая архитектура) / А. Макарычев, А. Сергунин // *Современная Европа*. 2011. № 1. С. 5—21.
5. Публичные слушания в Сенном округе Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/wall2668694_1332, свободный.
6. Решение Петрозаводского городского Совета № 27/09-146 от 28 февраля 2012 г.
7. Цыганков П. Человеческая безопасность : теоретические споры и ответственность ученых // *Безопасность человека в контексте международной политики : материалы научного семинара / под ред. П. А. Цыганкова*. Москва, 2011. С. 12—29.
8. King G. Rethinking Human Security / G. King, Ch. Murray // *Political Science Quarterly*. 2002. Volume 116, Issue 4. P. 585—610.
9. Ogata S. Inclusion or Exclusion: Social Development Challenges For Asia and Europe. (Statement of Mrs. Sadako Ogata United Nations High Commissioner for Refugees at the Asian Development Bank Seminar). Geneva, 27 April 1998 [Electronic resource]. URL: <http://www.unhcr.org/3ae68fcd54.html>.
10. Thakur R. From National to Human Security // *Asia-Pacific Security: The Economics-Politics Nexus*. Harris, Stuart and Andrew Mack (Eds.). Sydney, 1997. P. 52—80.
11. UNDP (1994) Human development report. New York: Oxford University Press [Electronic resource]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf

References

1. Baluev, Dmitri. The concept of «human security» in the modern political science [Ponyatie «human security» v sovremennoy politologii] // *International trends [Mezhdunarodnye protsessy]*. 2003. Vol. 1. № 1 (1). URL: <http://www.intertrends.ru/one/008.htm>.
2. Human security in the context of international politics. Workshop proceedings [Bezopasnost` cheloveka v kontekste mezhdunarodnoy politiki / Materialy nauchnogo seminar] Ed. By P. A. Tsygankov. Moscow, 2011.
3. Stone Jungle [Kamennye Dzhungli] // Petrozavodsk. 2013. 18 August.
4. Makarytchev, Andrey, and Sergunin, Alexander. Rasmussen: NATO and Russia do not longer pose a threat to each other (European security and its new architecture) [Rasmussen: NATO i Rossiya bol'she ne predstavlyayut ugrozu drug dlya druga (Evropeyskaya bezopasnost' i eyo novaya arkhitektura)] // *Modern Europe [Sovremennaya Evropa]*. 2011. № 1. P. 5—21.
5. Public hearings in Senny District of St-Petersburg [Publichnye slushaniya v Sennom okruge Sankt-Peterburga] [Electronic resource]. URL: http://vk.com/wall2668694_1332
6. Decision of the Petrozavodsk City Council [Reshenie Petrozavodskogo Gorodskogo Soveta] № 27/09-146 of 28 Februaty 2012.
7. Tsygankov, Pavel. Human security: theoretical debates and responsibility of scientists [Chelovecheskaya bezopasnost': teoreticheskie spory i otvetstvennost' uchyonykh], in *Human security in the context of international politics. Workshop proceedings [Bezopasnost` cheloveka v kontekste mezhdunarodnoy politiki / Materialy nauchnogo seminar]* Ed. By P. A. Tsygankov. Moscow, 2011. P. 12—29.
8. King, Gary and Christopher Murray. Rethinking Human Security // *Political Science Quarterly*. 2002. Volume 116, Issue 4. P. 585—610.
9. Ogata, Sadako. Inclusion or Exclusion: Social Development Challenges For Asia and Europe. (Statement of Mrs. Sadako Ogata United Nations High Commissioner for Refugees at the Asian Development Bank Seminar). Geneva, 27 April 1998. [Electronic resource]. URL: <http://www.unhcr.org/3ae68fcd54.html>
10. Thakur, Ramesh. From National to Human Security. In *Asia-Pacific Security: The Economics-Politics Nexus*. Harris, Stuart and Andrew Mack (Eds.). Sydney, 1997. P. 52—80.
11. UNDP (1994) Human development report. New York: Oxford University Press [Electronic resource]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Англоязычный термин «human security» не имеет общепринятого перевода на русский язык. В частности, существует мнение о том, что наиболее адекватным вариантом перевода является «безопасность личности» [1; 4]). Разделяя аргументацию Д. Балуева, А. Макарычева и А. Сергунина, авторы данной статьи все же предпочитают использовать прямой перевод — «безопасность человека», отражающий принадлежность данного понятия к Докладу ООН о человеческом развитии.

2 Подробный анализ западных академических дебатов представлен в статье П. Цыганкова «Человеческая безопасность: теоретические споры и ответственность ученых» [7; 2], опубликованной в книге «Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики», которая, в свою очередь, представляет собой пример отечественных научных дискуссий по теме.

3 Название Kuntalaisaloite можно перевести как «Инициативы местного населения» (см. подробнее: <https://www.kuntalaisaloite.fi/fi>).

4 Название Otakantaa, в переводе с финского, означает «Определи свою позицию» (см. подробнее: <https://www.otakantaa.fi/fi-Fi>).

5 Описание сервисов и примеры инициатив доступны на сайтах (<http://insynsverige.se/stockholm> и <http://www.stockholm.se/tycktill>).

*

*

*

*

tsumarova@gmail.com

*

*

*

gleb.yarovoy@mail.ru

*

*

*

yana.mikkonen@mail.ru

Keywords:

*

Summary:

*

УДК 316.354:353

Профилактика зависимости от психоактивных веществ среди молодежи как фактор социальной безопасности

ПЕТРОВСКАЯ
Юлия
Александровна

*кандидат социологических наук,
и.о. зав. кафедрой социологии и социальной работы,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, julia_petrovskaya@yahoo.com*

КРИСАНОВА
Евгения

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, ekrisanova90@gmail.com*

Игоревна
Ключевые слова:

социальная безопасность
профилактика
психоактивные вещества
Республика Карелия

Аннотация:

Статья написана на основе анализа результатов эмпирического исследования «Методы первичной профилактики зависимости от психоактивных веществ среди молодежи г. Петрозаводска», проведенного авторами. В исследовании приняли участие 7635 молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет, а также 5 специалистов Республиканского наркологического диспансера. Цель исследования: анализ деятельности социальных и медицинских учреждений Петрозаводска, направленной на реализацию методов первичной профилактики злоупотребления психоактивными веществами. В задачи исследования входило:

- определить необходимость и целесообразность осуществления профилактики злоупотребления ПАВ среди молодежи как отдельного направления деятельности учреждений г. Петрозаводска;
- описать существующую на сегодняшний день систему профилактической работы, осуществляемой Республиканским наркологическим диспансером;
- определить методы первичной профилактики злоупотребления ПАВ, применяемые в учреждениях г. Петрозаводска;
- изучить проблемы, вызывающие затруднения в реализации методов первичной профилактики злоупотребления ПАВ, и определить меры по их преодолению;
- получить экспертную оценку применения профилактических методов.

В рамках исследования проведено анкетирование молодых людей, а также интервью со специалистами Республиканского наркологического диспансера.

На основе результатов исследования предлагаются рекомендации по профилактике злоупотребления психоактивными веществами в молодежной среде.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В современном обществе проблемы профилактики злоупотребления психоактивными веществами (ПАВ) тесно сопрягаются с проблемами социальной безопасности. Злоупотребление психоактивными веществами, особенно молодыми людьми, представляет угрозу для общества и государства.

На сегодняшний день проблема злоупотребления психоактивными веществами — одна из острых проблем современного российского общества. В последнее время проблема зависимости от ПАВ в молодежной среде приобрела катастрофические масштабы: с каждым годом количество молодых людей, употребляющих психоактивные вещества, постоянно увеличивается. Вся основная забота ложится на плечи семьи, и лишь немногие обращаются в специализированные учреждения.

Профилактика — это сознательная, целенаправленная, социально-организованная деятельность по предотвращению возможных социально-негативных явлений, устранения причин их возникновения [1].

Главной проблемой профилактики злоупотребления психоактивными веществами является отсутствие, как на уровне государства, так и на уровне отдельных его регионов, разработанной и достаточно эффективной программы профилактики. В большинстве случаев работа ведется «по факту», когда молодой человек уже начал употреблять ПАВ или пробовал их.

Таким образом, возникает целый ряд вопросов: какие методы профилактики эффективны? Кто может осуществлять профилактическую деятельность в отношении молодых людей? Актуальность этих проблем признается как учеными, так и представителями власти.

До 80 % наркоманов составляют лица в возрасте до 30 лет. Среди россиян почти 40% молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет страдают табакокурением [3]. Психоактивные вещества становятся легкодоступными для молодежи. По данным Республиканского наркологического диспансера, в Республике Карелия в 2007 г. зарегистрировано 20 400 человек с наркологическими расстройствами: на долю больных наркоманией и лиц, употребляющих наркотики, приходится 3,4 %, больных токсикоманией и лиц, употребляющих ненаркотические ПАВ, — 1,6 %, большинство зарегистрированных — это больные алкоголизмом и алкогольными психозами (95 %). [4]

Основными причинами, которые подталкивают молодых людей к употреблению ПАВ, являются экономические проблемы. Современная молодежь недостаточно обеспечена материально, не имеет собственного жилья, вынуждена полагаться на финансовую помощь родителей. В ситуации экономического спада резко увеличивается численность безработных в молодежной среде, и молодым людям становится все сложнее достичь состояния экономической самостоятельности. Кроме того, не менее важными являются проблемы в социально-духовной сфере. На сегодняшний день усиливается процесс потери нравственных ориентиров, размывания традиционных норм и ценностей. Молодежь, как нестабильная социальная группа, наиболее уязвима перед негативными тенденциями современности. Так, постепенно нивелируются ценности труда, свободы, демократии, межнациональной терпимости, а на смену этим «устаревшим» ценностям приходят потребительское отношение к миру, нетерпимость к чужому, стадность. Характерный для молодежи протестный заряд в кризисные периоды искажается, приобретая жестокие и агрессивные формы. При этом происходит лавинообразная криминализация молодежи, растет численность молодых людей с социальными отклонениями, такими как алкоголизм, наркомания, проституция. Проблема криминального влияния на молодежь в последнее время не может не беспокоить современное общество. Среди уголовных преступлений, совершаемых в настоящее время, каждое четвертое осуществляется молодежью и подростками.

В основу статьи положены результаты эмпирического исследования на тему: «Методы первичной профилактики зависимости от психоактивных веществ среди молодежи г. Петрозаводска», которое было проведено авторами на базе ГБУЗ «Республиканский наркологический диспансер». Исследование включало в себя анкетирование молодежи в возрасте от 15 до 30 лет, анкетирование молодежи в возрасте от 15 до 30 лет с синдромом зависимости и глубинные интервью со специалистами учреждения.

Отбор молодых людей для анкетирования осуществлялся при помощи квотной выборки. В совокупности было собрано и проанализировано 7 635 анкет молодых людей. Среди опрошенных большинство респондентов — девушки (54 %). Средний возраст респондентов составил 20 лет 9 мес. Примерно 81 % анкетированных не употребляют психоактивные вещества, хотя среди их друзей и близких имеются те, кто имеют диагноз «синдром зависимости».

Для понимания и интерпретации данных, полученных в ходе анкетирования, использовались различные теоретические подходы классиков социологии и психологии к пониманию девиантного поведения. Основой при анализе причин злоупотребления ПАВ может послужить теория социальной адаптации Р. Мертонa [2], согласно которой девиантное поведение возникает, прежде всего, тогда,

когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества.

Р. Мертон разработал типологии поведения личностей в их отношении к целям и средствам. При использовании этой типологии важно помнить, например, что люди никогда не могут быть полностью конформными к нормативной культуре или быть полными новаторами. В каждой личности присутствуют в той или иной степени все перечисленные типы. Однако какой-то из типов обычно проявляется в большей мере и характеризует личность.

Отсюда, по Мертону, аномия — это крушение системы регулирования индивидуальных желаний, в результате чего личность начинает хотеть больше, чем она может добиться в рамках данной социальной структуры. Аномия — это полнейшее расхождение между декларируемыми цивилизаторскими целями и социально структурированными путями их достижения. Применительно к отдельной личности аномия есть искоренение ее моральных устоев. Личность при этом лишается всякого чувства преемственности, традиционности, лишается всех обязательств. Ее связь с обществом разрушена. Аномия — это отсутствие психической и социальной интеграции, целостности личности и общества в целом. Когда же ценностные и социальные структуры плохо интегрированы, когда сама структура ценностей требует определенного поведения и взглядов, а социальная структура мешает этому, тогда из этого вытекает тенденция к аномии, к коллапсу всех норм, к отсутствию всех правовых норм.

Таким образом, отклоняющееся поведение играет в обществе двойственную роль: с одной стороны, представляет угрозу стабильности общества, с другой — поддерживает эту стабильность. Так, например, при наличии в обществе или в социальной группе многочисленных случаев социальных отклонений люди утрачивают чувство ожидаемого поведения. Происходит дезорганизация культуры и разрушение социального порядка.

С другой стороны, отклоняющееся поведение является одним из путей адаптации культуры к социальным изменениям. Нет такого современного общества, которое долгое время оставалось бы статичным. Даже совершенно изолированные от мировых цивилизаций сообщества должны время от времени изменять образцы своего поведения из-за изменения окружающей среды. Но новые культурные нормы редко создаются путем обсуждения и дальнейшего их принятия всеми членами социальных групп. Новые социальные нормы рождаются и развиваются в результате повседневного поведения индивидов, в столкновении постоянно возникающих социальных обстоятельств. Отклоняющееся от старых, привычных норм поведение небольшого числа индивидов может быть началом создания новых нормативных образцов. Постепенно, преодолевая традиции, отклоняющееся поведение, содержащее новые жизнеспособные нормы, все в большей степени проникает в сознание людей. По мере усвоения членами социальных групп поведения, содержащего новые нормы, оно перестает быть отклоняющимся.

Характеризуя результаты эмпирического исследования, важно сказать, что молодежь в возрасте от 15 до 30 лет осведомлена о проблеме зависимости от ПАВ. Судя по итогам исследования, видно, что большая часть молодежи получает информацию о психоактивных веществах из средств массовой информации и от знакомых, но чаще всего это не совсем полная информация. Еще меньшее количество респондентов получают информацию из специальной медицинской литературы, от врачей, из курса лекций в университете и от родителей. Эти результаты свидетельствуют о недостатке учебных программ в учебных заведениях по проблеме зависимости от ПАВ.

81 % респондентов не употребляли психоактивные вещества, 19 % употребляли. Эти данные говорят в целом о доступности ПАВ для молодежи.

На вопрос, знают ли молодые люди, какие учреждения помогают избавиться от зависимости к ПАВ, 38 % респондентов ответили, что знают, а 62 % ответили, что не знают. Это говорит о том, что молодежь не имеет информации об учреждениях, где им могут помочь. Необходимо информировать их обо всех учреждениях города, где могут оказать помощь. Кроме того, необходимо рассказывать молодым людям о том, какие социальные возможности теряет человек, начинающий употреблять ПАВ, а также воздействовать на формирование в сознании молодого человека мыслей, что без приема ПАВ он может прожить нормальную полноценную жизнь.

После проведения анкетирования молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет с синдромом зависимости можно сделать следующие выводы: основной причиной употребления психоактивных веществ является интерес, любопытство и принадлежность к конкретной компании. Эти данные говорят о том, что молодежь не обладает полной информацией о влиянии ПАВ на организм человека. Необходимо постоянно информировать об этом молодых людей, независимо от рода их деятельности.

52 % опрошенных впервые попробовали психоактивные вещества в возрасте от 15 до 20 лет.

Такие данные говорят о снижении возраста лиц с зависимостью, в дальнейшем это может привести к тяжелым заболеваниям.

52 % респондента употребляют ПАВ 10 лет и более. Согласно этим данным, люди, кроме зависимости, страдают еще и сопутствующими заболеваниями, которые могут привести к пагубным последствиям. Ведь возраст до 30 лет — это наиболее благоприятный возраст для репродукции, а употребление ПАВ может привести к бесплодию. Во избежание негативных последствий необходимо постоянно информировать молодежь и акцентировать ее внимание на положительных сторонах заботы о своем здоровье с приведением положительных примеров.

В эмпирическом исследовании приняли участие специалисты ГБУЗ «Республиканский наркологический диспансер». Главной задачей проведения интервью среди специалистов являлся анализ методов лечения и профилактики зависимости от психоактивных веществ.

Специалисты диспансера отмечают, что в Петрозаводске по сравнению с прошлыми годами увеличилось число лиц с зависимостью от ПАВ. Большое количество зависимых — это лица без определенного места жительства. Увеличилось и число пациентов, злоупотребляющих алкоголем в возрасте от 20 до 40 лет.

Преобладающим большинством пациентов являются лица с алкогольной зависимостью. Число наркозависимых увеличилось, но уменьшилось количество пациентов, злоупотребляющих ингалянтами. Основными группами риска являются лица, зависимые от алкоголя и наркотиков, чаще всего это мужчины, но и количество женщин возрастает.

Из-за употребления психоактивных веществ, кроме зависимости, возникают различные заболевания, которые оказывают влияние на системы внутренних органов. Например, при алкоголизме в первую очередь страдает пищеварительная система. На фоне хронического алкоголизма развиваются такие заболевания, как алкогольный гастрит, алкогольный панкреатит, происходит нарушение сердечнососудистой и иммунной систем. Страдает и опорно-двигательный аппарат, в результате чего возникают костные мозоли и переломы, происходит атрофия мышц.

Социальными проблемами являются распад семьи, потеря работы. Если это лица без определенного места жительства, то основными проблемами являются: потеря документов, оказание помощи при решении вопроса о месте жительства, помощь в трудоустройстве, поиске родственников и налаживание связей с ними.

С зависимыми, а также с их родственниками, имеющими синдром созависимости, работает психолог. Для снижения количества зависимых лиц используют профилактические методы: акции, тренинги, семинары, а также иллюстрации, видеоролики. По мнению специалистов, наиболее эффективным методом профилактики является использование видеоматериалов. Этот метод позволяет усвоить информацию по всем каналам информации, включая зрение, слух, осязание и обоняние. Преимуществом использования видеоматериалов является возможность показать все процессы в действии.

Основным подходом в работе с клиентами является мультипрофессиональность, т. е. совместная работа врачей — наркологов, психологов — и социальных работников, которые работают на одну цель: отказ от дальнейшего употребления ПАВ. Каждый специалист применяет свои методы: врачи — процедурное и медикаментозное лечение; психологи — тренинги, лекции, групповые занятия и индивидуальные беседы. При этом все эти методы взаимосвязаны между собой в единую систему.

Но все-таки с помощью медикаментозных средств полностью вылечить зависимость невозможно, можно только создать ремиссию на длительное время. Поэтому легче предотвратить болезнь, чем ее последствия.

Результаты проведенного исследования говорят об информированности молодежи по проблеме зависимости от психоактивных веществ. Молодые люди знают, что это, какие вещества относятся к ПАВ, но о влиянии на организм чаще всего не имеют даже представления. Они не знают, куда можно обратиться с данной проблемой, кроме как в Республиканский наркологический диспансер, но, по их мнению, там лечат только от тяжелой зависимости. Во избежание «омоложения» лиц, зависимых от психоактивных веществ, необходимо постоянно информировать молодых людей по всем каналам, особенно работающую и безработную молодежь.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

- в связи с повышением уровня информированности молодых людей по проблеме злоупотребления психоактивными веществами, можно говорить о возможном потенциальном

снижении количества лиц с синдромом зависимости среди молодежи;

- профилактические мероприятия, организованные по принципу «равный — равному» достаточно эффективны в том случае, когда «равные» инструкторы подготовлены качественно: первичная профилактика способствует повышению информированности молодых людей по проблеме злоупотребления ПАВ;
- специалисты подчеркивают необходимость комплексного подхода в проведении профилактики злоупотребления ПАВ;
- специалисты учреждений, работающие с молодыми людьми по профилактике злоупотребления ПАВ, считают ее наиболее важной среди других методов и технологий работы.

По итогам исследования был предложен ряд рекомендаций и предложений по улучшению качества профилактической работы:

1. Для дальнейшего повышения информированности молодежи по проблеме злоупотребления психоактивными веществами необходимо проводить систематическую профилактику с использованием обновленных материалов и интерактивных методов;
2. Необходима разработка совместных обучающих занятий «равных» инструкторов и специалистов, учреждений профилактики с целью улучшения качества подачи информации и более разностороннего подхода к проблеме;
3. Дальнейшее распространение технологии «равный — равному», при условии контроля качества ее применения;
4. Обучение «равных» инструкторов: отбор заинтересованных участников, прохождение обучения (возможно, специалистов по профилактике злоупотребления психоактивными веществами);
5. Написание обучающей программы для «равных» инструкторов и тренеров;
6. Разработка и публикация методического пособия по профилактике злоупотребления психоактивными веществами с использованием технологии «равный — равному» и распространение его в муниципальных районах Карелии.

Усиление профилактической составляющей в работе с зависимыми — реальными и потенциальными — позволит сократить масштабы распространения проблемы зависимостей, а вместе с тем избежать многих других проблем, представляющих угрозу социальной безопасности региона, — медицинских, социальных и демографических.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список литературы

1. Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе. Санкт-Петербург, 2008. С. 244.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва, 2006.
3. Проблема наркомании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nodrugs.ru/narco-russia-problems>, свободный (дата обращения: 13.10.2011).
4. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 06.08.2010 № 342р-П // Карелия. 2010.

№ 91.

References

1. Gulina M. A. Dictionary Directory in Social Work [Slovar-spravochnik po sotsialnoy rabote]. SPb, 2008. P. 244.
2. Merton R. Social theory and social structure [Sotsialnaya teoriya I sotsialnaya struktura]. M., 2006. 880 p.
3. Problem of drug addiction [Electronic resource]. URL: <http://www.nodrugs.ru/narco-russia-problems> (accessed 13.10.2013).
4. Decree of Government of Karelian Republic from 6 of August 2010 N 342 r-P [Rasporyazheniye pravitel'stva Respubliki Karelia ot 6 avgusta 2010 goda N 342 r-P] // Karelia. 2010. № 91.

*

*

*

*

*

Keywords:

*

*

julia_petrovskaya@yahoo.com

*

ekrisanova90@gmail.com

Summary:

*

Literary history of the tale of st. abraham: textual criticism, poetics

SOBOLEV
Nikolay
Ivanovich

*PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of Russian Literature and Journalism,
Philological Faculty,
Petrozavodsk, sobnick@yandex.ru*

Ключевые слова:

Old Russian literature
translational literature history in Russia
textual criticism
edition
St. Abraham
Ephrem the Syrian

Аннотация:

The article is devoted to the literary history of The Tale of St. Abraham, which is ascribed to Ephrem the Syrian. The Tale was widely spread in the Christian tradition of the West and the East. The article summarizes the results of a study of the 60 Slavic manuscripts of the Tale (Russian, Bulgarian, and Serbian), as well as its publications in the XVII—XIX centuries in Syriac, Greek, Latin, and Polish, which are based on early manuscripts of the Tale.

As a result, textological research showed that the Tale was exposed to editing several times in its literary history. We can mark seven editions of the Tale, which are spread in the Slavonic manuscripts. The Main Edition is represented by 42 copies of the XII—XVIII centuries; the First Prologue Edition is represented by a Russian copy of the XII century; the Second Prologue Edition is represented by ten copies of the XVI—XVII centuries; the First Solovetskaya Edition is known in the handwritten tradition through two re-written copies of the XVI—XVII centuries; the Second Solovetskaya and Sofia Editions are familiar only through one re-written copy of the XVI century; the Speculum maius Edition is represented by ten copies of the 1st translation from the XVII—XVIII centuries.

The copies' analysis lets us establish its genealogy and, thus, recreate the existing history of the Tale's text in the Ancient Rus booklore

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Creation the translated literature's history in Russia is an essential object of the modern literary studies. According to A. I. Sobolevsky, number of the original works in the Russian literature of the Pre—Mongol period is less than one percent. [1; 94] Translated Byzantine and Latin works quickly came into general use, predestining development of the original Old Russian literature. Hereafter, in the modern history, translated works turned out to be a literary wellspring, which many famous writers of the XIX century had appealed to.

The Tale of St. Abraham (hereafter, the Tale), which is ascribed to Ephrem the Syrian, is one of the most popular and respected translated hagiographic works in the Ancient Rus, as evidenced by a relatively big number of re-written copies (catalogue of the re-written copies of the XII—XVIII centuries contains around 60 units), and by the Tale's impact on the original Old Russian works, such as *The Life of St. Abraham of Rostov*, *The Life of Nilus of Stolben Island*, *The Life of Abraham of Smolensk*, *The Life of St. Stephen of Perm*. [2; 12—43] [3; 537—544] Nevertheless, there are still no scientific works, dedicated to the literary history of the Tale in the Russian medieval studies. This article is aimed to filling this gap.

The Tale is written in the Syriac language. The eldest copy — Mus. Brit. cod. add. 14,644 fol. 28—44, V—VI centuries. The attribution of the work to Ephrem the Syrian was challenged by Th. J. Lamy based on the

Sobolev N. I. Literary history of the tale of st. abraham: textual criticism, poetics // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 1. С. 64-68.

fact that this work contains the real facts of the life of St. Abraham the Great of Kidunja, who lived in the V century, whereas Ephrem the Syrian (Classic Syriac: *Mār Aprēm Sûryâyâ*) is a well-known representative of the Christian Syrian literature who lived in the IV century (deceased in 373 AD). [4, 5–9]

The Tale was translated into the Greek language not later than in the X century. Translation into Slavonic was accomplished in Bulgaria during the rule of Simeon I the Great in the X century. [5; 27–81] [6; 146–148, 398–405] It was attributed to Ephrem the Syrian, and, according to the Byzantine tradition, it was included in the *Paraenesis* (Greek: παραίνεσις — exhortation) under the number 48, along with other insightful works. The *Paraenesis* was widely spread all over the Rus in the XI–XVII centuries.

Around 985 AD, the edited copy of the Tale was included in the *Menologion of Basil II* and, in the XII century, in the Rus Lands, it was translated for the 2nd time as a part of the *Synaxarion*.

Owing to the translations into Latin, the Tale became familiar in Germany, Poland, and other countries of the Western Europe. In the XVI century, the changed edition of the Tale was included in the *Speculum maius*, in the form close to the Exempla.

In the XVII century, within the first translation of the *Speculum maius*, the Tale was adopted from the Polish literature into the Old Russian literature.

The history of the Tale in the Rus Lands in the XI–XVII centuries was quite complicated. On the one hand, there was a traditional form for such works in the miscellanies of a constant structure (*Prologue, Paraenesis, and Speculum maius*); on the other hand, the Tale was included in the miscellanies of a combined structure where it could be presented in the changed or modified form; therefore, a lot of Tale's editions were made. As a result of a textological research of the Slavic re-written copies of the Tale, we can mark seven editions: the Main Edition, the First Prologue, the Second Prologue, the First Solovetskaya Edition, the Second Solovetskaya Edition, the Sophia Edition, and the *Speculum maius* Edition.¹

Altogether, there were 60 copies of the Tale that existed in the Rus – Syrian re-written copies published by Th. J. Lamy [4; 10–49], a Greek re-written copy of the Tale published by G.S. Assemani [7], a Polish re-written copy published in the *Speculum maius* in 1624 [8; 327–330] — to study its literary history.

The Tale consists of three separate parts² typical for the Byzantine tradition of hagiography. The first part of the Tale is dedicated to the Abrahams life as a Hermit and his further holy life. Willed by the bishop, Abraham travels to a pagan settlement to turn pagans into Christianity. He lives there for three years, suffering from humiliation and beating, until pagans feel sympathy for Abraham and adopt Christianity. The second part is about Abraham going to a desert where he is tempted by the devil. The third part describes how Abraham saves his niece Maria, who he has brought up from brothel. The Tale ends with a description of the last years of Abraham and Maria's life.

Search for the Greek script of the Tale translated into Slavic

Although there are no Slavic copies of the documents dated earlier than the XII–XIII centuries, the translation of the Tale, as it was mentioned before, can be referred to the earliest period of the Slavic writing (the X century).

One of the issues of studying the Tale is finding the original Greek script, which was translated. We are familiar with only one re-written copy of the Tale, published by G. S. Assemani [7; T. II; 4–20], which makes the whole situation quite complicated. Researchers as A. S. Arkhangelsky, G. Boykovsky, and A. P. Kadlubovsky used it as a basis to find the best reading in their monographs. However, a macro textual comparing of Assemani's copy with the earliest Syrian copy translation (Mus. Brit. № 14,644, the V–VI centuries)³ and one of the earliest Slavic (Russian National Library, Pogodin 71a catalogue, XII–XIII centuries) copies of the Main Edition present us with many variant readings. For example, description of Abraham turning into a hermite after baptizing the people of the pagan settlement is presented only in the Greek and Slavic copies. Moreover, the Greek copy has got a richer description of the people baptized by Abraham. There are quite many variant readings in the copies.

Can these variant readings be explained by the fact that the copy of Assemani is some another Greek edition of the Tale and not the one that was taken as a basis for the translation into Slavic? While analyzing various readings, one can get the impression that a Greek copyist changed the text on purpose to make it more space. Can it be explained by the fact that the Greek original later than the X century was exposed to changes, which are reflected in the copy of Assemani, and that is why the familiar Greek copy is full of secondary readings? Only one thing is clear: the Assemani's copy is not the document that was translated into Slavic. Therefore, the issue of finding the exact Greek copy, which was translated into Slavic, remains open.

Comparison of the Pogodin 71a catalogue, Russian National Library, with the translation of the earliest Syrian copy showed that the texts' composition is identical. Therefore, it is possible to speak not only of genetic bond between the Pogodin 71a catalogue and the oldest Syrian re-written copy, but also of the supposition that the assumed Greek original of the Tale occurred as a result of a precise translation of the from Syrian into Greek, which was further precisely translated into Slavic.

The Main Edition

The Main Edition (ME) is represented by 42 re-written copies of the XII—XVIII centuries (Elder re-written copies of the Russian National Library, Pogodin 71a catalogue, until 1288, Russian State Library, Trinity Lavra of St. Sergius catalogue 7, XIII century).⁴ The presence of ME in the Slavic tradition is connected with the *Paraenesis* of Ephrem the Syrian. 33 of 42 re-written copies of ME are included in the *Paraenesis* where they steadily take the 48th place, being included in the number of the main articles of the miscellany. The exceptions are the following re-written copies: Russian National Library, Main Catalogue of the Script Books F1—201, 47th place, Russian Academy of Sciences Library, Main catalogue 31.7.2 - 49th. The title in the copies of the *Paraenesis* is constantly the same ("The Tale of St. Abraham"); only one re-written copy - Russian National Library, Solovetskoe 173 catalogue (173) - has a different title *The Tale of St. Abraham and his foster daughter Maria*, which occurred under the impact of poetical Prologue. All other ME re-written copies are included in the miscellanies of combined structure; they have inessential differences. Titles of many re-written copies of the XV century were changed under the impact of the Prologue editions. For example, text of the New Collection of Script Books, I, F—149, Russian National Library, is entitled *The Life of Abraham the Hermit and Maria the Blessed*; text if the Main Collection of Ancient Artifacts, Q—50, Russian National Library, is titled *The Life and Acts of Moral Courage of Reverend Abraham the Hermit* (impact of the Prologue's 2nd edition). The text's ending of the Sinodalnoe 1063/4 catalogue, State History Museum, is missing. All re-written copies of ME included in the miscellanies of combined structure have missing fragments, because of the mistakes made by writers.

Traditionally the Tale is presented together with *The Tale of Joseph* and *The Tale of Antichrist* by Ephrem the Syrian, the *Life of Mary of Egypt*, *The Ladder* by John Climacus, insightful words of John Chrysostom, words of Athanasius of Alexandria, of Dorotheus of Gaza, patericons. The presence of the Tale in the line with the works of the Reverend Fathers shows that its readers in the Ancient Rus considered it to be one of the most authoritative and readable works.

The First Prologue Edition (FPE)

The Prologue Editions were widely spread in the handwritten tradition. A Prologue originates from the Byzantine Synaxarions; the lives of the Saints are arranged there according to the days they are remembered in church. In the Rus, the Prologue became the most favorite book to read. There are more than three thousand Prologues scripts of various types. There are three main types of an ordinary prologue: the Slavic Synaxarion, the 1st Russian edition, and the 2nd Russian edition. There is also an independent, a so-called "poetic" Prologue. The Tale is described in all types of prologue. [9]

Literary history of FPE is connected with the Synaxarion, the poetic Prologue and the 1st Edition of the Prologue.

The Slavic Synaxarion can be found only in one Russian re-written copy of the end of the XII century and in some of the Serbian and Bulgarian re-written copies of the XIII—XIV centuries. In this particular research we work with the Russian re-written copy (Russian National Library, Sofiyskoe 1324 catalogue, end of the XII century).

The Synaxarion, as well as its Byzantine source (Menologion of Basil II, around 985, together with the additions from the XI century), is a calendar corpus of lives together with the troparions for the most important Saints. October, 29 - is the day of remembrance of Reverend Abraham. According to V.A. Moshin, the Synaxarion was translated not later than in the beginning of the XII century, so FPE can be dated by the XII century.

FPE, as well as the prologue stories, in general, is notable for the very short descriptions. There are no descriptions of the Abraham's saint deeds in a pagan settlement and of demons tempting him. The maker of the Synaxarion left only the most significant episode of the Tale: the story about saving the niece Maria, which is delivered as a recitation of main events.

Such choice of an episode corresponds to the idea of a miscellany. Originally, the Synaxarion was intended for the church use (for instance, the rules of the Monastery of Stoudios ordered to read the Synaxarion during the service), that is why the Saints whose lives were included into a miscellany had to build a strict hierarchy according to their Christian act of moral courage: the apostles of pagans belonged to apostle sainthood, martyred for faith – to martyr sainthood, saints honored for monastic acts of moral courage – to reverend sainthood and so on. Apparently the acts of moral courage that were described in the lives in Synaxarion including the article about Abraham had to correspond to the sainthood that the saint belonged to. According to this, the author chooses only one event from all described in the Tale that is connected with the moral act of courage of the reverend. Abraham saves his niece at the cost of his Christian life. The Saint wears military clothes and enters wanton house where Maria is. In order not to be noticed, he drinks wine and eats meat. In such way, he breaks all monastic bans that are equal to death in monastic life. But here is the paradox of Christianity: just as Christ sacrificed himself to make amends for all people's sins by his death and resurrect, so Abraham sacrifices his Christian life to return the lost soul to reformation path and as paradoxically as it may sound to save himself. In such way, the Saint follows the gospel commandment "Greater love has no man than this, that a man gives up his life for his friends" (John 15:13). At the same time, the author of edition omits the apostle act of moral courage of Abraham who baptized pagan settlers. That is why Abraham expectedly called "reverend" in the title of FPE as opposed to ME where he is called the *Saint*. The question of author's choice of Saint's act of moral courage can be explained by the assumption that in the Story Abraham's saving of Maria is a top of his service because in this act of moral courage he is compared with the Savior. That is why Maria's saving is infinitely more serious than his apostle acts.

The creation of the Prologue's 1st edition dated from the beginning of the XIII century; it is familiar only in the Russian re-written copies. [9] The copies of the State History Museum, Sinodalnoe 239, 240 catalogue s, were used during the research.

1st edition is bigger than the Synaxarion; under each number there is a patericon story or a lection. The section with the lives fully corresponds to the Synaxarion; and the article for October, 29, dedicated to Abraham, also fully corresponds to the article from the Synaxarion.

The Poetical Prologue is an independent type of a prologue. It was not widely spread in Russia. The Poetical Prologue of the New Jerusalem Rules was translated from Greek in Serbia in the XIV century. It is called "poetical" because before the articles of lives there were short poems honoring the Saints. (In this research the Poetical Prologue is presented by 2 copies of the XVI—XVII centuries). Greek copy of the Poetical Prologue is unavailable.

The article about Abraham in the Poetical Prologue compared to the article from the Synaxarion has two differences: firstly, before the story about Abraham there is a poem: "Telesnaya vsya oudesa Avraamie oumertvil oumer zhitelstvouyeshi s besplotnymi angely ostavl'she telesnye rachitelya Marie dushevnomu rachitelyu pripletayeshi"; secondly, the titles of the articles differ:

Literary history of the tale of st. abraham: textual criticism, poetics

SOBOLEV
Nikolay

*PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of Russian Literature and Journalism,
Philological Faculty,
Petrozavodsk, sobnick@yandex.ru*

Keywords:

Old Russian literature
translational literature history in Russia
textual criticism
edition
St. Abraham
Ephrem the Syrian

Summary:

The article is devoted to the literary history of The Tale of St. Abraham, which is ascribed to Ephrem the Syrian. The Tale was widely spread in the Christian tradition of the West and the East. The article summarizes the results of a study of the 60 Slavic manuscripts of the Tale (Russian, Bulgarian, and Serbian), as well as its publications in the XVII–XIX centuries in Syriac, Greek, Latin, and Polish, which are based on early manuscripts of the Tale.

As a result, textological research showed that the Tale was exposed to editing several times in its literary history. We can mark seven editions of the Tale, which are spread in the Slavonic manuscripts. The Main Edition is represented by 42 copies of the XII–XVIII centuries; the First Prologue Edition is represented by a Russian copy of the XII century; the Second Prologue Edition is represented by ten copies of the XVI–XVII centuries; the First Solovetskaya Edition is known in the handwritten tradition through two re-written copies of the XVI–XVII centuries; the Second Solovetskaya and Sofia Editions are familiar only through one re-written copy of the XVI century; the Speculum maius Edition is represented by ten copies of the 1st translation from the XVII–XVIII centuries.

The copies' analysis lets us establish its genealogy and, thus, recreate the existing history of the Tale's text in the Ancient Rus booklore

УДК 25.253

Два списка чина исповедания, хранящиеся в рукописных собраниях Петрозаводска

ВАСИЛЬЕВ

Денис

Владимирович

*магистрант 2-го года обучения, кафедра русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
Петрозаводск, vasiljevden@yandex.ru*

Ключевые слова:

рукописные чины исповедания
вопросные статьи
поновления
печатный Требник

Аннотация:

В настоящей статье рассматриваются два рукописных текста чина исповедания, хранящиеся в Национальной библиотеке Республики Карелия и в фонде Национального музея Республики Карелия. Покаянные тексты третьей четверти XVIII в. и начала XIX в. содержат вопросы и поновления, предназначенные для исповеди старообрядцев. Старообрядческая редакция памятников установлена в результате сопоставления этих рукописей с соответствующим вопросником из печатного Требника. Как показал сопоставительный анализ, редакторы значительно изменили текст, известный по печатному Требнику, дополнив его новыми статьями и наставлениями, характерными для старообрядческой традиции редактирования исповедных вопросников и поновлений. Оба памятника не только дают представление о совершении исповеди в XVIII—XIX вв., но и позволяют узнать о взаимоотношениях людей того времени, их быте, нравах и социальных отношениях.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Христианское таинство покаяния — это глубокое раскаяние человека в совершенных им грехах. Под покаянием подразумевается коренное преобразование личности, «перемена ума», решительное изменение внутренней и внешней жизни человека. Внешняя, обрядовая сторона покаяния — исповедь. Таинство покаяния (исповеди) установлено Христом и является необходимым условием для спасения человека: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4: 17); «Если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13: 3). Именно Христос предоставляет апостолам власть прощать или не прощать грехи: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 22—23). Установленное Спасителем таинство предполагает всестороннее раскрытие своих грехов со стороны кающегося, т. е. исповедь. В апостольскую эпоху мы неоднократно встречаем указание на исповедь как на необходимую форму покаяния: «Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои» (Деян. 19: 18); «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды» (1 Иоанн, 1: 9); «Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться» (Иаков, 5: 6). В апостольские времена, как отмечает исследователь истории исповеди А. И. Алмазов, встречаются два вида покаяния: тайное — перед иерархическим лицом и публичное — перед церковным обществом [1; 43].

Свидетельства о покаянной исповеди мы встречаем и во II—III вв. нашей эры. Так, раннехристианский писатель Тертуллиан посвящает покаянию специальную статью («О покаянии»), в

которой отмечает, что покаяние должно быть засвидетельствовано внешним подвигом — исповедью. Также Тертуллиан признает таинство покаяния Божественным установлением, берущим свое начало из Нового Завета: «Он любит более раскаяние и спасение грешника, нежели жертвоприношения. Небеса и ангелы радуются кающимся грешникам (Лк. 15: 10)» [10; 95]. Сведения об исповеди мы также можем найти в апостольских постановлениях, в которых покаянное исповедание грехов является обязательным на пути к спасению: «Исход твой из этой жизни неизвестен; а кто скончается во грехе, для того нет покаяния, как сказано через Давида: “в аду же кто исповедает Тебя?”» [2].

В памятниках святоотеческой литературы IV—V вв. учение о покаянии представлено подробней и обстоятельней. Так, например, христианский богослов и поэт Ефрем Сирийский посвящает покаянию достаточно объемное сочинение. Покаяние у Ефрема Сирийского — это средство, исцеляющее грешника, покаянная исповедь — это разговор больного с врачом: «Сбрось с себя бремя грехов, принеси молитву и омочи слезами загнившие раны. Ибо сей небесный Врач, как Благий слезами и воздыханиями исцеляет язвы» [9; 48]. Также Ефрем Сирийский призывает к исповеди тайной: «Покаяние не имеет нужды в шуме и пышности, но нужна ему исповедь» [9; 213]. Святитель Иоанн Златоуст подчеркивал, что внешним проявлением покаяния должна быть исповедь, причем исповедь в церкви с участием священника: «Ты грешник? Приди в церковь, чтобы исповедать грехи твои» [5]. Златоуст пишет, что покаяние избавляет абсолютно от всех грехов: «Покаяние есть врачевство, истребляющее грех; оно есть дар небесный, чудесная сила, благодатию побеждающая силу законов, почему оно ни блудника не отвергает, ни прелюбодея не отгоняет, ни пьяницы не отвращает, ни идолослужителем не гнушается, ни поносителя не отменяет, ни хулителя не гонит, ни гордеца, но всех променяет, потому что покаяние — горнило греха» [5]. Необходимым составным элементом покаяния должны быть исповедь, слово («произнеси слово, откройся в грехе, и скажи: я согрешил» [5]). Но при каких обрядах должна совершаться исповедь, святые отцы IV—V вв. нам не сообщают.

В V—VI вв. появляется потребность в установлении руководства к совершению исповеди. В исповедном чине были упорядочены следования подготовительных и поисповедальных молитв. Центральная часть чина обычно состояла из вопросов священника и поновлений со стороны кающегося. В вопросных статьях и поновлениях речь шла как об общих грехах, так и о конкретных поступках человека, пришедшего на исповедь. А. И. Алмазов полагает, что данным первоначальным уставом для совершения таинства покаяния явилось руководство для духовников, называемое сейчас епитимийным намоканом Иоанна Постника [1; 72]. Однако, продолжает исследователь, устав Иоанна Постника — руководство общее, указания конкретных случаев греховности в нем нет. Поэтому на основе Постникова намокана в последовании чина исповедания складывается множество редакций.

Так, в Русской церкви, до появления богослужебных печатных книг, существовало три редакции. Первая редакция близка к чину исповеди Иоанна Постника. В предисповедальную часть, помимо покаянных тропарей, входили два псалма — 50-й и 69-й. В поисповедальную часть входило чтение семи молитв, после чего духовник произносил: «Чадо, прощает тя Христосъ невидимо, и азъ грешный». Вторая редакция значительно отличается от первой. В предисповедальной части отсутствуют псалмы и, кроме обычного начала, имеется только одна молитва: «Владыко, Господи Боже наш, иже ключи Царствия Твоего Петру, верховному апостолу твоему, вручив». После исповеди следовали поновления, затем духовник возлагал правую руку исповедника на свою шею и произносил разрешительную формулу: «Бог, чадо, тя простит и прощает...» Далее следовало поучение, после которого исповедник, припав к земле, читал 50-й псалом, а священник — молитву «Господи, иже Петру и блудници слезами...». Третья редакция была самой распространенной в Русской церкви; она представляет собой буквальное заимствование из южнославянской практики. Данная редакция претерпела всевозможные изменения, которые были или самобытными, или происшедшими от сочетания данной редакции с вышеуказанными. Здесь варьируются псалмы, читаемые обычно в начале (например, 50-й и 4-й или 50, 37, 102-й) [1; 234—273]. На основе третьей редакции возникло множество вариаций исповедных вопросников и поновлений. А. И. Алмазов пишет, что «почти не было переписчика, который бы не считал позволительным себе предложить читателю в более или менее очевидной переработке» [1; 306]. Таким образом, определенной, жесткой структуры покаянных текстов не существует.

Исследовательница исповедных чинов в русской книжности М. В. Корогодина отмечает: «При составлении вопросников, как правило, не соблюдалась какая-либо система. Составитель мог записать несколько вопросов примерно на одну тему, потом перейти к совершенно иным грехам, а затем снова вернуться к уже затронутой теме» [6; 35].

Цель нашей статьи: представить два текста чина исповедания, хранящиеся в рукописных собраниях г. Петрозаводска.

В первую очередь мы рассмотрим список начала XIX в., входящий в состав сборника «Чин погребения мирян, младенцев и чин исповеди» (Национальная библиотека Республики Карелия. № 306022)[1]. Покаянный текст содержит последование исповедания, общие вопросы священника кающемуся, вопросы женатым и вдовцам, исповедь детей, вопросы женщинам и поновления.

Другая рукопись содержит фрагмент чина исповедания третьей четверти XVIII в. (Национальный музей Республики Карелия. КГМ-№ 20843. 31 л.)[2]. Рукописный памятник состоит из поновлений, изложенных достаточно подробно в виде перечислений отдельных грехов со стороны кающегося.

Обе рукописи имеют старообрядческое происхождение.

С появлением печатных Требников число оригинальных рукописных текстов уменьшилось. Однако, как пишет М. В. Корогодина, рукописная традиция редактирования текстов продолжает жить в старообрядческой среде: «В старообрядческие рукописи переписывались тексты из печатного Требника, которые могли при этом подвергаться обширной правке» [6; 123]. Поэтому для выяснения степени оригинальности рассматриваемых рукописных памятников мы сопоставим эти списки с текстом чина исповеди из Большого Требника [11][3].

Рукопись, хранящаяся в Национальной библиотеке Республики Карелия, начинается с последований исповеди, в которых описывается, какие молитвы должны читаться в предыдущей части. Первая подготовительная молитва, читаемая духовником, — «Боже, очисти меня грешного и помоги мне» (л. 59). Данную молитву мы можем встретить в Келейном правиле Серафима Саровского [8]. Затем священник, в рассматриваемом рукописном памятнике, произносит 6-й псалом («Господи, да не яростью Твоей обличи меня»), присоединяя к нему псалом 12-й («Доколе, Господи, будешь забывать меня до конца»). После псалмов совершитель чина читает молитву «Отче наш» (л. 60—61).

Далее следуют увещания, направленные на то, чтобы убедить кающегося к исповеданию всех грехов без стыда и стеснения: «Не стыдись, чадо, грехов своих перед Отцом человеческим и расскажи все до единого греха...» (л. 61 об.). Увещания излагаются практически так же, как они представлены в Большом Требнике. Однако есть и некоторое отличие. Так, традиционное вступление к увещанию, принятое в Требнике («Се, чадо, Христос невидимо стоит...» [11; 21]), заменено в рукописном исповедном чине на обращение духовника: «сейчас ты стоишь перед Богом» и дополнено рекомендацией к речевому поведению исповедующего: «далее священник говорит тихо» (л. 64 об.). Также стоит отметить, что к увещанию «Сейчас ты стоишь перед Богом» присоединена косвенная цитата из Нового Завета: «Радость бывает от покаяния грешника, так что ты, чадо, своим покаянием радость сотвори на небе не только ангелам, но и Богу» (л. 64 об.). (ср.: «Так говорю вам: бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15: 10)). Приписанные составителем чина наставления духовнику и ссылки на Священное Писание указывают на старообрядческий принцип редактирования покаянного текста. М. В. Корогодина отмечает, что старообрядцы ввели широко использовавшийся прием при редактировании исповедных текстов: вставка ссылок на святоотеческую литературу и поучений священнику об исповеди [6; 123].

Затем священник еще раз призывает исповедника не стыдиться «исповедовать бесстыдства свои», после чего переходит к блоку вопросов. Вопросная статья, составляющая большую часть исповедного чина, начинается с вопроса о вере: «Веруешь ли в Отца, и Сына, и Духа Святаго?» (л. 68). Надо сказать, что вопрос о вере появился в русском чине исповедания только с XVII в. Ранее вопросник начинался с выяснения обстоятельств потери невинности исповедника [1; 323]. За вопросом о Троице следуют статьи, предполагающие уже детальное знакомство с основами вероучения, а именно: о почитании «Иоанна Предтечи, апостолов и иных пророков», о поклонении мощам и почитании их памяти (л. 68). Раздел статей, посвященных ортодоксальности веры, завершается вопросом о ереси: «Ереси не придерживаешься?» (л. 68). Похожий вопрос мы можем встретить и в Большом Требнике: «Не был ли еретиком или отступником?» [11; 21]. Однако в анализируемом памятнике за этим распространенным вопросом редактор вносит дополнение: «По еретическому преданию бороды своей не брил?» (л. 68). По наблюдениям М. В. Корогодиной, старообрядческие чины исповеди зачастую пополнялись правилами из святоотеческих книг, в том числе записывались небольшие тексты с запрещением брить бороду [6; 123].

Далее священник переходит к перечню вопросов, связанных с блудными грехами. Этот блок вопросов начинается с наставления совершителю чина: «Когда священник спрашивает о грехах, связанных с растлением, кровосмешением, то вопрошает подробно» (л. 69). Подобное пристальное внимание к блуду, по мысли М. В. Корогодиной, связано с традиционным восприятием этих грехов как самых тяжких и требующих наиболее полного покаяния [6; 126]. Вопросы о блуде собраны в общем разделе, а также в вопросниках мужчинам и в вопросниках женщинам. В общем разделе спрашивается о причинах грехопадения («Почему произошло грехопадение? По ведению или не ведению? Трезв был

или пьян?») и о социальном статусе женщин, согрешивших с исповедником («с кем согрешил: с вдовами или блудницами, с попадьями или дьяконицами» (л. 69 об. — 72 об.)). В исповеди женатым и вдовцам интимная жизнь кающегося выясняется подробней: «Первая ли у тебя жена или вторая, третья? По закону ли женился? По закону ли живешь, не бываешь ли с ней в Великий пост или в воскресенье? Не блудил ли со своей женой блудом содомским?» (л. 78 об.). Задавая вопросы, связанные с «блудом содомским», священник указывает, какого рода сексуальные отношения между супругами являются запретными. Так, например, осуждаются анальные и орально-генитальные контакты: «Не блудил ли с женой своей содомски в задний проход? Срама своего жене целовать не давал? Сам не целовал?» (л. 79 об.).

К «блуду содомскому» также относятся статьи, касающиеся кровосмешения. Подобные вопросы адресуются как мужчинам, так и женщинам. Однако если мужчин спрашивают абстрактно, без указания степени родства («не состоишь ли со своей женой в родстве?» (л. 79)), то в вопросниках для женщин составитель чина уточняет: кровосмесительным блудом считаются половые отношения не только между братом и сестрой («или с братом родным?» (л. 111)), но и между родственниками, которые не являются родными по крови («или с отчимом?» (л. 111)). Приравнивается к кровосмешению и блуд с крестными: «или с крестником?» (л. 111). Американская исследовательница Е. Левина указывает, что «нормы церковного права категорически исключали возможные браки между духовными родителями и духовными чадами» [7; 289].

Помимо вопросов, касающихся кровосмешения, женщин спрашивают и о других поступках, связанных с блудным грехом. Так, встречается вопрос, посвященный лесбийской любви: «или с девицами блудила, бабами богомерзкими?» (л. 111). По мнению Е. Левиной, «лесбийское поведение серьезным нарушением не считалось. Сексуальные сношения между взрослыми женщинами обычно относились к разряду мастурбационных» [7; 342]. Действительно, за статьей о лесбийском поведении следует вопрос: «Или сама свое естество перстом?» (л. 111).

В ряде статей говорится о сексуальной связи между женщиной и монахом или священником: «Не осквернила ли схимника? Попа, дьякона?» (л. 111 об.) Глаголом «осквернила» составитель чина подчеркивает, видимо, то, что нарушение благочестивой жизни целомудренных мужчин является серьезным преступлением.

Следующая вопросная статья посвящена грехам против веры, а точнее — небрежному отношению к церковной службе и поруганию икон: «Не смеялся ли во время святого церковного пения, не празднословил ли, не хулил ли иконы?» (л. 72 об.). В исповеди для женщин священник спрашивает о физической нечистоте прихожанки при исполнении церковных обрядов: «Или нечистой в церкви была?» (л. 111 об.). Затем в тексте указывается, что может быть причиной нечистоты исповедующейся: «Или держала кого за срам? Или целовала кого в срам?» (л. 111 об.).

Далее следует вопрос, касающийся кражи: «Не украл ли чего?» (л. 74). Точно так же этот вопрос сформулирован и в Большом Требнике [11; 31]. М. В. Корогодина пишет, что вопрос «не украл еси что?» — один из наиболее распространенных и присутствует практически в каждом исповедном тексте [6; 164]. Вопрос о краже подводит к вопросам об убийстве: «Не убил ли человека?» (л. 75). В Большом Требнике вопрос «не убил ли человека?» [11; 31] предваряет вопрос о воровстве, тем самым, видимо, соблюдается последовательность 6-й и 8-й заповедей: «не убий»; «не укради». В рукописном исповедном чине вопросы о воровстве и убийстве поочередно меняются. Так, вопрос «не украл чего?» сменяется на «не убил ли человека крещеного или некрещеного», а за вопросом «не промышлял ли грабежом?» следует «не утопил ли кого?» (л. 75).

Вопрос об убийстве в Большом Требнике дополнен: «Не убил ли человека волею или неволею?» [11; 31]. В рассматриваемом рукописном тексте формулировка данного вопроса развернута за счет того, что вводится характеристика пострадавшего: «Не убил ли человека крещеного или некрещеного?», а также добавляются уточняющие детали: «Не утопил ли кого?» (л. 75).

Следующая статья вопросов касается физического насилия. В перечень тех, кто рискует пострадать от побоев, попадает как церковный служитель («Не бил ли отца духовного?» (л. 75 об.)), так и члены семьи исповедника («Не бил ли отца родного, мать, брата, сестру?» (л. 75 об.)). В Большом Требнике вопроса, посвященного дракам, нет, но встречается статья о ссорах, в которой говорится, что «укорам» может подвергнуться и монах, и священник, и члены семьи кающегося: «Не укорял ли родителей твоих, или священника, или монаха, или какого-либо человека?» [11; 22]. М. В. Корогодина отмечает, что церковные служители, калеки, нищие — наиболее социально незащищенная категория лиц в исповедных вопросниках. Причем, судя по покаянным текстам, обругать или побить кого-либо из церковного причта мог не только мужчина, но и женщина. Вопрос, связанный с неподобающим

отношением к членам семьи, по наблюдениям исследовательницы, весьма распространен. Обычно он формулируется так: «Отцю или матери лаял, или клял, или бил?» [6; 190, 251]. В рассматриваемом чине исповедания, помимо отца и матери, упоминаются и брат с сестрой, а в Большом Требнике дополнительно вводится расплывчатое определение: «какой-либо человек», т. е. не только затрагивается почитание родителей, но и уделяется внимание взаимоотношению людей вообще.

Непосредственно за статьей об избиении в рукописном исповедном чине указывается на состояние гнева, в котором пребывал человек: «Не гневался ли на кого?» (л. 75 об.). Далее общий вопрос о гневе становится более конкретным. Духовник спрашивает о поступках, совершенных человеком, ослепленным гневом, враждой: «Не называл ли кого еретиком? Не поджигал ли чужой двор?» (л. 77 об.). Причиной поджога чужого двора может быть обыкновенная зависть, поэтому за вопросом о порче чужого имущества следует уточнение: «Не завидовал ли кому?» (л. 77 об.). Стоит отметить, что в Большом Требнике статья о вражде совмещена с вопросом о зависти: «...если имеешь на кого вражду или зависть, то молитвы твои не приятны Богу» [11; 22].

Значительное количество вопросов в анализируемом рукописном тексте посвящено магии и колдовству. Причем вопросы, связанные с магией, переплетаются с вопросами о бытовом пьянстве: «Не пил ли допьяна в корчме? Не ходил ли к волхвам, не приводил ли кого к волхвам, не волховал ли сам?» (л. 76 об.). В тексте колдуны не стоят особняком, а находятся в одном ряду с еретиками и некрещеными: «Не сидел ли в корчме с волхвами, еретиками, некрещеными?» (л. 76 об.). В вопросе «Не подталкивал ли девиц и отроков к блуду?» (л. 76 об.), возможно, речь идет о колдовстве, а не о блуде. Во-первых, «блудные» статьи вынесены в отдельные разделы чина. Во-вторых, «блуд» может иметь значение «зablуждаться». В-третьих, данный вопрос следует сразу же за вопросом о самостоятельном колдовстве: «Не колдовал ли сам?» Таким образом, оба вопроса оказываются близки по своему значению. Краткая формулировка: «Не колдовал ли сам?» впоследствии уточняется: не учил ли колдовству отроков и девиц.

Запрещается не только колдовство и наущение оному, но и пьянство с колдунами. Питье с еретиками (колдунами, некрещеными) приравнивается к бритью бороды: «Не пил ли с ними или по их еретической вере бороды не брил?» (л. 76 об.). В вопросах о колдовстве, задаваемых женщинам, под волхвами подразумеваются знахарки, лекарки, «бабы». Прихожанка могла обратиться к ним за медицинским препаратом (зельем) с целью избавиться от плода: «Или зельем извергла дитя?» (л. 115). Церковь всегда резко осуждала аборт и приравнивала их к убийству. Об этом говорится, например, в 8-м правиле Василия Великого: «...хотя таковые, причинив смерть, сделали не то, что имели в намерении, однако, за волшебство и занятие возбраненное, причисляются к вольным убийцам. Дающие врачевство для извержения зачатого в утробе есть убийцы, равно и приемлющие детоубийственные отравы» [3]. Поэтому следующий вопрос очень близок к предыдущему: «Или некрещеное дитя уморила?» (л. 115). В этой статье не только указывается на умышленное убийство матерью своего ребенка, но и делается упор на то, что младенец не крещен, а потому душа его, согласно церковному преданию [4], обречена на вечные муки.

В следующей вопросной статье уделяется внимание употреблению «нечистой» пищи. В перечень «скверных» продуктов питания попадают удушенные зайцы и тетерева: «Не ел ли чего скверного (удушенных зайцев и тетеревов)?» (л. 77). В Большом Требнике подобный вопрос представлен более развернуто. Здесь запрещается употреблять в пищу не только «давленину», но и кровь погибших животных: «не ел ли мертвечины, или крови, или удушенное, или птицей пораженное» [11; 22]. М. В. Корогодина полагает, что «пищевые запреты восходят к ветхозаветным текстам, в которых скрупулезно перечисляются «нечистые» животные, а также запрещается вкушать кровь животных, поскольку кровь считается материальнымместилищем души живого существа» [6; 259].

Отдельная статья чина – это вопросы о скоморошестве, в которой кающийся может выступать как слушателем скоморошских песен («не слушал ли скоморохов, гусяров»), так и участником скоморошества («не пел ли с ними бесовские песни» (л. 77)). Вопрос о скоморошеских песнях в исповедном чине вполне ожидаем. Церковь негативно относится к скоморошьюм забавам, причисляя их к «бесовским» деяниям. С языческих времен «вещему» певцу-гусельнику народ приписывал владение тайными знаниями, всеведением [12]. Поэтому не случайно в рассматриваемом тексте вопрос о скоморошестве следует практически сразу за вопросами о колдовстве.

За вопросной статьей со стороны духовника следуют поновления, т. е. перечисление грехов уже от лица кающегося. А. И. Алмазов пишет, что в русских памятниках поновления появляются в XV в., а к XVII в. их присутствие становится обязательным. Исследователь отмечает также, что термин «поновление» был заимствован из южнославянских памятников, однако известен лишь один

южнославянский чин исповеди, где встречается список поновлений [1; 340]. Таким образом, если не со стороны происхождения, то, по крайней мере, со стороны применения, поновления — особенность русского чина исповедания.

В анализируемом рукописном тексте поновления встречаются в разделе, посвященном исповеди для женатых и вдовцов, в исповедании малым детям и в исповеди для женщин. Поновления начинаются с формулы: «Исповедую Богу Вседержителю и Пречистой Его Матери, небесным силам и всем святым все согрешения мои все злые дела мои» (л. 80 об.). Подобная вступительная часть к поновлениям, по мнению А. И. Алмазова, является одной из общепринятых [1; 340]. К этой общеупотребительной форме в тексте исповеди для мужчин добавлено самостоятельное вступление, сопутствующее первому: «Я же грешил во все дни живота моего. Исповедую все, что помыслил, сказал, по воле сотворил или невольно, помню или не помню» (л. 80 об.).

Основная часть поновлений излагается в виде отдельных ответов исповедника, собранных в одно целое. Каждый ответ кающегося начинается со слова «согреших». По содержанию поновления аналогичны исповедным вопросам, но не всегда отображают те конкретные ситуации и поступки, которые мы встречаем в вопроснике. Так, в тексте поновлений для женатых и вдовцов представлен перечень отвлеченных понятий, указывающих на греховное состояние души кающегося: «Согреших оболганием и оклеветанием, завистью, ложью, яростью, гордыней и тщеславием, бесстыдным словом, местью, сребролюбием, объеданием и пьянством, чародейством и притворством. Согреших прелюбодеянием, убийством, насилием, грабежом и враждой ко всем людям. Согреших блудом и всякой нечистой, всякими смешениями плотскими. Согреших в осуждении людей, когда сам более всех грешен. Согреших делом, словом и помышлением, по ведению и неведению, лукавством, плоти своей угождая во всем» (л. 81).

Что касается поновлений для детей, то в них перечисляются как общие грехи («согреших ложью, клятвopреступлением, злословием, леностью, слабостью, гордостью» и т. д. (л. 95 об.)), так и поступки, присущие именно детям («согреших непослушанием родителей, досаждением, кражей лакомств» (л. 95 об.)). Также стоит отметить, что составитель в список детских поновлений внес и блудные грехи, причем с уточняющими деталями: «Согреших блудом с отроками или сам в себе» (л. 96). Детские поновления встречаются крайне редко. А. И. Алмазов указывает лишь один список подобного текста, находящийся в рукописном требнике начала XVII в. [1; 362—363]. Поэтому, вполне вероятно, составитель детских поновлений рассматриваемой рукописи взял за основу список из Требника, на который указывает исследователь.

В женских поновлениях, помимо статей, сформулированных в общих чертах («согрешила оболганием, оклеветанием, завистью, лестью» и др. (л. 99)), указывается на возможное бесстыдное поведение женщины в церкви: «Согрешила помыслами блудными в церкви» (л. 108 об.). В следующей статье говорится уже о нечистоте плотской, исключающей возможность посещения храма: «Согрешила нечистойою месячною и мокротою похотную» (л. 108 об.). Е. Левина отмечает, что «за один лишь вход в церковь в “нечистом” состоянии полагалась епитимья в размере ста земных поклонов» [7; 309].

Рукописный текст третьей четверти XVIII в., хранящийся в фонде Национального музея Республики Карелия, содержит только поновления. По сравнению с только что рассмотренной рукописью перечень грехов в данном исповедном чине излагается подробней. По мнению М. В. Корогодиной, поновления, достигшие значительных размеров, — черта старообрядческой культуры: «У старообрядцев поновления выходят за рамки чина исповеди, переписываются отдельно в качестве покаянной молитвы...» [6; 121].

Чин исповеди начинается здесь с перечисления грехов общих, теоретических: «Согреших бранью и враждой ко всем влекомый, и воровством, и блудом и всякою нечистью. И всяким помышлением плотским, и различными любовными играми» (л. 1). Похожее изложение отвлеченных греховных поступков и состояний мы можем встретить в кратких поновлениях, содержащихся в Большом Требнике: гордость, блуд, зависть, гнев [11; 22]. Однако в данном рукописном тексте, помимо исповедания кающимся распространенных терминов грехов, составителем вносятся ситуативные подробности жизни человека. Так, например, исповедник кается в грехах, связанных с ложной клятвой, причем с уточнением о том, как именно была закреплена клятва: «Согреших, поклявшись небом и землей. Согреших в клятве перед Пречистым телом» (л. 4).

Затем следует ряд статей, говорящих о небрежном отношении к церковному богослужению: «Согреших в церкви нечистыми мыслями и празднословием во время церковного пения»; «Согреших леностью и небрежением к церковному пению» (л. 5). Из процитированных поновлений видно, что обращается внимание не только на внешнее поведение исповедующегося во время службы, но и на его

помыслы.

Неоднократно перечисляются грехи, касающиеся неуважения родителей: «согреших непослушанием родителей»; «согреших непокорностью родителям» (л. 11 об.). В тексте присутствуют также поновления, описывающие неподобающее отношение к слугам. Челядь могла подвергнуться побоям («согреших, избивая свою челядь») или остаться без самого необходимого («согреших, оставляя слуг своих без одежды и еды» (л. 12)).

Немало поновлений посвящено ссорам и ругани. В тексте встречаются такие перечни грехов: «Согреших сквернословием. Согреших, если еретиком, язычником назвал христианина» (л. 12 об.). В одном из поновлений ругань конкретизируется сразу в двух аспектах: наущение греху и издевательское, злое высмеивание чужого порока («согреших сквернословием, наущении злу и греху, смехом над чужим грехом» (л. 12 об.)).

Как и в рассмотренных выше вопросниках, пристальное внимание уделяется блудным грехам. Эти поновления сформулированы подробно и указывают на разнообразные виды половых отношений, бытовавших в России XVIII в.: «Согреших скверным разъеданием похоти и помыслами блудными на женщин, мужчин и на всяких животных. Согреших блудом с мужским и женским полом и сам в себе» (л. 13). Е. Левина пишет, что гомосексуализм и скотоложество считались грехами столь же серьезными, как гетеросексуальное прелюбодеяние. За подобные нарушения полагалась 15-летняя епитимья [7; 344].

Завершаются поновления осознанием кающимся полноты своей греховности: «Прости и помилуй меня, Господи. Прости мне бесчисленные прегрешения мои. Прости мне множество грехов моих ради Пречистой Твоей Матери, честнаго креста и трехдневнаго воскресения» (л. 16).

Оба представленные в статье памятника покаянной дисциплины дают интересный материал для исследования принципов редактирования покаянных текстов в старообрядческой среде.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной Церкви : в 3 т. Одесса, 1894. Т. 1. 621 с.
2. Апостольские постановления. Книга 2 [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/04/2/constit_apost.htm, свободный.
3. Правила святого Василия Великого [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/canons/0370vasi.html>, свободный.
4. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV—XIX веках. С.-Петербург, 2006.
5. Келейное правило Серафима Саровского [Электронный ресурс]. URL: <http://sl.btv.ru/MolityvSerafima/molitva-kel-pravilo-serafima.html>, свободный.
6. Преподобный Ефрем Сирийский. О покаянии. Москва, 2002. 458 с.
7. Требник. Киев, 1796.
8. Протоиерей Георгий Горденцев. Об участии младенцев, умерших некрещеными [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/deti/ob-uchasti-mladentsev-umershih-nekreshhyony-mi>, свободный.
9. Святитель Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии. Беседа 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/svoenasledie/ioannzlatoust/3/>, свободный.
10. Левина Е. Секс и общество в мире православных славян, 900—1700 // «А се грехи злые, смертные...» : любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.) : сб. ст. / под ред. Н. Л. Пушкаревой. Москва, 1999. С. 239—492.
11. Тертуллиан. Творения : в 4 ч. С.-Петербург, 1849. Ч. 2. С. 90—95.
12. Юрков С. Я. «Смеховая» сторона антимира : скоморошество [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/s/Skomoroh.html>, свободный.

REFERENCES

1. Almazov A. I. Secret confession in the Orthodox Eastern Church: in 3 vol. [Taynaya ispoved v pravoslavnoy vostochnoy Tserkvi: v 3-h t.]. Odessa, 1894. Vol. 1. 621 p.
2. Apostolic resolutions. Book 2. [Apostol'skie postanovleniya..Kniga 2]. Available at: http://krotov.info/acts/04/2/constit_apost.htm (accessed 26 May 2014).
3. Terms of St. Basil the Great. [Pravila svyatogo Vasiliya Velikogo]. Available at:

- <http://krotov.info/acts/canons/0370vasi.html> (accessed 26 May 2014).
4. Archpriest Georgiy Gorodentsev. About a fate of the babies, died the non-Christian. [Ob uchasti mladentsev, umershikh nekreshchenymi]. Available at: <http://azbyka.ru/deti/ob-uchasti-mladentsev-umershikh-nekreshhyony-mi> (accessed 26 May 2014).
  5. St. John Chrysostom. Conversations about a repentance. Conversation 7 [Besedy o pokayanii. Beseda 7]. Available at: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/svoenasledie/yoannzlatoust/3/> (accessed 26 May 2014).
  6. Korogodina M. V. Confession in Russia in the XIV—XIX centuries. [Ispoved' v Rossii v XIV—XIX vekakh]. St.-Petersburg, 2006.
  7. Levin Eve. Sex and society in the world of the Orthodox Slavs. [Seks i obshchestvo v mire pravoslavnykh slavyan], 900—1700 // «Sins angry, mortal...»: Love, sensuality, and sexual ethics in preindustrial Russia (10th century — first half of the 19th century). [«A se grekhi zlye, smertnye...»: Lyubov', erotika, i seksual'naya etika v doindustrial'noy Rossii (X — pervaya polovina XIX v.)] / the collection of articles edited by N. L. Pushkareva. Moscow, 1999. P. 239—492.
  8. Private rule Seraphim of Sarov. [Keleynoe pravilo Serafima Sarovskogo]. Available at: <http://sl.btv.ru/MolityvSerafima/molitva-kel-pravilo-serafima.html> (accessed 26 May 2014).
  9. Monk Ephrem The Syrian. About repentance. [O pokayanii]. Moscow, 2002. 458 p.
  10. Tertullian. Creations in four parts. [Tvoreniya v chetyryokh chastyakh]. St-Petersburg, 1849. Part 2. P. 90—95.
  11. Missal [Trebnik]. Kiev, 1796.
  12. Yurkov S. Ya. «Humorous» side of the antiworld: clowning. [«Smekhovaya» storona antimira: skomoroshestvo]. Available at: <http://ec-dejavu.ru/s/Skomoroh.html> (accessed 26 May 2014).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Национальная библиотека Республики Карелия. Чин погребения и чин исповеди. № 306022. Л. 59—101. Далее цитируем рукопись с указанием номера листа в скобках после цитаты. Описание рукописи см.: Памятники книжной старины Русского Севера : коллекция рукописей XV—XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 387 (описание выполнено Е. Н. Кутьковой). В середине XIX в. рукопись принадлежала крестьянам Каргопольского уезда Олонецкой губернии.

[2] Описание рукописи см.: Там же. С. 266 (описание выполнено В. М. Быковой). Далее цитируем рукопись с указанием номера листа в скобках после цитаты.

[3] При этом мы осознаем, что авторитетными для старообрядцев были дониконовские издания московского Печатного двора. К сожалению, с дониконовским изданием Требника (Требник. М., 1647) нам удалось ознакомиться только на заключительном этапе работы. Но обращение к этой книге не отменяет основных выводов, содержащихся в настоящей статье.

*

*

*

Keywords:

*

*

vasiljevden@yandex.ru

Summary:

*

УДК 8.821.161.1

Славянские рукописи в архивах и библиотеках Швеции

ГРИШКЕВИЧ
Екатерина
Дмитриевна

*аспирантка 2-го года обучения, кафедра русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
Петрозаводск, katerina.grishkevich@gmail.com*

Ключевые слова:

рукописи
древнерусская письменность
археография
Швеция

Аннотация:

Статья посвящена истории изучения славянских рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах Швеции. Многие древнерусские памятники были привезены в страну в качестве трофеев в результате военных столкновений с русскими. Появление других связано с оживлением русско-шведских экономических связей, наблюдавшихся в XVII в. В работе содержится информация о наиболее крупных собраниях рукописей и старопечатных книг, рассказывается об истории их описаний. Особое внимание уделяется проблеме исследования рукописного материала, а также поэтапной систематизации накопленных данных.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Швеция является обладательницей сравнительно небольших собраний памятников древнерусской письменности. В общей сложности в ее архивах и библиотеках хранится около 150 славянских рукописей и более 300 старопечатных книг [5]. По своему составу эти коллекции неоднородны: они включают в себя памятники различного содержания и объема с довольно широким диапазоном датировки (XIII—XIX вв.).

Существенный интерес представляет вопрос появления и распространения древних славянских книг в Швеции. Хорошо известно, что многие из них были привезены в страну в качестве трофеев, захваченных в военных столкновениях с русскими. Так, в 1617 г., когда шведские войска после подписания Столбовского мира покидали Новгород, находившийся в оккупации с 1611 г., они забрали с собой административный архив города [13; 285]. Ныне местом его хранения является Государственный архив Швеции.

Следует отметить, что особую ценность для шведов представляли пергаменные рукописи, использовавшиеся в утилитарных целях: они применялись в качестве обложек и переплетных листов канцелярских документов и хозяйственных отчетов. Как следствие, пергаменные фрагменты из древнерусских книг, находящиеся в Королевской библиотеке в Стокгольме, а также в университетской библиотеке г. Упсала, в основном были извлечены из переплетов неславянских книг [11; 168—169]. Не исключено, что некоторые пергаменные рукописи до сих пор остаются не найденными. Одна из статей финской исследовательницы М. Б. Виднэс рассказывает об отрывке из древнерусской псалтыри, который был случайно обнаружен в библиотеке г. Вестерос в переплете немецкой книги 1620 г. [9]. Внимательное изучение фрагмента позволило установить, что его почерк имеет сходство с рукописью, некогда принадлежавшей Нереецкой церкви Новгорода. Как полагает М. Б. Виднэс, обе рукописи происходят из одной и той же новгородской школы писцов XIV в. Другие 6 листов пергамена,

являющиеся отрывками из Евангелия XIV в., по свидетельству Э. Лёфstrand, служили папкой для счетов Нюландского полка. Язык данных фрагментов содержит особенности, типичные для псковского региона [12].

Впрочем, военные походы были не единственным путем миграции древнерусских книг. Несмотря на то что условия Столбовского мирного договора были неблагоприятными для России, он стал началом периода тесных экономических связей, имевших место на протяжении всего XVII в. Так, некоторые пункты договора предусматривали открытие торговых дворов в Стокгольме, Выборге, Ревеле, Новгороде, Пскове, Москве. В статье А. В. Князевской, написанной в соавторстве с А. П. Шёбергом, высказано предположение о наличии в шведских землях не только в XVI—XVII вв., но и в XIV—XV вв. «населения, читавшего древнерусские книги» [11; 171]. Возможно, это были выходцы из северо-западных земель Руси или шведы, приобщившиеся к чтению славянской литературы.

Несмотря на несомненную ценность славянских рукописных коллекций, хранящихся в Швеции, они привлекали внимание сравнительно немногих. Время от времени отдельные рукописи становились объектом изучения специалистов, которые обращались к ним исходя из своих конкретных исследований. Основная проблема, надо полагать, заключалась в отсутствии научного описания коллекций славянских книг в составе фондов шведских библиотек и архивов. Вплоть до 2010 г. не существовало единого каталога, который содержал бы список всех известных древнерусских памятников на территории Швеции, что, безусловно, значительно осложняло исследовательские поиски.

Вопрос о необходимости описания пергаменных отрывков из древнерусских рукописей в Скандинавии впервые был поставлен К. Кнутссоном в 1937 г. [10]. Он же сообщил отдельные сведения об их количестве и местах хранения. Работа над выявлением и исследованием пергаменных фрагментов была продолжена уже выше упомянутым А. П. Шёбергом — профессором Стокгольмского университета, где он возглавлял кафедру славянских и прибалтийских языков с 1967 по 1990 г. Для помощи в создании научного описания рукописей А. П. Шёберг пригласил хорошо известного русского археографа О. А. Князевскую. К работе по сбору и анализу материала были привлечены научные сотрудники Стокгольмского университета. Итогом длительного и кропотливого труда явилось издание целого ряда рукописных фрагментов, а также каталогизация материалов. Автором каталога, содержащего подробную информацию обо всех найденных в Швеции пергаменных отрывках, стал Л. Стенсланд, талантливый шведский славист, ученик А. П. Шёберга [7]. К слову сказать, ему же принадлежит монография, посвященная исследованию стокгольмского списка древнерусской толковой азбуки «Аще не бы во гробе положен еси, Господи», в рамках которой были осуществлены публикация этого уникального памятника и его сравнение с русскими списками [8].

Объектом пристального внимания ряда ученых явился Новгородский оккупационный архив 1611—1617 гг., хранящийся в Государственном архиве в Стокгольме. Он был открыт в первой половине XIX в. С. В. Соловьевым, профессором русского языка и литературы Гельсингфорского университета [13; 285]. В 1880-х гг. архивом заинтересовался К. И. Якубов и после рассмотрения части документов составил на них каталог. Остальные материалы в начале 1900-х гг. описали С. Классон и М. А. Полиевктов. Более подробная характеристика рукописей полвека спустя была дана Х. Бирнбаумом. В 1970-х гг. с документами оккупационного архива стал работать А. П. Шёберг, посвятивший им ряд статей [6], [3]. Кроме собственно рукописей и их лингвистических особенностей, исследователя привлекал исторический контекст эпохи: в область его научных интересов входили отношения между новгородцами и шведами, роль конкретных исторических фигур в период оккупации. Так, предметом нескольких статей полемического характера, вышедших из-под его пера, стали жизнь и творчество Ивана Тимофеева, автора знаменитого «Временника». Изучению кабальных книг и купчих записей Новгородского архива посвятили свои работы Х. Сундберг и И. Нордландер.

Любопытна история крупного собрания древнерусских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в университетской библиотеке г. Упсала «*Carolina Rediviva*». Его основу составляют памятники из коллекции шведского дипломата Й. Г. Спарвенфелда, которую он собрал за время своего пребывания в Москве в 60-х гг. XVII в. и впоследствии подарил библиотеке. Вклад в расширение фонда внесли Н. Бергиус, Д. Челандер [1]. Описание большей части рукописей в его составе было осуществлено русским исследователем и богословом Н. Н. Глубоковским в 1918 г. Созданный им каталог был переведен на французский язык и аннотирован А. Рубцом. Описанием собрания славянских памятников из Упсальской университетской библиотеки занималась также К. Давидссон, составленный ею каталог вышел из печати в 1975 г. [2].

В 2010 г. состоялась публикация каталога, содержащего список всех известных на данный момент славянских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в Швеции. Эта огромная работа по

систематизации и описанию фондов и архивов библиотек была проделана А. Гранберг, П. Амбросиани, И. Лусен и А. Пересветовым-Маратом. Электронный вариант каталога есть в открытом доступе на английском и шведском языках на сайте Гётеборгского университета (URL: <https://gupea.ub.gu.se/>). Создание такого каталога имеет важное значение для изучения древнерусского наследия на территории Швеции. Будем надеяться, что оно привлечет внимание ученых и послужит импульсом для проведения дальнейших археографических исследований как собраний, так и отдельных памятников письменности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Granberg A. Digitaliserade beskrivningar av slaviska kyrilliska handskrifter och äldre tryckta böcker vid svenska bibliotek och arkiv [Electronic resource]. URL: http://www.gu.se/digitalAssets/1302/1302636_Granberg-ProjektbeskrivningDigitaliserade_beskrivningar.pdf
2. Davidsson C. *Sobranie slavjanskich rukopisej v biblioteke universiteta v Upsale* // *Slavica Lundensia* 3 (p.). Lund, 1975. P. 57—86.
3. Löfstrand E. «В начале бе слово» — om språkhistorisk forskning // *Institutionen för slaviska och baltiska språk femtio år (högtidsföreläsningar 25 november 1994)*. Stockholm, 1995. P. 17—26.
4. *Medieval Book Fragments in Sweden. An International Seminar in Stockholm 13—16 November 2003*. Stockholm, 2005. P. 210—225.
5. *Preliminary Inventory of Slavic Cyrillic and Glagolitic Manuscripts and Early Printed Books in Sweden* [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/2077/24090>
6. Sjöberg A. *Riksarkivet — en guldgruva för slavister* // *RA-nytt*. 1985. № 3. P. 27—31.
7. Steensland L. *Trash and Treasure. Russian Parchment Fragments in Swedish Archives* // *Medieval Book Fragments in Sweden. An International Seminar in Stockholm 13—16 November 2003*. Stockholm, 2005. P. 210—225.
8. Steensland L. *Если бы Господь не был в гроб положен (об одной малоизвестной толковой азбуке)*. Stockholm, 2006. 216 p.
9. Виднэс М. Б. *Неизвестный отрывок псалтыри из Вестероса в Швеции* // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Ленинград, 1971. Т. 27. С. 352—356.
10. Кнутссон К. *О нескольких русских пергаментных фрагментах евангельских чтений в Швеции* // *Slavia* 15. Praha, 1937. P. 53—72.
11. Князевская О. А. *Древнерусские пергаменные рукописи Швеции* / О. А. Князевская, А. П. Шёберг // *Археографический ежегодник за 1980 г.* Москва, 1981. С. 167—171.
12. Лёфstrand Э. *Швеция и Псков [Электронный ресурс]*. URL: http://www.sweden.se/upload/Sweden_se/Russian/publications/pdf_2004/Sweden_and_Pskov_in_Russian.pdf, свободный.
13. Нордландер И. *Оккупационный архив Новгорода 1611—1617 гг.* // *Новгородский исторический сборник*. Санкт-Петербург, 1997. Вып. 6 (16). С. 285—289.

REFERENCES

1. Granberg A. *Digitaliserade beskrivningar av slaviska kyrilliska handskrifter och äldre tryckta böcker vid svenska bibliotek och arkiv* [Electronic resource]. URL: http://www.gu.se/digitalAssets/1302/1302636_Granberg-ProjektbeskrivningDigitaliserade_beskrivningar.pdf
2. Davidsson C. *Sobranie slavjanskich rukopisej v biblioteke universiteta v Upsale* // *Slavica Lundensia* 3 (p.). Lund, 1975. P. 57—86.
3. Löfstrand E. «В начале бе слово» — om språkhistorisk forskning // *Institutionen för slaviska och baltiska språk femtio år (högtidsföreläsningar 25 november 1994)*. Stockholm, 1995. P. 17—26.
4. *Medieval Book Fragments in Sweden. An International Seminar in Stockholm 13—16 November 2003*. Stockholm, 2005. P. 210—225.
5. *Preliminary Inventory of Slavic Cyrillic and Glagolitic Manuscripts and Early Printed Books in Sweden* [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/2077/24090>
6. Sjöberg A. *Riksarkivet — en guldgruva för slavister* // *RA-nytt*. 1985. № 3. P. 27—31.
7. Steensland L. *Trash and Treasure. Russian Parchment Fragments in Swedish Archives* // *Medieval Book Fragments in Sweden. An International Seminar in Stockholm 13—16 November 2003*. Stockholm, 2005. P. 210—225.
8. Steensland L. *Если бы Господь не был в гроб положен (об одной малоизвестной толковой азбуке)* [Eсли by Gospod' ne byl v grob polozhen (ob odnoy maloizvestnoy tolkovoy azbuke)]. Stockholm, 2006. 216 p.

9. Knutsson K. About several Russian parchment fragments of the gospel in Sweden [O neskol'kikh russkikh pergamentnykh fragmentakh evangel'skikh chteniy v Shvetsii]. *Slavia* 15, 1937. P. 53–72.
10. Knyazevskaya O. A., Sjöberg A. P. Sweden's Old Russian parchment manuscripts [Drevnerusskie pergamennye rukopisi Shvetsii]. *Archaeographical year-book of 1980* [Arheograficheskiy ezhegodnik za 1980 g.]. Moscow, 1981. P. 167–171.
11. Ljofstrand E. Shvetsiya i Pskov [Sweden and Pskov]. [Electronic resource]. URL: http://www.sweden.se/upload/Sweden_se/Russian/publications/pdf_2004/Sweden_and_Pskov_in_Russian.pdf
12. Vidnes M. B. An unknown fragment of the psalter from Vesterås in Sweden [Neizvestnyy otryvok psaltyri iz Vesterosa v Shvetsii]. *Works of the Old Russian Literature Department* [Trudy Otdela drevnerusskoy literatury]. Leningrad, 1971. Vol. 27. P. 352–356.
13. Nordlander I. Occupational archive of 1611–1617 [Okkupatsionnyy arhiv Novgoroda 1611–1617 gg.]. *Novgorod historical compendium* [Novgorodskiy istoricheskiy sbornik]. St. Petersburg, 1997. vol. 6(16). P. 285–289.

*

*

*

Keywords:

*

*

katerina.grishkevich@gmail.com

Summary:

*

УДК 398.2

«Сказки водлозерья» в контексте локальной фольклорной традиции

**ЛОЙТЕР
Софья
Михайловна**

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и
журналистики,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, sofia5@sampro.ru*

Ключевые слова:

традиция
сказка
несказочная проза
вариант
сюжет
детский фольклор

Аннотация:

Выход в свет сборника «Сказки Водлозерья» — второго (первый «Предания и былички») собрания с грифом «Памятники русского фольклора Водлозерья» — явился основанием обратиться к устно-поэтической традиции отдельной, обособленной в силу многих причин территории Пудожского района Карелии, которая с древнейших времен была местом компактного проживания особой этнолокальной группы населения — «водлозёров». Обретя статус Национального парка «Водлозерский», эта территория в последние десятилетия стала объектом пристального внимания. В статье воссоздается история изучения фольклорной традиции края, особо рассматриваются два названных собрания. Доминантой статьи является анализ, по существу подробная рецензия на сборник «Сказки Водлозерья», выясняющая как научный уровень издания, так и особенности сказочной традиции Водлозерья в соотнесенности со сказочной традицией всего Пудожского края. В статье предлагается обзор и других публикаций, содержащих материалы о фольклорной культуре Водлозерья.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Статья инициирована выходом в свет нового фольклорного издания – сборника «Сказки Водлозерья» с грифом «Памятники русского фольклора Водлозерья» [16]. Фольклористике известна определяющая народную традицию края серия «Памятники фольклора Карелии», в которой появились такие издания, как «Русская свадьба Карельского Поморья» [13], «Русские эпические песни Карелии» [14], «Русские народные сказки Пудожского края» [12], «Сказки Заонежья» [17], «Русский детский фольклор Карелии» [11]. И вот теперь устно-поэтическая традиция Водлозерья, расположенного в восточной части Пудожского района и входящего в его состав, обретает свою особость и утверждается отдельной, самостоятельной серией. Этому есть вполне закономерные основания, изложенные и интерпретированные в фундаментальной монографии этнографа К. К. Логинова: с древнейших времен Водлозерский край оказался местом компактного проживания особой этнолокальной группы населения — «водлозёров», которая «прошла собственный путь исторического и этнического развития, тесно связанного с судьбами всего Русского Севера. Малая численность не помешала им сформироваться в особую локальную группу русских Карелии, создать достаточно яркую и самобытную культуру» [3].

Еще в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг, отправившийся за былинами вслед за первооткрывателем «Исландии русского эпоса» П. Н. Рыбниковым, охарактеризовал Водлозерье как самые отдаленные

места, в коих «еще совершенно живуч народный эпос и может там долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа» [1]. Побывавшие в Водлозерье в конце 1880-х гг. этнографы брат и сестра Н. Н. и В. Н. Харузины оставили свои описания и зафиксированные тексты заговоров и рассказов о существах низшей мифологии [19]. В 1928 г. известные фольклористы братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, руководители знаменитой экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», записавшей в Водлозере более 100 только эпических текстов (23 духовных стиха, 10 исторических и солдатских песен, 20 баллад), в очерке «В поисках былин» писали: «...после Шалы и Пудожа мы особенно детально обследовали озерный край Водлозеро, изолированный и затерянный, “загнано место”, как говорят местные крестьяне» [8]. Позже Б. М. Соколов в журнале «Читатель и писатель» в отдельном очерке «Поэзия Водлозера. (Из записок исследователя)» высказался более определенно: «Далекое глухое Водлозеро. “Загнано место”, как выражаются сами водлозеры. Около 70 километров от Пудожа. Кругом леса. Колесная дорога, и то сравнительно недавняя, только от Пудожа. Кругом же колесных дорог нет, только лесные тропы. Люди ходят пешком или ездят верхом на мешках. Кладь везут на волокушах, на полозьях или просто кольях, колеса там не нужны. Это кругом озера, а вся жизнь водлозерских селений сосредоточена на нем, на самом этом “озерушке”. Тридцать деревень разместились на его бесчисленных островах. Население и им сделало учет: “их столько и малых и больших, сколько дней в году, да еще один”. Сообщаются только на лодках, других сообщений нет. Островная культура» [18].

Территории эти, изолированные от соседей бездорожьем, остающиеся до сих пор трудно доступными и ставшие одним из крупнейших в мире резерватов дикой природы, в 1991 г. обрели статус Национального парка «Водлозерский». Его основной задачей является сохранение уникальной природы и не менее уникального культурного наследия. И это стало немаловажным стимулом в изучении фольклорной традиции и создании банка данных.

В выше названной и цитированной статье Б. М. Соколов писал: «Нет ни одного острова, ни одного “наволока”, ни одной “луды”, т. е. мели (подводных камней), на Водлозере, какие бы ни были обвеяны разными поэтическими легендами и преданиями. Целая огромная водлозерская... мифология».

И эта мифология уже воплотилась, предстала в отдельном, самостоятельном сборнике несказочной прозы «Предания и былички», вышедшем с грифом «Памятники русского фольклора Водлозерья» [10]. Составитель и создатель этого издания В. П. Кузнецова — один из опытейших собирателей фольклора Карелии, на счету которой огромное количество записанных и уже обнародованных текстов разных жанров. «Предания и былички» — первый специальный сборник мифологической прозы Карелии, соответствующий статусу научного издания. Его тексты — а это 9 преданий и 127 быличек — записывались преимущественно в 1970—1990-е гг. многими известными собирателями Карелии — А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной, К. К. Логиновым, Т. А. Коски, Т. В. Краснопольской, самой В. П. Кузнецовой.

Былички сборника локально отражают весь спектр сюжетов, мотивов и персонажей низшей мифологии. Наиболее яркая ее страница — многочисленные и популярные рассказы о лешем. «Портрет» лешего далек от того, который дошел до нас с лубочных картинок середины XIX в.: рога, козлячьи ноги. Облик лешего и его ипостаси в водлозерских быличках необычайно разнообразны: то он показывается обыкновенным человеком, то является в облике военного, то человека с собачкой, то черного человека, то старика, то медведя. Он «высокой и в таком не балахоне, а как плаще», «сам такой черный, глаза большие, нос такой длинный», «дедушка с кушаком опоясаносе, в балахоне», «черный человек с черной собачкой». Леший водит, пугает действиями и звуками, громко свистит, шумит вершинами деревьев, вредит попавшей в его владения скотине. Но он и наказывает того, кто оскверняет лес руганью. «Я зато в лисях дак вообще не ругаюсь» [10]. Пошел в лес пьяным — «так меня захлыстал, захлыстал. ...больше никогда пьяным не пойду» [10]. В этих рассказах отразились не только народные суеверия, но и представления о нормах поведения людей в лесном царстве, о нарушении этих норм.

Жизнь на воде, жизнь, связанная с «озёрушкой», хозяйственная деятельность и культ воды сделали водяного (водяника) вторым по популярности мифологическим персонажем водлозерских быличек — 17 из 121 текста¹. Водлозерские водяные имеют устойчивый «портрет», место обитания, а их появление истолковывается рассказчиками как предвестие драматических событий, неотвратимость несчастного происшествия. И эта функция водяного оказывается преобладающей.

Зато многочисленные домовые, баенные, черти водлозерских быличек лишены поэтического ореола, который характерен для образов лешего и водяного. Они обыденны и будничны.

Былички сборника серии «Памятники русского фольклора Водлозерья» — особый мир локальной

мифологической традиции с ее самобытным, первородным и ушедшим/уходящим словом.

«Сказки Водлозерья» — вторая книга новой серии. Это 90 текстов, отобранных из более 150. Как свидетельствуют данные научного комментария и вступительная статья А. С. Лызловой, все они записаны в XX в. главным образом сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК), затем ИЯЛИ КарНЦ РАН и хранятся в его научном архиве и фонограммархиве.

В истории собирания сказок Водлозерья составитель сборника А. С. Лызлова обозначает три периода. Первый период — 1930—1940 гг., когда в результате единичных записей дошло 11 сказок: это записанная в 1938 г. В. Р. Дмитриченко сказка-анекдот от жителя д. Вама Г. И. Коренева, сказка М. Е. Болтушкиной, записанная в 1940 г. К. В. Чистовым и Б. Е. Маргулис (Чистова) в д. Колгостров, и 9 сказок, записанных в 1945 г. А. В. Беловановой от четырех жителей в разных населенных пунктах. Второй, самый «урожайный» период — 1970-е гг. (экспедиции в Пудожье 1973, 1974 и 1977 гг., их участники А. П. Разумова, Т. А. Коски, Т. И. Сенькина, Т. С. Курец, Е. И. Русакова, студентки Петрозаводского университета М. Нигметова и О. Устинская), когда было записано 130 сказок. Третий период уже явного исчезновения, угасания жанра — 1990-е гг., когда В. П. Кузнецовой, С. В. Куликовым, А. А. Лапиным было записано 20 сказок.

Большая часть записей сказок Водлозерья названы в «Описи коллекций текстов сказок Пудожского района КАССР архива КарНЦ» (см. Куганаволокский сельсовет, № 435—538; опубликована лишь одна из них — № 450 «Про Филиста») в уже упомянутом сборнике «Русские народные сказки Пудожского края» [12]. В этом собрании помещены сказки нескольких подлинных мастеров с большим и разнообразным репертуаром. Это А. М. Пашкова, известная как талантливая вопленица и исполнительница былин. От нее записано 12 сказок и среди них оригинальная версия сюжета «Об Ерше», открывающаяся таким стихотворным зачином: «В Водлозерском озере зародился ерш-щетиник, ерш-ябедник, слюноватый рот, пулеватый нос, острая щетина, лихая образина» (№ 39). Упоминание Водлозерского озера неслучайно: А. М. Пашкова долго жила в д. Семеново, что на реке Водле, вытекающей из одноименного озера. Другая замечательная сказочница из той же деревни — Ирина Павловна Савинкова, от нее записаны 43 сказки.

Настоящими мастерами монументальной волшебной сказки являются Федор Федорович Кабренов и Михаил Осипович Дмитриев, знаток «долгой» волшебной сказки. В водлозерском сборнике, в отличие от пудожского, сказочников-мастеров нет. Остается предположить, что из-за непроходимости и изолированности собирание и записывание сказок на Водлозере началось слишком поздно, когда уже многое кануло в лету, было забыто и утрачено. Между тем, как бы ни были значительны и важны имена мастеров-сказочников, они ни в коей мере не умаляют место и роль неизмеримо большего числа «рядовых» исполнителей, без которых невозможна всесторонняя и полная картина любой, и локальной — как в нашем случае, традиции.

Уместно вспомнить слова английского фольклориста А. Б. Лорда: «Любой из сказителей, даже самый посредственный, в такой же мере представляет традицию устного эпического сказительства, как и самый одаренный из них — Гомер» [5]. Именно поэтому так важно для сохранения традиции присутствие в народной культуре «рядовых» водлозерских исполнителей сказок. Среди них немало обладателей хорошей эпической памяти и большого репертуара.

52 сказки, о чем свидетельствует названная Опись, записаны от Е. М. Лёвиной из д. Пога, из них в новом сборнике впервые публикуются 15 сказок. Здесь же помещено 9 сказок Е. И. Ладзяновой из д. Бостилово, 10 сказок М. П. Егоровой из д. Канзанаволок, 7 сказок от М. И. Пименовой из д. Пёлгоостров, 6 сказок от Л. Н. Суховой из д. Куганаволок.

В сборнике «Сказки Водлозерья» содержатся все разновидности жанра, однако преобладающее количество принадлежит волшебным сказкам: они составляют более половины текстов и около 50 сюжетов. Наиболее популярны сюжеты о чудесном супруге (СУС 425А — «Амур и Психея», СУС 432 — «Финист, ясный сокол») — сказки № 1, 31, 60 (оп.), № 50, 69, 14 (оп.); сюжет «Сивко-Бурко» — СУС 530А — сказки № 6, 11, 35 (оп.); сюжет «Мачеха и падчерица» — СУС 480 = АА480*В, = АА480*С, = АА480А — сказки № 10, 59 (оп.), № 66, 44 (оп.), № 15 (оп.). В сборнике немало волшебных сказок, основанных на контаминации мотивов разных сюжетов. Так, «Сказка про Кощея» (№ 74) Е. М. Лёвиной контаминирует СУС 402 «Царевна-лягушка» + СУС 400 = АА 400А = К 400 А, В, С «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» + СУС 302 «Смерть Кощея» + СУС 554 «Благодарные животные». Встречаются среди волшебных сказок трансформации и пересказы пушкинских или других литературных сказок, таковы «Сказка о золотой рыбке» — № 5, «Чудесные дети» — № 8, «Волшебное зеркальце» — № 12 Е. И. Ладзяновой.

Записаны совсем редкие сюжеты: в сказке Е. М. Лёвиной «Царь Тьма» (№ 75) только один мотив —

вознаграждение за гостеприимство — имеет соответствие в СУСе — 750В «Чудесный странник». А сказка той же Е. М. Лёвиной «Про Семена» (СУС 665 «Скорый гонец») в общерусской традиции известна лишь в пяти вариантах.

Памятуя о следовании канонам так называемой сказочной обрядности волшебной сказки, следует назвать ее типические места или традиционные формулы. Лучше всего сохранилась одна инициальная формула, которую обычно называют присказкой. Только ее исполнила А. И. Яшова из д. Бостилово: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, по здешну сторону сосняку, по таму сторону осинова камня, это не сказка, сказка вся впереди. Встамши до обеда, поедим теплого хлеба, похлебаем горячих щей, чтоб брюхо было товщей» (№ 14). Саму сказку не смогла вспомнить. («А дальше, тут вот дальше сказка, не скажу...»). А вот варианты этой формулы: «Не в некотором царстве, не в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на гладком месте, как на бороне, верст за двести в стороне. Это не сказка, а присказка, а сказка будет в субботу после обеда, когда поедим мягкого хлеба» — № 31 «Про Фифилиста»; «В некотором царстве, в некотором государстве жила-была семья...» — № 50 «Про зарю света ясного сокола»; «В некотором царстве, в некотором государстве жил купец...» — № 30. Однако и в волшебных сказках преобладает формула «жили-были», которая много встречается в «животных» сказках и других жанровых разновидностях. Срединные, медиальные формулы достаточно редки: «Шел-шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, по своим успехам дело деется» — № 31; «А сын у ей — по локоть руки в золоти, по колено ноги в серебри, а на спине частые звезды, а во лбу красное солнышко, в затылке светел месяц» — «Чудесные дети» № 43).

Среди преобладающих лаконичных концовок встречаются и такие финальные формулы: «Сколько знала, столько сказала. Половину манила, другу позабыла» — «Про богатырей» № 30; «И вот стали жить-поживать, счастливо живут, нас в гости ждут» — «Про зарю света Ясного Сокола» № 50.

Между тем именно волшебные сказки наиболее наглядно несут на себе печать деградации, разрушения. И это проявляется и в бытовой чрезмерности, и в подробностях и в детализации, которые ведут к исчезновению чуда: «Сын, сходи в город, на сто рублей купи чего-нибудь...» — «Волшебное кольцо» № 80; «Вот он пусть вспашет, пусть с моего двора вывозит весь навоз на поле, раскидает. Потом вспашет, посеет, сожнет, и пока я буду спать, чтоб калач горячий на столе был у меня с этого, с его хлеба» — «Сын-медведь» № 21; «Сходили, муки первосортной купили, первокачественной белой, там дрожжей и всего...» — «Сказка про Кощея» № 74.

Угасание, разрушение сказки — и в употреблении современных реалий и современной лексики: «Старуху в престарелый дом увезли. Дак вот и сейчас живее, нас переживе» (№ 9); «Он взял такую интеллигентскую женщину...» (№ 12); когда Иван задел стену, чтобы допрыгнуть до царевны, «сразу все зазвенело, как будто какой-не, как сигнализация, все это» (№ 2); и в использовании не свойственных сказке имен: Анна, Таня, Настя, Вася и др.

Сказок о животных в сборнике значительно меньше, но они, как и пудожская сказка в целом, обнаруживают тенденцию к сохранению «твердого», отлитого в устойчивую схему сюжета, сложившийся сказочный стиль со стиховыми припевками и хорошо разработанными диалогами (№ 37, 41 – СУС 61В = АА*61 II «Кот, петух и лиса»). К числу наиболее распространенных сюжетов относится СУС 163 = АА*162 «Пение волка», записанный четырежды (№ 4, 40, 57, 73). Популярен в Водлозерье широко известный на Русском Севере сюжет «За скалочку — гусочку» (№ 9, 49, 53, 16-оп, 19-оп, 30-оп), который контаминируется с сюжетом «Звери в саях у лисы» СУС 158 и в котором в северно-русских версиях вместо лисы действует старуха. Кстати, два таких варианта были записаны автором этих строк в 1971—1973 гг. в населенных пунктах, расположенных на берегах Водлы [4].

Есть среди «животной» сказки сборника редчайшие сюжеты: сказка «Поспорили два мороза, кто быстрее заморозит человека» (№ 87) — СУС 298А = АА *298 I = К 278 «Спор мороза с морозом», известна всего в двух общерусских записях; еще более редкий, известный одной записью сюжет СУС 36 «Заяц и лиса» — это короткая, ущербная сказка «О лисе и зайце» (№ 51).

По популярности и распространенности к сказкам о животных примыкают кумулятивные «Колобок» (СУС 2025 = АА296), «Репка» (СУС 2044 = 1960*DI) , «Смерть петушка» (СУС2021А = АА*241 I, 2032) и особенно докучные сказки (2300 = АА*2020). Их сохранность, как и большинства сказок о животных, обусловлена ориентированностью на детскую аудиторию, для которой они исполнялись. И это подтверждают биографические материалы о носителях сказки: чаще всего такие тексты детям рассказывают женщины. Ю. М. Вершинина из д. Бостилово: «Мама сказки рассказывала..» [9]. Е. М. Лёвина: «Длинные слышала от пожилых людей, рассказывала своим детям...» [9]. А. Г. Митрофанова из д. Чуяла: «Сказки слышала у своей матери, от нее научилась» [9].

В «Сказках Водлозерья» А. С. Лызлова выделяет сказки, рассказанные детьми (это четыре текста и четыре девочки-исполнительницы), что несколько преувеличенно называется «детской сказочной традицией». Две рассказчицы Светлана Бобкова, 6 лет (№ 32 «Маша и медведь») и Надежда Лёвина, 11 лет, внучка упомянутой Е. М. Лёвиной (№ 89 «Заработанный рубль») уже известны по сборнику И. А. Разумовой «Дети-сказочники» [2]. Его дополняют сказки Ольги Крюковой, 11 лет (№ 42 «Гуси-лебеди») и Гали Мининой, 12 лет (№ 46 «По щучьему велению»). И все эти исполнительницы подтверждают наше наблюдение, что дети в преобладающем большинстве не бывают носителями большого репертуара.

Новеллистические сказки и анекдоты Водлозерья немногочисленны. Среди них есть редкие сюжеты. К таким относится записанная в д. Куганаволок от Л. Н. Суховой сказка «Про ленивую жену» (СУС 1370 Е «Ленивая не хочет жать»), известная в общерусской традиции всего двумя вариантами. Именно поэтому приведу нашу запись 1972 г. «Сказки о ленивой жене», записанную от А. М. Пустошкиной, 78 лет из п. Шала, что стоит на реке Водле:

Жили Иван да Марья. Иван был проворной, хорошей, а Марья ленивая была. Вот он Марью отправит жать: «Иди, Марья, жни! Вечером приду, тебя запроведу». Она и уйдет. Немножечко выжнет, снопок-другой, да спать. Спит-спит, а вечером выстанет да пойдет. Придет, а Иван спрашивает: «Ну, Марья, много ли сделала?» А она отвечает: «Жала — устала, пошла — не считала». Иван бился-бился. Решил запроведать. Пришел он, Марья спит. Он наложил ножницы, выстриг ей полголовы. Марья на полосы проснулась. «По рукам я, по ногам я, а по плечи не я, плешь не моя».

Вот пришла домой, а Иван ужинает. Она спрашивает: «Иван, дома ли Марья?» — «Дома, дома». Она думает: «Вот беда, неужто не я?» Так Иван от Марьи отвязался, а так все бедовал» [4].

Среди носителей новеллистической сказки обращают на себя внимание исполнители-мужчины, которых можно отнести к сказочникам-балагурам. Это касается и 80-летнего С. П. Фофанова из д. Куганаволок (сказки № 60 —62), и Г. И. Коренева из д. Вама, от которого записана «Сказка о тулупе» (№ 16) и особенно П. Я. Леонтьева из д. Гумарнаволок, знатока солдатской сказки (№ 17—19), сохранивших раешный, юмористический в своей основе стих («был Наум — воровать пришло на ум, был Антон — тот давно думал об том; был Влас — я, говорит, добирался давно до вас»; «у меня есть новенька, только недоленька»).

В сборнике А. С. Лызловой полноценный, соответствующий статусу издания научный аппарат. Все тексты паспортизированы, сюжетно определены и прокомментированы, имеются Список исполнителей сказок, Список населенных пунктов, Словарь местных и малопонятных слов, Опись сказок Водлозерья, не вошедших в сборник, Указатель сюжетных типов, Список принятых сокращений. Вступительная статья «О сказочной традиции Водлозерья» обстоятельно представляет узко локальную сказочную традицию с ее местными приметами, колоритом, языком, но полностью обходит общую пудоожскую сказочную традицию, в контексте которой следовало бы рассматривать водлозерскую сказку. Локальное самосознание как определяющий фактор обособления, утверждает К. К. Логинов, не исключало того, что водлозеры «в исключительных случаях могли назвать себя и пудоожанами» [3].

Подытоживая, можно утверждать, что с появлением нового сборника стало известно еще одно важное звено региональной традиции. А научные издания сказок, которыми мы располагаем на сегодняшний день, — от «Северных сказок» Н. Е. Ончукова и сказок М. М. Коргуева до трилогии 1970—1980-х гг. — позволяют говорить о Карелии не только как о крае былин, но и о крае сказок. Что же касается Водлозерья, то его фольклорная традиция не исчерпывается сказкой и несказочной прозой.

В 2001—2006 гг. внимание фольклористов привлек детский фольклор Водлозерья. Представить жанровое разнообразие «поэзии пестования», сохранившейся на Водлозере к концу XX в., выделить локальные особенности репертуара этого района — такую цель поставила перед собой научный сотрудник музея-заповедника «Кижы» И. И. Набокова, записавшая в процессе полевой работы 18 колыбельных песен, 14 текстов потешек и прибауток, несколько детских сказок и текстов других жанров по культуре детства. Собранный ею и хранящийся в музейном архиве материал явился основой статьи «Поэзия пестования Водлозерского края». В статье приводится много текстов. Анализ собранного и ранее разрозненно опубликованного материала, охватывающего широкий временной пласт и представляющего народную практику трех поколений от рубежа XIX—XX вв. до наших дней, позволил И. И. Набоковой сделать вывод о существовании в прошлом стройной системы культуры детства на берегах Водлозера и констатировать ее затухание сегодня [7].

В течение нескольких десятилетий пристально изучала народную культуру д. Водла Пудоожского района и примыкающих к ней брошенных деревень (Нижний и Верхний Падуны, Верхняя и Нижняя Половины, Вирозеро, Кумбасозеро) московский архитектор, художник А. С. Монахова. С 2002 г. исследовательница работала в тесном контакте с фольклористами, этнографами, диалектологами,

музыковедами Карельского научного центра РАН, Карельской педагогической академии, Петрозаводской консерватории. Итогом стала необычная книга «Дивная Водла-земля», представляющая уникальный материал комплексных экспедиций, множество фотографий, рисунков, музейных раритетов, дневниковых записей, воспоминаний информантов и собирателей, статей ученых [6].

Книгу эту можно квалифицировать как научно-популярное издание, ценное и своим содержанием, и личностью автора, одержимо и бережно воссоздавшего уходящий уклад, быт, уходящую культуру. «Дивная Водла-земля» вбирает в себя фольклорный репертуар старожилов: описание свадебного обряда с песнями и причитаниями, старинные песни, среди которых много кадрильных, заговоры, деревенские романсы, частушки, загадки, сказки, мемораты и совершенно особый пласт — детский фольклор. Среди многих женщин-исполнительниц весьма преклонного возраста оказалось немало замечательных хранителей материнского фольклора, «поэзии пестования» — баек, потешек и пестушек, прибауток и песенок, сказок и игр.

О существовании фольклорной традиции на Водлозере свидетельствуют и два доклада на состоявшейся в сентябре 2013 г. Всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения — 2013» [15]. Доклад А. Б. Мороза «“Севернорусская легенда об олене” и ее византийские источники» посвящен бытовавшей на территории Водлозерья легенде о жертвоприношении (приводятся ее варианты), которая рассказывалась в связи с празднованием престольного праздника на Ильинском погосте [15]. Фольклорно-этнографический материал, «дополняющий материалы Н. Н. Харузина, братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, К. К. Логинова» (добавлю сборник «Предания и былички») приводит Е. А. Агеева, приоткрывая неизвестную страницу творчества собирателя Русского Севера С. Н. Дурылина (доклад «С. Н. Дурылин – собиратель фольклора Русского Севера (водлозерские материалы)» [15].

Издание серии «Памятники русского фольклора Водлозерья» необходимо продолжить.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983.
2. Дети-сказочники / сост. И. А. Разумова. Петрозаводск, 1995.
3. Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. Москва, 2006.
4. Лойтер С. М. Сказки и сказочники на берегах Водлы // Север. 1976. № 1. С. 109—113.
5. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона; послесл. Б. Н. Путилова; ст. А. И. Зайцева, Ю. А. Клейнера. Москва, 1994. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
6. Монахова А. С. Дивная Водла-земля. Москва, 2012.
7. Набокова И. И. Поэзия пестования Водлозерского края // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 116—129.
8. Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых, 1926—1928 : по следам Рыбникова и Гильфердинга : в 2 т. Москва, 2011. Т. 2.
9. Носители фольклорных традиций : (Пудожский район Карелии) / изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003.
10. Предания и былички / изд. подгот. В. П. Кузнецова; науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1997. (Памятники русского фольклора Водлозерья).
11. Русский детский фольклор Карелии / сост. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991 (Памятники фольклора Карелии).
12. Русские народные сказки Пудожского края / сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; науч. ред. Э. В. Померанцева. Петрозаводск, 1982. (Памятники фольклора Карелии).
13. Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежда и Нюхча) / изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски ; под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. Петрозаводск, 1980. (Памятники фольклора Карелии).
14. Русские эпические песни Карелии / изд. подгот. Н. Г. Черняева; науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1981. (Памятники фольклора Карелии).
15. Святые и святыни Обонежья : материалы Всероссийской науч. конф. «Водлозерские чтения — 2013», посв. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2—4 сентября 2013 года) / отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2013.
16. Сказки Водлозерья / сост. А. С. Лызлова ; науч. ред. Е. М. Неёлов. Петрозаводск, 2013. (Памятники русского фольклора Водлозерья).

17. Сказки Заонежья / сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986. (Памятники фольклора Карелии).
18. Соколов Б. Поэзия Водлозера // Читатель и писатель. 1928. № 5.
19. Харузина В. Н. На Севере : путевые воспоминания. Москва, 1890.

REFERENCES

1. Gilferding A. F. Olonets Province and its epic songs [Olonetskaya guberniya i ye narodnye rapsody] // *Onezhskie byliny, zapisannyye A. F. Gilferdingom letom 1871 goda*. [Onezhskie epic songs written by A. F. Gilferding in 1871]. Arkhangelsk, 1983.
2. Children story-teller [Deti-skasochniki] / by I. A. Razumova. Petrozavodsk, 1995.
3. Loginov K. K. Russian Ethnolocal group of Vodlozerye. [Etnolokalnaya gruppa russkikh Vodlozerya]. Moscow, 2006.
4. Loiter S. M. Tales and storytellers on the shores of Vodla. [Skazki i skasochniki na beregakh Vodly] // *Sever*. 1976. № 1. P. 109–113.
5. Lord A. B. Narrator of folk tales. [Skasitel] / translate from English by Y. A. Kleiner and G. A. Levinton. Moscow, 1994.
6. Monakhova A. S. Wonderful Vodla-Land. [Divnaya Vodla-zemlya]. Moscow, 2012.
7. Nabokova I. I. The Poetry of cherishing of Vodlozesky region. [Poeziya pestovaniya Vodlozerskogo kraya] // *Kizhi Vestnik*. № 12. Petrozavodsk, 2009. P. 116–129.
8. Unpublished materials of the Sokolov's expedition, 1926–1928. On the tracks of Rybnikov and Gilferding. [Neizdannyye materialy ekspeditsii B. M. i Yu. M. Sokolovykh, 1926–1928. Po sledam Rybnikova i Gilferdinga]. 2 volumes. Moscow, 2011. Volume. 2. P. 496.
9. The Keepers of Folklore Traditions (Pudozhsky region of Karelia) [Nositeli folklornykh traditsiy (Pudozhski rayon Karelii)] / by T. S. Kurets. Petrozavodsk, 2003.
10. Legends and bylichki. [Predaniya i bylichki] / prepared by V. P. Kuznetsova. Petrozavodsk, 1997.
11. Russian Children's Folklore of Karelia [Russkiy detskiy fol'klor Karelii] / prepared by S. M. Loiter. Petrozavodsk, 1991.
12. Russian Folk Tales of Pudozhsky region [Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraya] / prepared by A. P. Razumova, T. I. Senkina. Petrozavodsk, 1982.
13. Russian wedding ceremony of Karelian Pomorye (in the villages of Kolezhma and Nyukhcha) [Russkaya svad'ba Karelskogo Pomorya (v selakh Kolezhma i Nyukhcha)] / prepared by A. P. Razumova, T. A. Koski. Petrozavodsk, 1980.
14. Russian epic songs of Karelia. [Russkie epicheskie pesni Karelii] / edited by N. G. Chernyaeva. Petrozavodsk, 1981.
15. Saints and Holy things of Obonezhye: The Materials of All-Russian scientific conference «Vodlozerskiye reading — 2013» (2–4 September 2013) [Svyatye i svyatyni Obonezhya: materialy Vserossiyskoi nauchnoy konferentsii «Vodlozerskii chteniya — 2013»] / ed. by A. V. Pigin. Petrozavodsk, 2013.
16. Vodlozerye tales. [Skazki Vodlozerya] / prepared by A. S. Lyzlova. Petrozavodsk, 2013.
17. Zaonezhye Tales [Skaski Zaonezhya] / prepared by N. F. Onegina. Petrozavodsk, 1986.
18. Sokolov B. Poetry of Vodlozerye [Poeziya Vodlozerya] / A reader and a writer. 1928. № 5.
19. Kharuzina V. N. In the North. Travelling Reminiscences [Na Severe. Putevye vospominaniya]. Moscow, 1890.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сравни: 2 былички о водяном из 444 в кн.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1985; 18 из 380 в кн.: Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М., 2009.

*

*

*

Keywords:

*

*

sofia5@sampo.ru

Summary:

*

УДК 338.4

Внешняя торговля Карелии в условиях санкций

**ГЛАДКИХ
Екатерина
Геннадьевна**

*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической
теории и менеджмента,,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, Martyukova_e@mail.ru*

Ключевые слова:

торгово-экономические санкции
продуктовое эмбарго
экономика Карелии
экспорт Карелии
импорт Карелии

Аннотация:

Обострение политической обстановки на Украине зимой 2013—2014 гг., вхождение в состав Российской Федерации Крыма привели к ухудшению политических и экономических отношений нашей страны с западными государствами. В марте 2014 г. западные страны во главе с США и Евросоюзом применили механизм торгово-экономических санкций, пакет которых постоянно расширяется и дополняется. В свою очередь в августе 2014 года в качестве ответной меры Россия представила свой перечень санкций. В связи с этим в статье рассматриваются современные тенденции использования экономических санкций в качестве инструмента внешней политики государств. Обсуждаются санкции западноевропейских стран в отношении России в связи с политическим кризисом на Украине, а также современное состояние внешней торговли Республики Карелия, ее проблемы и ожидаемые последствия санкций. В статье автор анализирует санкции как инструмент внешнеэкономической политики государства. Рассмотрены современные тенденции применения экономических санкций, отмечено характерное для последних десятилетий постепенное замещение торговых санкций финансовыми, а также их незначительная эффективность. Автор дает общую характеристику антироссийских санкций, рассматривает ответные меры России в отношении продуктов питания из Евросоюза и некоторых других стран. Анализируется роль иностранных производителей на рынке российского продовольствия. В статье характеризуется состояние внешней торговли Карелии, обозначается проблема ее слабой диверсификации, а также преобладание сырья, товаров с низкой добавленной стоимостью, в карельском экспорте, что делает экономику Карелии более уязвимой и зависимой от состояния внешней конъюнктуры. Рассматриваются некоторые аспекты влияния санкций на карельскую экономику и делается вывод об их преимущественно негативном характере.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Начавшийся в конце 2013 г. и продолжающийся весь 2014 г. политический кризис на Украине привел к заметным изменениям не только на мировой политической арене, но и напрямую отразился на экономических взаимодействиях стран, так или иначе вовлеченных в конфликт. Россия, чьи геополитические интересы неразрывно связаны с Украиной, вынуждена отвечать на экономические санкции со стороны западноевропейских стран контрсанкциями. Как скажется такая война на региональной экономике? В каком состоянии пребывает сегодня внешняя торговля Республики Карелия? Чего стоит ожидать? Попробуем ответить на эти и другие вопросы.

Санкции в практике международных отношений

Согласно общепринятому подходу, санкции являются «односторонними или коллективными действиями против страны, которую считают нарушителем международного права, направленными на то, чтобы заставить это государство соблюдать закон» [1]. Для защиты собственных интересов у государств есть два основных актива: военная сила и экономическая мощь. При этом санкции — один из инструментов реализации экономической силы страны [1]. Чаще всего они принимают форму ограничений международной торговли, финансовых операций и перемещений людей. Таким образом, экономические санкции являются своеобразной альтернативой военному вмешательству, призванной решать международные конфликты с меньшими затратами и человеческими жертвами. Однако интересен тот факт, что, в отличие от войн, для которых были разработаны формальные правила, закрепленные в международных конвенциях, для торговых санкций международно-признанных правил не существует. На сегодняшний день ООН не ограничивает страны в применении экономических санкций.

Самой радикальной формой санкций является экономическая блокада. В XIX в. санкции принимали форму морских блокад, когда страна или коалиция стран разворачивали свой флот у берегов государства, с которым они формально не состояли в состоянии войны. Вследствие блокады отдельных портов или целого побережья прекращалась морская торговля. Первая известная морская блокада состоялась в 1827 г., когда во время греческой борьбы за независимость от Турции Великобритания, Франция и Россия развернули свои флоты у побережья Греции, с тем чтобы прервать снабжения турецких войск в континентальной Греции. В период между 1827 г. и началом Первой мировой войны была осуществлена 21 морская блокада. Как правило, их проводили сильные европейские государства в отношении слабых государств Азии и Латинской Америки [2]. Примером современной блокады являются меры в отношении Грузии, предпринятые Россией в октябре 2006 г., когда в одностороннем порядке были приостановлены авиационное, автомобильное, морское, железнодорожное и почтовое сообщение.

Экономические блокады являются «непроницаемыми» санкциями и реализуются с помощью комплекса экономических и военно-технических мер. Однако чаще всего санкции не бывают абсолютными. При их введении страна-объект не оказывается полностью отрезана от окружающего мира и в современной глобализированной экономике имеет возможность находить альтернативные рынки сбыта, закупок и финансирования, пусть и более дорогие. Таким образом, сегодня санкции не изолируют страну полностью, а скорее приводят к росту расходов во внешнеэкономической деятельности.

В XX в., после окончания Второй мировой войны, практика применения экономических санкций стала гораздо более распространенной. В 1950-х гг. было отмечено 15 случаев введения санкций, в 1960-х гг. — 20 случаев, в 1970-х гг. — 37, в 1980-х гг. — 23, в 1990-х гг. — более 50 случаев. Лидером по объявлению санкций в одностороннем порядке являлись США. В последние годы этот инструмент стали использовать более активно и страны Западной Европы, хотя коалиции по введению санкций чаще всего организуют Соединенные Штаты [2].

Санкции способны нанести ущерб экономике страны в целом, политическому режиму или частным интересам стоящих у власти политиков, интересам и конкурентоспособности отдельных отраслей экономики и промышленности, а также интересам отдельных финансово-промышленных групп, компаний, кланов.

В современной мировой практике применения санкций можно выделить несколько интересных аспектов — тенденций.

Во-первых, в последние десятилетия существенно расширился спектр целей применения санкций. Если в период между двумя мировыми войнами санкции применялись в основном для предотвращения (наказания) военных интервенций и как часть общих усилий государства в войне, то в последующие десятилетия санкции стали преследовать такие задачи, как прекращение региональных конфликтов, продвижения распространения демократии и политических свобод, утверждение прав человека, предотвращение распространения ядерного оружия, освобождения заложников и освобождение

захваченных территорий. «Санкции стали стандартным инструментом, используемым государствами-инициаторами для осуществления давления на страны-объекты по любому аспекту политики последних, с которыми страны-инициаторы были не согласны» [2].

Во-вторых, с течением времени санкции стали обходиться странам-субъектам все дешевле. Этот вывод можно сделать по данным исследования Л. Дэвиса и С. Энгермана [3]. Однако в указанном исследовании анализируются санкции, вводимые до 2000-х гг., т. е. до активного внедрения Интернета и информационных технологий в повседневную жизнь и экономику. Представляется, что сегодня, в условиях глобализации, а также усиления взаимозависимости экономик всех стран, «себестоимость» санкций для страны-инициатора может повыситься. Цена санкций для страны-инициатора включает следующие элементы: прямые потери для экономики страны-инициатора (снижение продаж и доходов, удешевление стоимости активов в стране-объекте санкций, принадлежащих компаниям страны-субъекта санкций, потери от снижения занятости в стране-субъекте); непрямые убытки (рост себестоимости производства, связанный с уменьшением объема производства, дополнительные расходы на лоббирование интересов бизнеса в правительстве с целью избежать введения санкций); потеря позиций на рынке страны-объекта (быстро заполняется либо иностранным конкурентом, либо местными производителями). Кроме того, от санкций есть и политический ущерб. Примером политических последствий введения американских и европейских санкций можно назвать Россию. Именно европейские санкции заставили Россию искать новых партнеров и единомышленников в Азии.

Помимо всего прочего, введение санкций никогда не повышает популярность страны, объявившей санкции, в глазах народа страны-объекта санкций. Так, например, по результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в августе 2014 г., среди стран, которые ввели санкции, подавляющее большинство россиян отмечали прежде всего США, а среди преследуемых санкциями целей самыми популярными ответами были: «Ослабить Россию, замедлить развитие и усиление влияния на мировой арене», «Руководители стран идут на поводу у США», «Пытаются доказать свое влияние, подавить, заставить подчиниться». Такие ответы дали в совокупности почти 60 % респондентов [4].

В-третьих, в большинстве случаев экономическим санкциям не удается нанести экономике страны-объекта существенного ущерба. Средняя результативность санкций в XX в. составила примерно 30 %. Кроме того, результативность санкций в период между 1945 и 1970 г. была в среднем выше, чем после 1970 г. [2]. Исключением стали санкции против Ирака в 1990 г., когда ВВП Ирака в результате санкций упал более чем на 42 %, а также санкции Великобритании против Родезии (1965—1979), стоившие Родезии 10 % ВВП. В большинстве других случаев падение ВВП стран-объектов санкций составило 3—8 %, что не является критическим для государства.

Причина снижения эффективности санкций [2] видится в глобализации, которая превратила мировую экономику в единый рынок, позволив странам значительно диверсифицировать экспортно-импортные потоки за счет доступа к международным рынкам. С другой стороны, как отмечает М. Братерский, «финансовая и информационная составляющие глобализации позволяют легче отслеживать прохождение международных платежей и финансовых потоков в целом, что дает развитым странам — обладателям мировых резервных валют больше возможностей вмешиваться в финансовую сторону мировой торговли и блокировать торговые операции через финансовую сферу. По этой причине в последние годы акцент в практике применения экономических санкций смещается с собственно торговых санкций на финансовые санкции» [2]. И это можно считать *четвертой* тенденцией в мировой практике применения санкций.

В-пятых, успех санкций не гарантируется участием в них крупного государства (как, например, США). Величина итогового экономического ущерба зависит от географических факторов (близости), сложившихся потоков торговли и сравнительных размеров экономик двух сторон. Как правило, торговые санкции вводятся страной с большей экономикой против страны с меньшей экономикой, делая тем самым возможные ответные меры бессмысленными. Успех санкций также зависит от внешней политики страны-объекта. Если она поддерживает со своими соседями хорошие отношения, результативность вводимых против нее санкций будет снижаться, так как страна-объект будет иметь много альтернативных возможностей для торговли. По этой причине страны, вводящие экономические санкции против некоего государства, обычно стремятся заручиться поддержкой соседей этого государства, даже если соседи не имеют прямого отношения к возникшему конфликту. А в современной глобализированной экономике с присущей ей открытостью и доступностью зарубежных рынков коллективный формат санкций в принципе является гораздо более эффективным [3].

Далее поговорим о санкционной войне России и западных стран, начавшейся из-за событий на Украине.

Санкции и контрсанкции 2014 года

В марте 2014 г. после вхождения Крыма в состав России ряд международных организаций, блоков и стран объявили о введении санкций в отношении России. С марта список санкций неоднократно дополнялся новыми мерами. Последнее расширение санкций произошло в сентябре этого года. В табл. 1 представлен перечень основных санкций по состоянию на начало ноября 2014 г.

Таблица 1

Санкции против России, введенные в связи с обострением политической ситуации на Украине, международными организациями и блоками (по состоянию на 11.11.2014)

Кто? (субъект санкций)	Что? (содержание санкций)
Европейский союз	<ul style="list-style-type: none"> • Введены санкции против 108 российских и крымских политиков и чиновников (запрет въезда на территорию Евросоюза или транзита, замораживание средств). • Отменены саммит Россия — ЕС, конференция «Энергетический диалог Россия — ЕС: газовый аспект». • Запрещена выдача в России виз жителям Крыма. • Введены санкции против более 30 компаний, в их числе: «Добролет», «Алмаз-Антей», «Сбербанк России», Банк ВТБ, «Газпромбанк», «Внешэкономбанк», «Россельхозбанк», российские оборонные концерны «Сириус», «Станкоинструмент», «Химкомпозит», «Калашников», Тульский оружейный завод, «Технологии машиностроения», НПО «Высокоточные комплексы», концерн ПВО «Алмаз-Антей» и НПО «Базальт» и др. • Европейский инвестиционный банк прекратил новое финансирование проектов в России. • В Крыму и Севастополе установлен запрет на инвестиции в инфраструктурные, транспортные, телекоммуникационные и энергетические секторы, а также добычу нефти, газа и минералов. Запрещена поставка оборудования для этих секторов, а также оказание для них финансовых и страховых услуг. Установлен запрет на покупку более 250 наименований товаров, среди которых полезные ископаемые минералы и углеводороды. Европейским финансовым структурам запрещено выдавать кредиты или приобретать доли в проектах, которые затронуты секторальными санкциями. • Наложено эмбарго на импорт и экспорт оружия и подобного материала в Россию; запрет на экспорт товаров двойного назначения и технологий для военного использования в Россию или российским конечным военным пользователям. Обязал экспортеров получать предварительное разрешение компетентных органов государств-членов на экспорт определенных видов энергетического оборудования и технологий в Россию, а также ввел запрет на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе и сланцевой нефти. • Запрещена организация долгового финансирования трех топливно-энергетических компаний России: «Роснефти», «Транснефти», «Газпром нефти». Запрещены торговля облигациями этих компаний со сроком обращения свыше 30 дней и участие в организации выпусков таких бумаг. • Введены ограничения на предоставление займов и инвестиционных услуг для «Сбербанка России», Банка ВТБ, «Газпромбанка», «Внешэкономбанка», «Россельхозбанка». Запрещена выдача им кредитов сроком более 30

	<p>дней, приобретение и торговля их новыми облигациями, акциями и подобными финансовыми инструментами сроком обращения более 30 дней.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Запрещена организация долгового финансирования для трех крупнейших оборонных концернов России: «Уралвагонзавода», «Оборонпрома», «Объединенной авиастроительной корпорации»
НАТО	<ul style="list-style-type: none"> • Россия исключена из процесса ликвидации сирийского химического оружия. • Приостановлены все формы сотрудничества с Россией, кроме переговоров на уровне послов и выше. • Отозвано ассоциированное членство российского парламента в Парламентской ассамблее НАТО. • Прекращено сотрудничество с Россией
ОЭСР	<ul style="list-style-type: none"> • Приостановлен процесс принятия России в состав ОЭСР
Совет Европы	<ul style="list-style-type: none"> • Отменены все запланированные мероприятия в России. • Российская делегация лишена права голоса, ее представителям запрещено занимать руководящие должности в Парламентской ассамблее Совета Европы, а также российским представителям запрещено участвовать в миссиях наблюдателей Парламентской ассамблеи Совета Европы до конца 2014 г.
Европейская организация по безопасности аэронавигации	<ul style="list-style-type: none"> • Запрещено осуществление авиаперелетов в Крым и в воздушном пространстве Крыма
G8 «Большая восьмерка»	<ul style="list-style-type: none"> • Отменен саммит «Группы восьми», который должен был пройти в июне в Сочи. • Приостановлено участие России
Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег	<ul style="list-style-type: none"> • Отменено запланированное пленарное заседание в Москве, несмотря на то что Россия в первом полугодии 2014 г. являлась председательствующей в организации страной. • Принято решение не проводить совместное пленарное заседание с Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма
ЕБРР	<ul style="list-style-type: none"> • Заморожено принятие решений о новых проектах в России
Командование воздушно-космической обороны Северной Америки	<ul style="list-style-type: none"> • Отменены совместные военные учения с Россией «Vigilant Eagle», которые должны были пройти у побережья Аляски

Источник: составлено автором.

Кроме указанных в таблице организаций, санкции были поддержаны и дополнительно введены отдельными странами, прежде всего США. Позднее к ним присоединились Канада, Швейцария, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Норвегия. Обобщая суть экономических санкций из вышеприведенного списка, надо отметить, что они нацелены прежде всего на ущемление интересов конкретных лиц и отдельные российские компании. На сегодняшний день под санкции со стороны ЕС, США и других стран попали 133 человека и 54 российские компании [5]. Самыми неприятными стали санкции, ограничивающие доступ российских компаний (в первую очередь оборонных и энергетических) к технологиям, а также доступ компаний и банков (преимущественно государственных) на международный финансовый рынок, ограничения по инвестициям.

В ответ на санкции стран Запада Россия 7 августа 2014 г. ввела продуктовое эмбарго сроком на один год для ряда товаров из США, государств ЕС, Канады, Австралии и Норвегии. В список запрещенных товаров попали говядина, свинина, фрукты, птица, сыры и молочная продукция, орехи и другие продукты [6]. По данным ФТС, в 2013 г. импорт продовольствия в Россию составил 13,4 % всего импорта. При этом доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной

торговли продовольственными товарами составляет 37 % [7], т. е. достаточно много. А на некоторых рынках, особенно мяса, рыбы и фруктов, позиции импортеров очень сильны. Так, по данным Федеральной таможенной службы, доля стран, попавших под запрет в импорте, выше всего на рынке свинины (72,9 %), а также птицы (64,2 %). Кроме того, 60,1 % всех импортируемых сыров приходится на запрещенные страны. В среднем около 40 % всего импортируемого Россией продовольствия производится в странах ЕС, США, а также в других странах, попавших под запрет.

Контрсанкции России, а также объявленный правительством курс на импортозамещение были восприняты россиянами как благо. Многие годы отечественные производители ведут жесткую конкурентную борьбу с импортными товарами. Однако переход на плавающий курс и резкое падение рубля к основным валютам, рост цен на продовольствие, а также общее замедление российской экономики вызывают тревогу населения.

А какие последствия возникают в условиях санкций для внешней торговли Карелии?

Внешняя торговля Карелии в 2014 году

Основу промышленности Республики Карелия составляют лесопромышленный и горнопромышленный комплексы, машиностроение, электроэнергетика и пищевая промышленность. Республика Карелия, учитывая ее приграничное положение (здесь расположена самая протяженная граница РФ с Европейским союзом), имеет хорошие возможности для развития внешней торговли. Две трети продукции промышленных предприятий (прежде всего лесопромышленного комплекса) поставляется на экспорт. По широте географии внешнеэкономических связей, по объему экспорта на душу населения Республика Карелия находится в числе лидирующих регионов РФ. По данным ФТС, объем экспорта в первом полугодии 2014 г. составил 534 млн долл., импорта — 86 млн долл. [8]. Это меньше, чем в аналогичном периоде 2013 г. и даже 2012 и 2011 гг. Скорее всего, одним из основных факторов этого снижения явилось обострение политической обстановки в мире. Распределение экспортных и импортных операций республики в страновом разрезе представлено в табл. 2.

Таблица 2

Основные торговые партнеры Республики Карелия по экспорту и импорту, январь — июнь 2014 г., %

ЭКСПОРТ		ИМПОРТ	
Страна	Доля в экспорте, %	Страна	Доля в импорте, %
Страны дальнего зарубежья, всего	96,44	Страны дальнего зарубежья, всего	97,30
В том числе: Турция	23,02	В том числе: Финляндия	37,06
Великобритания	18,83	Швеция	10,89
Финляндия	18,34	Эстония	6,07
Нидерланды	7,16	Германия	5,63
Германия	3,97	Швейцария	5,05
Эстония	2,66	Япония	5,03
Египет	2,29	США	4,88
Испания	2,21	Ирландия	4,68
Индия	2,07	Китай	3,39
Италия	2,00	Франция	1,63
Франция	1,77	Чешская Республика	1,42
Пакистан	1,50	Италия	1,24
Индонезия	1,47	Нидерланды	1,24
Китай	1,23	Испания	1,22
Румыния	0,66	Великобритания	1,19
Мексика	0,65	Австрия	1,10
Бельгия	0,55	Турция	0,90
Малайзия	0,53	Бельгия	0,65
Вьетнам	0,50	Австралия	0,55
ОАЭ	0,50	Марокко	0,39
Страны СНГ, всего	3,56	Страны СНГ, всего	2,70
В том числе: Украина	3,06	В том числе: Украина	2,70
Киргизия	0,19		
Узбекистан	0,09		
Республика Молдова	0,09		
Азербайджан	0,07		
Туркмения	0,05		
Армения	0,01		

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы.

Как видно из данных табл. 2, подавляющая часть торговых сделок, как по экспорту, так и по импорту, приходится на страны дальнего зарубежья. Около четверти внешнеторгового оборота республики приходится на долю Финляндии (23,3 %), более половины (55 %) — на страны Европейского союза.

Несмотря на то что спектр стран, куда карельские предприятия поставляют продукцию, достаточно широк, к сожалению, с точки зрения товарной структуры экспорт диверсифицирован слабо, а основная часть экспортных товаров — продукция «первого передела», т. е. имеющая низкую добавленную стоимость (табл. 3).

Таблица 3

**Товарная структура экспорта и импорта Республики Карелия,
январь — июнь 2014 г., %**

Наименование товара	Страны СНГ, %		Страны дальнего зарубежья, %		ВСЕГО, %	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
	0,28	0,19	2,49	16,91	2,76	17,09
Минеральные продукты	1,26	0,00	57,32	0,62	58,57	0,62
	0,00	0,00	0,02	0,39	0,02	0,39
Продукция химической пр	0,00	1,00	0,71	23,78	0,71	24,78
Кожевенное сырье, пушнина, изделия из них	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,02
Древесина и ц	1,97	0,00	32,48	23,02	34,45	23,02
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,00	0,00	0,04	2,84	0,04	2,84
Металлы и изделия из них	0,00	1,16	1,10	1,60	1,10	2,76
Машины, оборудование и транспортные средства	0,05	0,34	1,56	25,57	1,61	25,91
Другие товары	0,00	0,00	0,74	2,56	0,74	2,56
Всего	3,56	2,69	96,44	97,31	100,00	100,00

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы.

Так, основная часть экспорта (58,6 %) приходится на минеральное сырье (руды). Древесина (лесоматериалы обработанные и необработанные, щепка, опилки и отходы) и целлюлозно-бумажные изделия составляют вторую по значимости статью экспорта Карелии (34,5 %). В сумме эти две статьи составляют более 90 % (93,1!) экспорта республики. В табл. 4 представлена товарная структура экспорта Карелии в шесть стран, которые являются крупнейшими партнерами республики по этому виду

торговых сделок. В них Карелия вывозит почти 75 % своей продукции.

Таблица 4

Товарная структура экспорта Республики Карелия по некоторым крупнейшим странам-партнерам, январь – июнь 2014 г., %

Страна	Наименование товара	Доля в общем объеме экспорта, %	Доля в экспорте в данную страну, %
Турция	Всего	23,02	100,00
	В том числе: Руды, шлак и зола	20,96	91,05
	Бумага и картон	1,71	7,43
	Суда, лодки и плавучие конструкции	0,21	0,91
	Масса из древесины / целлюлозных материалов;	0,07	0,30
	макулатура и отходы		
	Прочие химические продукты	0,06	0,26
Соединенное Королевство	Всего	18,83	100,00
	В том числе: Руды, шлак и зола	17,92	95,17
	Древесина и изделия из нее, древесный уголь	0,83	4,41
	Масса из древесины / целлюлозных материалов;	0,08	0,42
	макулатура и отходы		
Финляндия	Всего	18,34	100,00
	В том числе: Древесина и изделия из нее, древесный уголь	9,81	53,49
	Руды, шлак и зола	7,16	39,04
	Масса из древесины / целлюлозных материалов;	0,24	1,31
	макулатура и отходы		
	Прочие химические продукты	0,21	1,16
	Взрывчатые вещества; пиротехнические изделия; спички; пирофорные сплавы; некоторые горючие вещества	0,19	1,04
	Игрушки, игры и спортивный инвентарь; их части и принадлежности	0,48	2,62
	Мебель; постельные принадлежности; сборные строительные конструкции	0,09	0,49
	Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали	0,04	0,22
	Черные металлы	0,03	0,16
	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука	0,02	0,11
	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	0,02	0,11
	Реакторы ядерные, котлы,	0,02	0,11

	оборудование и механические устройства; их части		
	Бумага и картон	0,01	0,05
	Растительные материалы для изготовления плетеных изделий; прочие продукты растительного происхождения	0,01	0,05
	Пластмассы и изделия из них	0,01	0,05
Нидерланды	Всего	7,16	100,00
	В том числе: Руды, шлак и зола	3,43	47,91
	Рыба и ракообразные, моллюски	2,28	31,84
	Алюминий и изделия из него	0,78	10,89
	Бумага и картон	0,45	6,28
	Древесина и изделия из нее, древесный уголь	0,21	2,93
Германия	Всего	3,97	100,00
	В том числе: Бумага и картон	2,22	55,92
	Руды, шлак и зола	1,08	27,20
	Масса из древесины / целлюлозных материалов; макулатура и отходы	0,27	6,80
	Черные металлы	0,17	4,28
	Древесина и изделия из нее, древесный уголь	0,06	1,51
	Прочие химические продукты	0,06	1,51
	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	0,04	1,01
	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	0,01	0,25
	Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	0,01	0,25
	Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	0,01	0,25
Украина	Всего	3,06	100,00
	В том числе: Руды, шлак и зола	1,25	40,85
	Бумага и картон	1,14	37,25
	Масса из древесины / целлюлозных материалов; макулатура и отходы	0,49	16,01
	Злаки	0,03	0,98
	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0,02	0,65
	Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия	0,02	0,65
	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	0,01	0,33

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы.

Как видно из данных табл. 4, руда является для большинства стран наиболее значимой позицией и занимает от почти 30 % (Германия) до более 90 % (Турция) экспорта в эти страны. В целом, анализируя вышеприведенные данные об экспорте в страновом разрезе, мы приходим к подтверждению тезиса о слабой диверсификации карельского экспорта.

Напротив, в импорте гораздо больше разнообразия и при этом преобладает продукция с высокой добавленной стоимостью. Более четверти (26 %) составляют машины, оборудование и транспортные средства, еще четверть приходится на продукцию химической промышленности и чуть менее четверти (23 %) — на целлюлозно-бумажные изделия. Продовольствие (с которым связаны введенные Россией контрсанкции) занимает четвертую по значимости позицию (17,1 %). Рост по этой статье существенен, особенно учитывая то, что еще в 2012 г. этот показатель составлял 9,1 % [9]! При этом продукты и сельскохозяйственное сырье практически полностью импортируются из стран дальнего зарубежья. По данным Карелиястата, сегодня доля импортного продовольствия в общем объеме товарооборота на рынке Карелии составляет 30 % (в 2013 г. — 22 %) [7]. Таким образом, можно говорить о достаточно серьезной зависимости внутреннего рынка Карелии от импортного продовольствия и усилении этой тенденции со временем. Товарная структура импорта по отдельным наиболее значимым странам представлена в табл. 5.

Таблица 5

Товарная структура импорта Республики Карелия по некоторым крупнейшим странам-партнерам, январь — июнь 2014 г., %

Страна	Наименование товара	Доля в общем объеме импорта, %	Доля в импорте из данной страны, %
Финляндия	Всего	37,06	100,00
	В том числе: Масса из древесины /целлюлозных материалов; макулатура и отходы	13,37	36,08
	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	7,08	19,1
	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	6,24	16,84
	Игрушки, игры и спортивный инвентарь	1,5	4,05
	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука	1,44	3,89
	Бумага и картон	1,29	3,48
	Алкобольные и безалкогольные напитки и уксус	1,20	3,24
	Мебель; постельные принадлежности; сборные строительные конструкции	0,88	2,37
	Прочие химические продукты	0,76	2,05
	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	0,39	1,05
	Рыба и ракообразные, моллюски	0,38	1,03

	и прочие водные беспозвоночные		
	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава	0,31	0,84
	Изделия из черных металлов	0,3	0,81
	Текстильные материалы, пропитанные, с покрытием или дублированные; текстильные изделия технического назначения	0,24	0,65
	Какао и продукты из него	0,21	0,57
	Пластмассы и изделия из них	0,2	0,54
	Сахар и кондитерские изделия из сахара	0,18	0,49
	Прочее	1,08	2,92
Швеция	Всего	10,89	100,00
	В том числе : Бумага и картон	8,29	76,12
	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства	0,69	6,34
	Текстильные материалы, пропитанные, с покрытием или дублированные; текстильные изделия технического назначения	0,59	5,42
	Взрывчатые вещества; пиротехнические изделия; спички; пирофорные сплавы; некоторые горючие вещества	0,58	5,33
	Изделия из черных металлов	0,16	1,47
	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука	0,16	1,47
	Пластмассы и изделия из них	0,11	1,0
	Инструменты, приспособления, ножевые изделия, ложки и вилки из недрагоценных металлов	0,11	1,0
	Прочее	0,18	1,65
Эстония	Всего	6,07	100,00
	В том числе:	3,71	61,12
	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности		
	Пластмассы и изделия из них	1,63	26,85

	Каучук, резина и изделия из них	0,35	5,77
	Алкобольные и безалкогольные напитки и уксус	0,18	2,97
	Изделия из черных металлов	0,08	1,32
	Алюминий и изделия из него	0,04	0,66
	Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические	0,02	0,33
	Бумага и картон; изделия из бумажной массы, бумаги или картона	0,01	0,16
	Текстильные материалы, пропитанные, с покрытием или дублированные; текстильные изделия технического назначения	0,01	0,16
Украина	Всего	2,70	100,00
	В том числе: Изделия из черных металлов	1,17	43,33
	Пластмассы и изделия из них	0,87	32,22
	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	0,34	12,59
	Каучук, резина и изделия из них	0,14	5,19
	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0,07	2,59
	Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	0,06	2,22
	Алкобольные и безалкогольные напитки и уксус	0,06	2,22

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы.

Что касается оценки ущерба от санкций, к сожалению, на момент написания статьи данные ФТС о торговле в третьем квартале еще не опубликованы, поэтому оценить в абсолютных показателях масштабы падения внешнеторговых оборотов пока невозможно. Однако, представляется, что первые оценки ущерба от санкций можно дать по следующим косвенным показателям: рост цен и резкое падение курса рубля. Ведь это ведет к росту расходов разных групп экономических агентов и, соответственно, к определенному снижению уровня жизни.

Вслед за падением рубля с августа нынешнего года по отношению к доллару почти на 35 % и евро на 28 % закупочные цены на импортируемые товары также выросли, а следовательно, и цены для конечных потребителей. И поскольку на карельском рынке продуктов питания импорт занимает достаточно большую долю (30 %), а также вследствие сокращения предложения (в результате эмбарго), естественно, несмотря на заверения политиков, цены на продовольствие за 10 месяцев 2014 г. показали существенно более высокую динамику по сравнению с остальными категориями товаров. По данным Карелиястата, цены на продукты питания за январь — октябрь 2014 г. выросли на 10,6 % (тогда как на непродовольственные товары за этот же период цены выросли на 3,2 %, а услуги — на 5,2 %). Учитывая продуктовое эмбарго и динамику курса рубля, по всей вероятности, следует ожидать и дальнейшего роста цен.

Данные Карелиястата о производстве продуктов питания в целом не свидетельствуют о серьезном оживлении в отрасли. Несмотря на то что индекс промышленного производства пищевых продуктов в сентябре 2014 г. к августу составил 106,2 % [10], это всего лишь 91,1 % от производства в сентябре 2013 г. Увеличение объемов наблюдалось по мясу и субпродуктам убойных животных, колбасе и молоку. Индекс предпринимательской уверенности после роста летом 2014 г. в сентябре упал до уровня ниже, чем в прошлом году. А индекс предпринимательской уверенности в розничной торговле в третьем квартале и вовсе упал до отрицательных значений (-0,88 %), в то время как в среднем по РФ этот показатель составляет 6,33 %, а в прошлом году в третьем квартале и в Карелии он был положительным (7,21 %). Большинство предпринимателей не ожидают роста спроса на свою продукцию.

Санкции, однако, имеют двусторонний эффект. Финляндия, основной внешнеторговый партнер Карелии, четверть экспорта которой до 2014 г. потребляла Россия, также отмечает потери. Так, например, финские производители молочных продуктов потеряли 200 млн долл. в результате ограничения на поставки в Россию. Об этом свидетельствуют данные Минсельхоза Финляндии [11]. В августе 2014 г. Финляндия сократила поставки продуктов в Россию более чем на 60 % по сравнению с июлем. Частично возместить эти убытки собирается Евросоюз: 10 ноября должно было состояться совещание на уровне министров сельского хозяйства и рыболовства, на котором предполагалось обсудить дополнительные меры поддержки европейских производителей в условиях российского эмбарго.

Карельским предприятиям также нужна поддержка. И в этом вопросе много нерешенных проблем. Карелии, несмотря на существенно менее благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, выделяется столько же средств, сколько, например, Краснодарскому краю. Между тем затраты, и прежде всего на электроэнергию, у нас гораздо выше. Учитывая постоянный рост тарифов естественных монополий, проблема становится намного серьезнее.

Таким образом, на сегодняшний день санкции не оказали существенного положительного влияния на карельских производителей, а также специализацию Карелии во внешней торговле. Объемы импорта уменьшились, однако объемы собственного производства выросли незначительно. При этом негативные последствия санкций можно ощущать в росте цен на продовольственные товары, а также в падении курса рубля по отношению к основным валютам. Несмотря на то что санкции, казалось, открывают перед Карелией новые возможности — возможности освоения внутреннего рынка, а также диверсификации региональной экономики, — пока данных, подтверждающих этот тезис, нет.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список литературы

1. Daoudi M. S. *Economic Sanctions: Ideals and Experience* / M. S. Daoudi, M. S. Dajani. London, 1983. P. 5—8.
2. Братерский М. В. Торгово-экономические санкции : эффективность, цена, проблемы использования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/78/070/490.php>, свободный (дата обращения: 12.11.2014).
3. Davis L. *Sanctions: Neither War nor Peace* / L. Davis, S. Engerman // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 2. P. 192.
4. Антироссийские санкции: причины и последствия [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114934>, свободный (дата обращения: 08.11.2014).
5. Санкции против РФ — это идеализм без реализма, считает финский политик [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20141009/1027678123.html#ixzz3FuWMGOx9>, свободный (дата обращения: 10.11.2014).
6. Товары, импорт которых в Россию будет ограничен [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20140807/1019151597.html#ixzz3FuZUHO30>, свободный (дата обращения: 12.11.2014).
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>, свободный (дата обращения: 13.11.2014).
8. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации СЗФО / Федеральная таможенная служба. Северо-Западное таможенное управление [Электронный ресурс]. URL: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=189&Itemid=104, свободный (дата обращения: 12.11.2014).

- 14.11.2014).
9. Мартюкова Е. Г. Современное состояние внешнеэкономической деятельности в Республике Карелия // *Предпринимательство*. 2013. № 7. С. 26—32.
10. Промышленное производство / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/f4ec5b0043c0bc8c85bec5726188a9b4/09-21-20+%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+.pdf, свободный (дата обращения: 15.11.2014)
11. Финские молочники оценили убытки от российских санкций. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/economics/20094050/?story=sankcii>, свободный (дата обращения: 14.11.2014).

References

1. Daoudi, M.S., Dajani M.S. *Economic Sanctions: Ideals and Experience*. London, 1983. pp. 5-8.
2. Braterskiy M.B. Economic sanctions: efficiency, price, problems of usage. [Torgovo-economichekieskie sanktsii: effektivnost', tsena, problemy ispol'zovaniya]. – [Electronic resource] Available at: <http://www.pandia.ru/text/78/070/490.php> (accessed 12.10.2014)
3. Davis L., Engerman, S. Sanctions: Neither War nor Peace. *Journal of Economic Perspectives*. Vol.17 No. 2, 2003 p.192
4. Sanctions against Russia: reasons and consequences [Antirossiyskie sanktsii: prichiny i posledstviya] [Electronic resource] Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114934> (accessed 08.11.2014)
5. Sanctions against Russia is idealism without realism, says Finnish politician [Sanktsii protiv RF – eto idealism bez realisma, schitaet finskiy politik] [Electronic resource] Available at: <http://ria.ru/economy/20141009/1027678123.html#ixzz3FuWMGOx9> (accessed 10.11.2014)
6. Products that will be limited in imports to Russia. [Tovary import kotorykh v Russiyu budet ogranichen.] [Electronic resource] Available at: <http://ria.ru/spravka/20140807/1019151597.html#ixzz3FuZUhO30> (accessed 12.10.2014)
7. United interdepartment informational and statistical database. [Electronic resource] Available at: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (accessed 13.11.2014)
8. Officials site of Federal customs service. North-west department. [Electronic resource] Available at: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=189&Itemid=104 (accessed 14.11.2014)
9. Martyukova E. Modern state of international economic activity in Karelia [Sovremennoe sostoyanie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v respublike Kareliya] // *Predprinimatel'stvo [Enterprise]*. 2013. № 7. P. 26—32.
10. Official site of Territory department of Federal service of state statistics of Karelia [Electronic resource] Available at: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/f4ec5b0043c0bc8c85bec5726188a9b4/09-21-20+%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+.pdf (accessed 15.11.2014)
11. Finnish producers of milk have evaluated losses of the Russian sanctions [Finskie molochniki otsenili ubytki ot rossiyskikh sanktsiy] [Electronic resource] Available at: <http://news.mail.ru/economics/20094050/?story=sankcii> (accessed 14.11.2014)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Экономическая сила может быть реализована как в качестве «наказания» в форме санкций, так и в качестве «вознаграждения» за смену внешнеполитического курса (например, в форме предоставления льготных кредитов и безвозмездной финансовой помощи).

[2]Являясь лишь инструментом внешней политики, санкции никогда не становятся ее воплощением. Поэтому оценивать следует не эффективность санкций, а эффективность политики, частью которой они являются. Единственные количественные критерии, которые могут применяться для оценки эффективности торговых санкций — это изменение объема товарооборота страны, находящейся под санкциями, а также динамика изменения ее золотовалютных резервов.

[3] Подробнее см.: Drezner D. W. *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International*

Гладких Е. Г. Внешняя торговля Карелии в условиях санкций // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 1. С. 88-101.

Relations. Cambridge, 1999.

*

*

*

Keywords:

*

*

Martyukova_e@mail.ru

Summary:

*

УДК 336.1

Отдельные аспекты долговой политики Республики Карелия

КАДНИКОВА
Татьяна
Геннадьевна

*кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и финансов,
экономический факультет,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, goldsun@mail.ru*

Ключевые слова:

Государственный долг
управление государственным
долгом
динамика и структура
государственного долга
Республика Карелия

Аннотация:

При росте дефицита бюджета увеличивается государственный долг и как следствие большая часть доходов бюджета направляется на его обслуживание. Возникает необходимость формирования на уровне публично-правового образования ответственной и взвешенной долговой политики. В статье проведен анализ структуры и динамика государственного долга в Республике Карелия, определены основные тенденции долговой политики Правительства Республики Карелия на среднесрочную перспективу. По результатам проведенного анализа был сделан вывод о том, что политика по управлению государственными долговыми обязательствами в среднесрочной перспективе будет строиться исходя из необходимости доведения объема государственного долга до оптимального и безопасного уровня и минимизации расходов на его обслуживание с учётом влияния на экономический климат и инвестиционную привлекательность Республики Карелия. В качестве практических рекомендаций, предлагается осуществлять контроль за эффективностью управления государственным долгом, который следует рассматривать как самостоятельный элемент публичного финансового менеджмента.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

В условиях экономической нестабильности и децентрализации межбюджетных отношений региональным бюджетам для финансирования расходных обязательств, из-за недостатка собственных ресурсов, приходится прибегать к использованию долговых инструментов, которые в совокупности образуют государственный долг.

Под государственным долгом понимаются кредитные отношения, возникающие между государством, выступающим в качестве заемщика, с одной стороны, и экономическими агентами, с другой стороны. Являясь результатом государственной политики заимствований, долг может быть использован в виде инструмента регулирования всего процесса общественного производства, в том числе обеспечивать воздействие на денежное обращение, финансовый рынок, инвестиции, производство, занятость и другие социально-экономические процессы.

Государственный долг определяется показателями объема накопленной задолженности и суммы, возникающей в результате отношений по привлечению органами государственной власти свободных

денежных средств у физических и юридических лиц на условиях платности, срочности и возвратности, как на территории страны, так и за ее пределами, в виде предусмотренных законом соответствующей территории долговых обязательств, формирующих государственный долговой портфель, направляемых на финансирование дефицита бюджета и (или) погашение долговых обязательств с целью достижения сбалансированности и устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации [2; 6].

Долговая политика субъекта РФ, являясь частью бюджетной политики, оказывает влияние на уровень экономического развития региона, уровень инфляции, объем инвестиций в экономику, в том числе в реальный сектор и др. В условиях финансово-экономической нестабильности и относительно неэффективного управления бюджетами публично-правовых образований реализация взвешенной и продуманной долговой политики становится актуальной задачей, стоящей перед органами государственной власти.

Региональные заимствования, влекущие за собой формирование государственного долга субъекта РФ, имеют различные причины возникновения. Их характер и роль должны оцениваться в контексте направлений и целей использования привлекаемых финансовых ресурсов, а также методов и источников финансирования. Следует учесть, что сумма полученных субъектом РФ в долг финансовых ресурсов не должна отягощать экономику региона, ложиться бременем на плечи налогоплательщиков и уменьшать объемы социальных программ. Сокращение дефицита регионального бюджета и, как следствие, государственного долга является одной из актуальных задач, стоящих перед органами власти.

Согласно данным Минфина РФ, суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ в 2013 г. увеличился на 28,6 %, или на 386,1 млрд руб., и на 1 января 2014 г. составил 1,737 трлн руб. Для сравнения: в 2012 г. рост госдолга был менее существенным — 15,6 %, а в 2011 г. — лишь 7 %. Учитывая, что в 2013 г. общий объем погашения долговых обязательств должен был составить всего 420,6 млрд руб., то объем заимствований регионов можно оценить в 806,6 млрд руб. Изменилось распределение субъектов РФ по уровню долговой нагрузки (см. динамику распределения на рис. 1). Что касается муниципального уровня, то объем долга муниципалитетов увеличился на 17,7 % и на начало 2014 г. составил 288,9 млрд руб. Суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ и долга муниципальных образований, входящих в состав субъектов РФ, на 1 января 2014 г. составил 2,036 трлн руб., что на 26,9 % больше, чем годом ранее [4].

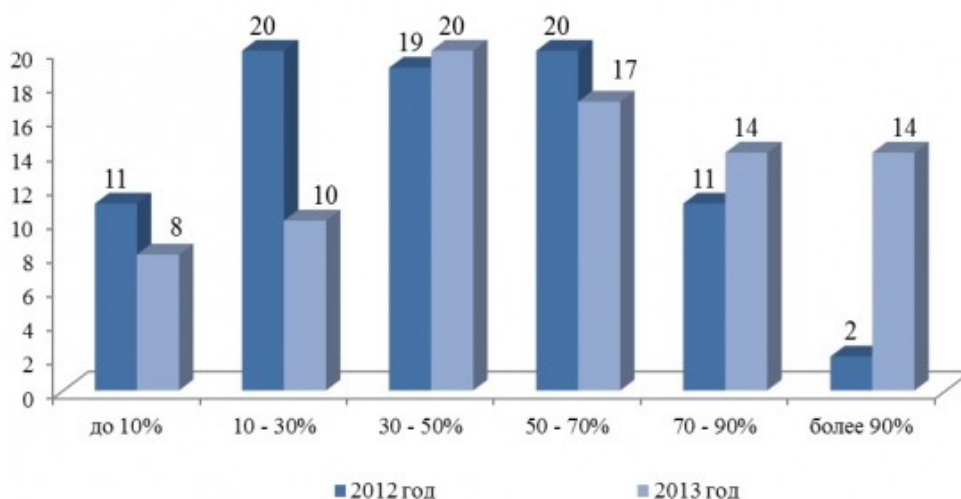

Рис. 1. Распределение субъектов РФ по уровню долговой нагрузки в 2012—2013 гг. (в % к объему собственных доходов без учета безвозмездных поступлений, ед.)

Как показано на рис. 1, размер государственного долга менее 10 % от объема налоговых и неналоговых доходов был у восьми субъектов РФ, что на три региона меньше, чем в 2012 г. В группу регионов с наименьшей долговой нагрузкой входят Ненецкий автономный округ, Пермский край, Тюменская область, Алтайский край, Иркутская область, С.-Петербург, Сахалинская область и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. В целом динамика государственного долга субъектов РФ положительна. Согласно данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», 75 субъектов РФ увеличили объем государственного долга и только семь субъектов его снизили. Лидерами по снижению госдолга в 2013 г. являются Тюменская область (-24,2 %), Московская область (-14 %) и С.-Петербург (-12,3 %).

Более 200 % составил рост государственного долга у восьми субъектов РФ.

Аналогичная ситуация и по Северо-Западному федеральному округу (рис. 2).

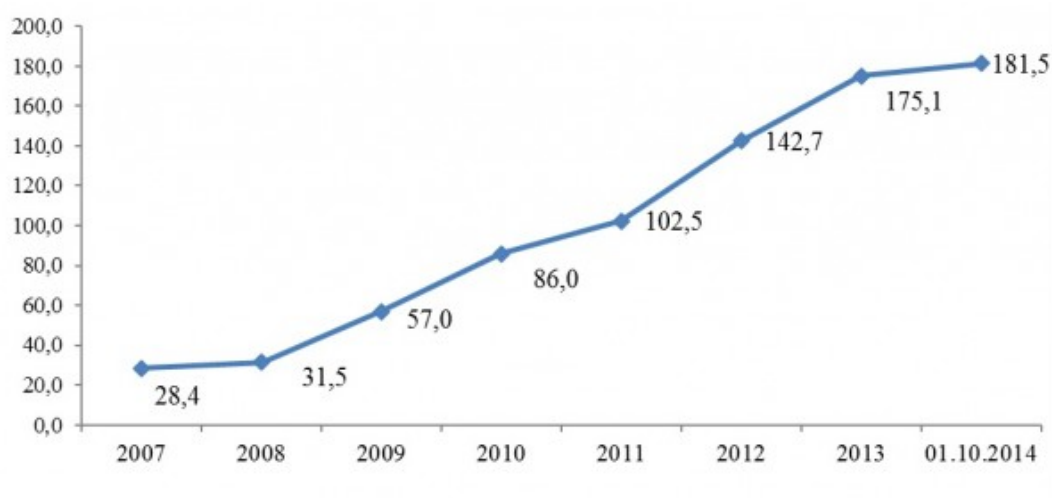

Рис. 2. Динамика государственного долга субъектов РФ СЗФО в 2007—2014 гг. (млрд руб.)

За исследуемый период государственный долг субъектов РФ Северо-Западного федерального округа вырос в 6,2 раза, что в абсолютном выражении составило 146,7 млрд руб. За 9 месяцев 2014 г. темп прироста государственного долга СЗФО составил почти 4 %, или 6,4 млрд руб. В расчете на душу населения объем государственного долга СЗФО составил 13,15 тыс. руб. на человека, что меньше среднего показателя по России (11,51 тыс. руб. на человека) почти на 2 тыс. руб. При этом показатели долговой нагрузки в разрезе численности населения по субъектам РФ внутри округа существенно разнятся: так, наименьшее значение — 3,5 тыс. руб. — в С.-Петербурге, тогда как в Республике Коми — 31,44 тыс. руб. Безусловно, такая разница связана не только с размером государственного долга субъектов СЗФО, но и с численностью населения. Стоит также отметить, что у Ненецкого автономного округа отсутствует государственный долг. Долевое распределение субъектов РФ по размеру государственного долга внутри Северо-Западного округа представлено на рис. 3.

Рис. 3. Распределение субъектов РФ СЗФО по объему государственного долга на 01.10.2014 (%)

Как видно из рис. 3, наибольший удельный вес государственного долга приходится на Вологодскую и Архангельскую области и Республику Коми, которые в общем рейтинге по России занимают 6, 9 и 11-е места соответственно.

Международные санкции, снижение курса нефти на мировых рынках, падение рублевого курса и другие негативные макроэкономические тенденции определяют особые условия для активизации продуманной долговой политики публично-правовых образований. Базовым направлением бюджетной политики субъекта РФ является управление региональным долгом.

Управление государственным долгом подразумевает системно-непрерывный процесс отбора форм заимствований органами государственной власти путем привлечения, обслуживания и погашения

долговых обязательств с целью формирования и структурирования оптимального долгового портфеля на основе оценки рискованности, цены и сроков заимствований долговых обязательств [2; 7]. В процессе управления государственным долгом органы власти субъекта РФ совершают операции по трем направлениям: привлечение кредитных ресурсов, погашение и обслуживание долговых обязательств. Механизм управления долговыми обязательствами должен носить комплексный характер, основанный на соблюдении ряда принципов [3; 91]:

1. Сохранение объема долговых обязательств субъекта РФ на экономически безопасном уровне, с учетом всех возможных рисков. Экономически безопасным считается такой объем долга, при котором регион в состоянии обеспечить исполнение как долговых обязательств, так и всех остальных принятых на себя бюджетных обязательств. Основным подходом к реализации этого принципа является такое планирование долговых обязательств, которое предполагает обслуживание и погашение долга исключительно за счет собственных доходов бюджета.
2. Полнота исполнения долговых обязательств. Данный принцип предполагает такое управление долговыми обязательствами региона, которое обеспечивает исполнение долговых обязательств в полном объеме.
3. Своевременность исполнения долговых обязательств, т. е. исполнение обязательств в срок. Возникновение просроченных обязательств не допускается.
4. Минимизация стоимости долговых обязательств подразумевает поддержание минимально возможной стоимости обслуживания долговых обязательств при соблюдении всех вышеизложенных принципов.
5. Прозрачность управления долгом означает использование ясных формализованных процедур и механизмов управления государственным долгом субъекта РФ и публичное раскрытие информации о величине и структуре долговых обязательств органами государственной власти, а также о долговой политике региона.

В настоящее время нет законодательно закрепленной единой системы управления государственным долгом на уровне субъектов РФ. В действующих нормах права также отсутствует система ответственности за эффективность принимаемых решений при реализации региональной политики заимствований и управления долгом субъекта РФ.

Анализируя долговую ситуацию на уровне Карелии, можно отметить, что рост долговой нагрузки на экономику является следствием дефицитности республиканского бюджета. Основные характеристики бюджета РК за 2011—2014 гг. и прогноз на 2015 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Основные характеристики бюджета РК на 2011—2014 гг.
и прогноз на 2015 г. (тыс. руб.)**

Наименование	2011	2012	2013	2014	2015 (проект)
Доходы	21 956 684,3	24 287 442,7	25 171 590,4	25 532 336,1	25 993 865,1
Расходы	25 269 222,7	26 885 803,7	28 754 110,4	28 615 263,7	29 036 802
Дефицит	-3 312 538,4	-2 598 361,0	-3 582 520,0	-3 082 927,6	-3042 936,9

Положительная динамика размера государственного долга аналогична тенденции Северо-Западного ФО (рис. 4). В целом за 6 лет (2007—2013) объем государственного долга вырос в 4,33 раза (в абсолютном выражении прирост составил 10,59 млрд руб.). За 10 месяцев 2014 г. рост республиканского долга составил 7,08 %, т. е. на 01.10.2014 по сравнению с 01.01.2014 он стал больше на 0,98 млрд руб. По объему государственного долга в расчете на душу населения Республика Карелия занимает 4-е место в СЗФО и 13-е место в Российской Федерации. Данный показатель составляет 23,23 тыс. руб. на человека.

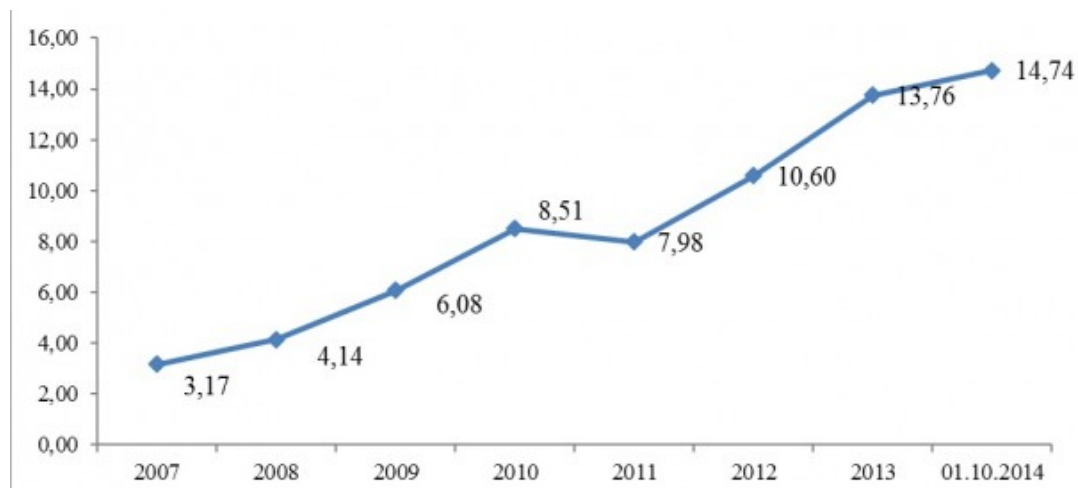

Рис. 4. Динамика государственного долга Республики Карелия в 2007—2014 гг. (млрд. руб.)

По уровню долговой нагрузки на 1 января 2014 г. Республика Карелия в списке РА «РИА Рейтинг» занимала 72-е место, размер государственного долга в процентах к собственным доходам составил 90,7 %. Причина наращивания республиканского долга — необходимость выполнения социальных обязательств, определенных майскими указами Президента РФ, регулирование налоговых правоотношений в группе консолидированных налогоплательщиков (что привело к снижению доходных поступлений по налогу на прибыль от ОАО «Карельский окатыш»), отсутствие инвестиционных ресурсов развития экономики региона, стагнация экономической ситуации на российском рынке и Республики Карелия в частности.

Стоит отметить, что слабая динамика поступлений налоговых и неналоговых доходов характерна практически для всех региональных бюджетов. В 2013 г. суммарные налоговые и неналоговые доходы бюджетов всех субъектов РФ увеличились всего на 1,6 %. Ряд регионов столкнулся с урезанием безвозмездных перечислений из федерального бюджета. Учитывая сохраняющиеся социальные обязательства регионов и отсутствие возможности достаточного наращивания налоговых поступлений в условиях стагнирующей экономики, можно ожидать, что по итогам 2014 г. объем государственного долга регионов продолжит рост темпом около 30—32 % при росте долговой нагрузки до уровня 35—37 % [4].

Структурно государственный долг региона целесообразно рассматривать через портфельный подход. Выделение таких видов долговых инструментов, как рыночные или нерыночные, позволяет оценить стоимость государственного долга и рассмотреть вариации о возможностях экономии расходов бюджета субъекта РФ, направленных на его обслуживание и погашение. Структура государственного долга Республики Карелия представлена на рис. 5.

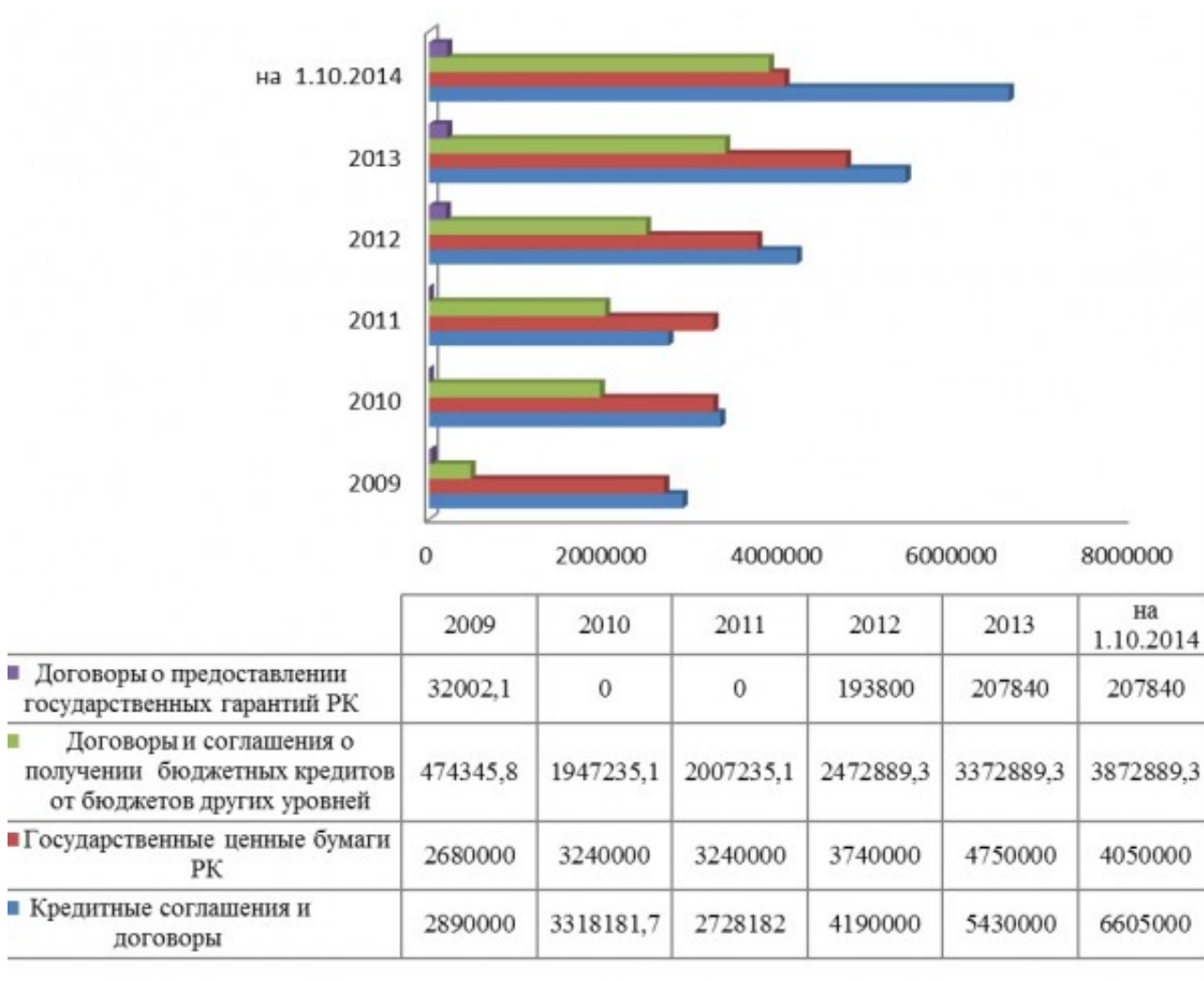

Рис. 5. Структура государственного долга Республики Карелия в 2009—2014 гг. (тыс. руб.)

За исследуемый период (2009—2013) динамика и структура долгового портфеля Карелии выглядела следующим образом: займы в форме кредитных соглашений и договоров увеличились на 87,89 %, государственных ценных бумаг Республики Карелия — на 77,24 %, договоров и соглашений о получении бюджетных кредитов от бюджетов других уровней — на 611 %, договоров о предоставлении государственных гарантий Республики Карелия — на 549,46 %. В среднем за пять лет в структуре государственного долга кредиты составляют около 22 %, чуть менее 15 % приходится на займы в виде ценных бумаг, 15 % — в виде бюджетных кредитов и 7% — в виде государственных гарантий.

Анализируя структуру государственного долга в разрезе видов заимствований, можно отметить, что в долговом портфеле республики оптимально представлены все заемные инструменты: кредиты банков, ценные бумаги Республики Карелия, бюджетные кредиты из федерального бюджета и государственные гарантии. Но, поскольку на 01.10.2014 доля рыночных заимствований (кредиты банков, ценные бумаги) составила около 72,31 %, а нерыночных (к которым относятся кредиты из федерального бюджета и государственные гарантии) — лишь 27,69 %, то стоимость обслуживания долга является достаточно высокой.

По срокам заимствований в структуре государственного долга Республики Карелия на 01.01.2014 преобладают среднесрочные заимствования (займы на срок от года до пяти лет): 2 займа на срок более пяти лет, 48 займов — от трех до пяти лет, 36 займов — от года до трех лет, 4 займа — менее года. Таким образом, срок заимствований более 93 % займов — от года до пяти лет.

В качестве управленческих мер Правительство Республики Карелия за последние три года реализовало ряд мероприятий, направленных на повышение эффективности аукционных процедур; работу с кредитными организациями по снижению процентных ставок по кредитам; отсрочку даты привлечения заемных средств (в том числе путем транширования облигационного займа) и др.

Совокупность данных мероприятий привела не только к экономии бюджетных ресурсов, но и повлияла на кредитный рейтинг Карелии. Международное рейтинговое агентство «Fitch Ratings» в 2013 г. дважды сохраняло кредитный рейтинг на достаточно хорошем уровне «BB-» с прогнозом «стабильный» и отметило хороший уровень управления бюджетом, в том числе и государственным долгом.

В рамках реализации государственной программы Республики Карелия «Эффективное управление региональными и муниципальными финансами в Республике Карелия» одной из приоритетных задач выделено совершенствование механизма управления государственным долгом. Для ее реализации Правительство Республики Карелия планирует [1]:

- повышение эффективности государственных заимствований (привлечение заимствований с учетом фактических потребностей бюджета);
- обеспечение принятия экономически обоснованных решений в области управления государственным долгом и государственных заимствований;
- оптимизация структуры государственного долга;
- своевременная и адекватная реакция на риски в области управления долгом; совершенствование механизмов взаимодействия системы управления долгом с системой кассового управления средствами бюджета.

Таким образом, политика по управлению государственными долговыми обязательствами в среднесрочной перспективе будет строиться исходя из необходимости доведения объема государственного долга до оптимального и безопасного уровня и минимизации расходов на его обслуживание с учетом влияния на экономический климат и инвестиционную привлекательность Республики Карелия.

Говоря о ближайших перспективах, то, согласно законопроекту «О бюджете Республики Карелия на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», предусматривается увеличение долговой нагрузки на экономику: в 2015 г. его сумма составит 20,087 млрд руб., в 2016 г. превысит 22 млрд руб., а в 2017 г. снизится до 21,384 млрд руб. При этом, несмотря на положительную динамику государственной задолженности Карелии, темпы его роста будут снижаться. Так, в 2017 г. планируется нулевой объем бюджетных кредитов, привлеченных в бюджет Республики Карелия от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В разрезе структуры долгового портфеля планируется рост задолженности путем выпуска государственных ценных бумаг Республики Карелия (данный показатель к 2018 г. должен составить более 50 %); доля кредитов, полученных РК от кредитных организаций, вырастет с 27,5 % в 2015 г. до почти 40 % в 2017 г.; отрицательную динамику будут иметь займы в бюджетной системе РФ и в форме государственных гарантий.

В качестве бюджетно-программных мероприятий с целью управления государственным долгом Республики Карелия целесообразно применить следующие рекомендации:

- проведение инвентаризации действующих долговых обязательств, в том числе на предмет соответствия нормам Бюджетного кодекса РФ;
- гибкое реагирование на изменяющиеся условия внутреннего финансового рынка и использование наиболее благоприятных источников и форм заимствований;
- контроль за состоянием дебиторской и кредиторской задолженности;
- мобилизация новых кредитных ресурсов только для финансирования приоритетных проектов и программ при условии их эффективного использования;
- улучшение качества долга за счет снижения стоимости по его обслуживанию;
- мониторинг хода исполнения обязательств принципалом по предоставленной государственной гарантии;
- обеспечение опережающего снижения темпов роста государственного долга по отношению к темпам роста налоговых и неналоговых доходов бюджета;
- формирование пропорций долгового портфеля региона в пользу нерыночных кредитов;
- поддержание присвоенного кредитного рейтинга с перспективой его повышения.

Бюджетные механизмы должны быть ориентированы на формирование стабильных доходных источников, обеспечение целевого и эффективного использования бюджетных ресурсов, оптимизацию системы источников финансирования дефицита бюджета, в том числе в форме государственных заимствований. Повышение качества финансового менеджмента в области снижения долговой нагрузки на бюджет Республики Карелия является одной из приоритетных задач органов власти Республики

Карелия и одним из значимых элементов ее конкурентоспособности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РК от 15.04.2014 № 112-П «Об утверждении государственной программы Республики Карелия "Эффективное управление региональными и муниципальными финансами в Республике Карелия" [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW904;n=37605>, свободный (дата обращения: 10.11.2014).
2. Бабич И. В. Формирование долговой политики и управление внутренним долгом субъекта федерации : автореф. ... дис. канд. экон. наук. Саратов, 2012.
3. Бокова Т. А. Некоторые аспекты управления государственным долгом субъекта РФ как элемента территориального маркетинга (на примере Республики Карелия) / Т. А. Бокова, Т. Г. Кадникова // Кубанская школа развития местных сообществ : методология, теория и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Мясникова. Краснодар, 2013. С. 90—97.
4. Госдолг регионов в 2013 году увеличился почти на треть [Электронный ресурс]. URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20140227/610609622.html, свободный (дата обращения: 10.11.2014).

REFERENCES

1. The resolution of the government of RK of 15.04.2014 N 112-P "About the statement of a state program of the Republic of Karelia "Effective management of regional and municipal finance in the Republic of Karelia". [Postanovlenie Pravitel'stva RK ot 15.04.2014 № 112-P «Ob utverzhdanii gosudarstvennoy programmy Respubliki Kareliya "Effektivnoe upravlenie regional'nymi i munitsipalnymi finansami v Respublike Kareliya"] Electronic resource. (<http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW904;n=37605>) (accessed 10.11.2014).
2. Babich I. V. Formation of debt policy and management of an internal debt of the subject of Federation [Kareliya] [Formirovanie dolgovoy politiki i upravlenie vnutrennim dolgom sub'ekta Federatsii]: avtoref. dis. candidate of economic sciences. Saratov, 2012.
3. Bokova T. A., Kadnikova T. G. Some aspects of management of a public debt of the territorial subject of the Russian Federation as element of territorial marketing (on the example of the Republic of Karelia) [Nekotorye aspekty upravleniya gosudarstvennym dolgom sub'ekta RF kak elementa territorial'nogo marketinga (na primere Respubliki Kareliya)] // the Kuban school of development of local communities: methodology, the theory and practice. Krasnodar, 2013. P. 90—97.
4. The public debt of regions in 2013 increased almost by a third. [Gosdolg regionov v 2013 godu uvelichilsya pochti na tret'.] (Electronic resource). URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20140227/610609622.html (accessed 10.11.2014).

*

*

*

Keywords:

*

*

goldsun@mail.ru

Summary:

*

УДК 332.1

Современное состояние и перспективы развития лесопромышленного комплекса Республики Карелия

РУГАЧЕВА
Анжела
Владимировна

*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической
теории и менеджмента,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, rav@sampo.ru*

ДОМНИЧЕВА
Валерия
Владимировна

*студентка VI курса,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, romanslericoy@gmail.com*

Ключевые слова:

лесопромышленный комплекс
инвестиции
стратегическое планирование
региональное развитие
Республика Карелия

Аннотация:

В статье сделан обзор результатов работы лесопромышленного комплекса Республики Карелия, который является одним из приоритетных и системообразующих видов экономической деятельности в регионе за последние годы. Оценка статистических показателей позволяет сделать выводы о неэффективном использовании лесных ресурсов в республике, что также подтверждают приводимые в статье сравнительные данные по ключевым показателям лесопользования в соседней Финляндии. Для выявления причин складывающейся ситуации и перспектив ее развития в статье обобщаются существующие в лесопромышленном комплексе Республики Карелия проблемы, а также преимущества, которые могут быть использованы для подъема данного сектора экономики региона. Сделанные выводы основываются на анализе республиканской нормативной базы и экспертных оценках. Кроме того, в статье приводится взгляд на существующие проблемы руководителя одного из лесопильных предприятий Карелии на основе проведенного с ним интервью. Также в публикации речь идет о реализуемых в лесопромышленном комплексе инвестиционных проектах и мерах государственной поддержки, которые предусмотрены региональной программой РК «Развитие лесного хозяйства в Республике Карелия на 2013–2015 годы».

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Республику Карелия называют краем лесов и озер, и это действительно так, ведь лес покрывает больше половины территории республики, а общий запас древесины по состоянию на 2013 г. составляет

998 млн м³ [11]. В связи с этим лесная промышленность должна занимать ведущие позиции в экономике региона. Лесопромышленный комплекс республики включает в себя такие отрасли, как лесозаготовка, деревообработка и целлюлозно-бумажное производство. По сообщению регионального министра по природопользованию и экологии В. Чкалова на пленуме Карельской республиканской профсоюзной организации работников лесных отраслей, доля лесопромышленного комплекса в структуре промышленности республики составляет более 20 % [8].

Однако если обратиться к статистическим данным за 2014 г. по объемам выручки предприятий лесопромышленного комплекса Карелии, то перед нами предстает менее оптимистичная картина. В среднем доля предприятий по обработке древесины и производству изделий из дерева в совокупной выручке предприятий республики составляет 2,8 %, а предприятий целлюлозно-бумажной промышленности (учитываемых вместе с издательской и полиграфической деятельностью) — 6,3 % [15]. Эти данные не учитывают отгруженную продукцию в сфере лесозаготовок в связи со спецификой представления статистических данных. Для сравнения: доля отгруженной продукции лесопромышленного комплекса Финляндии в общей реализации составляет 17 % по итогам 2012 г. При этом абсолютные показатели результатов деятельности ЛПК на двух похожих территориях просто несопоставимы. За 3 квартала 2014 г. суммарный оборот предприятий указанных выше видов деятельности в Республике Карелия составил 393,07 млн евро, в то время как в соседней Финляндии годовой оборот предприятий лесопромышленного комплекса за 2012 г. исчисляется суммой в 18 278 млрд евро. И хотя приведенные данные не полностью сопоставимы, они дают представление о существующем разрыве в эффективности использования ресурсного потенциала в двух странах.

Запасы древесины в Карелии составляют 973,7 млн м³, расчетная лесосека оценивается в 11,3 млн м³. При этом объем заготовок в 2010—2012 гг. составил 5,4—5,7 млн м³. Таким образом, расчетная лесосека в республике осваивается на 51—53 % [2]. Отметим, что по своей площади Карелия всего в 2 раза меньше соседней Финляндии, где объем коммерческих рубок составляет 50—58 млн м³ в год, а общий запас древесины на корню — 2,28 млрд м³ [13].

Республика Карелия имеет ряд преимуществ, которые должны способствовать большему развитию лесной промышленности в регионе, среди них: особое приграничное положение республики, близость европейских стран-потребителей древесины, возможность заимствования зарубежного опыта. Больше половины лесов Карелии составляют ценные хвойные породы дерева, произрастаемые в суровых климатических условиях севера, что обеспечивает их высокую прочность и упругость как строительного материала, а также меньшую подверженность грибковым заболеваниям. Качество карельской древесины признано на международном уровне благодаря многочисленным тестам [15]. Однако в лесной промышленности республики существуют проблемы, которые не позволяют реализовать весь лесной потенциал региона. К ним можно отнести истощение эксплуатационных запасов древесины в зонах расположения действующих лесопромышленных предприятий и путей транспорта; недостаточную точность учета лесных ресурсов; невысокое качество лесовосстановления, низкий технический уровень лесохозяйственных работ; слабо развитую дорожную инфраструктуру леса [1]. Так, например, плотность лесных дорог в Карелии составляет 2,5 км на 1000 га, а в Финляндии — 12,3 км на 1000 га. Заготовка древесины с 1 га эксплуатируемой площади в нашей республике составляет 0,6 м³/га; тогда как в Финляндии — 2,5—2,8 м³/га, в Швеции — 2,8 м³/га, в США — 1,5 м³/га [2].

В табл. 1 приведены основные показатели работы организаций лесной промышленности Республики Карелия.

Таблица 1

Основные показатели работы организаций лесной промышленности Республики Карелия за 2008—2012 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
"Лесозаготовки"					
Индекс промышленного производства в % к предыдущему году	89,9	89,8	103,8	102,4	97,6
Среднегодовая численность работников организации, чел.	8070	6504	5584	4318	3459
Сальдированный	-1926,1	1087,3	-833,8	-1072,8	-908,6

финансовый результат (прибыль минус убыток), млн руб.					
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	-15,2	-13,5	-9,7	-6,2	-8,1
«Обработка древесины и производство изделий из дерева»					
Индекс промышленного производства в % к предыдущему году	82,4	93,2	111,5	101,9	86,1
Объем отгруженной продукции (работ, услуг), млн руб.	5081,8	4441,6	5615,3	5729,3	4964,0
Среднегодовая численность работников организации, чел.	6581	5006	4507	3660	3177
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн руб.	-1633,9	-746,5	-813,7	-671,8	-332,4
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	-19,7	-7,7	-3,7	-4,8	-3,6
«Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность»					
Индекс промышленного производства в % к предыдущему году	98,1	98,4	101,9	96,4	93,7
Объем отгруженной продукции (работ, услуг), млн руб.	20479,0	19563,1	21258,4	24639,8	22266,2
Среднегодовая численность работников организации, чел.	9344	8498	7953	7739	7547
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн руб.	-3586,4	-1571,9	-718,2	-1907,2	-1720,3
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	1,9	4,7	0,3	7,7	2,3

Источник: «Статистический ежегодник Республики Карелия, 2013» [12].

При анализе представленных в табл. 1 данных становится видно, что происходит постепенное снижение объемов отгруженной продукции предприятиями ЛПК, снижается среднегодовая численность работников, особенно сильно в сфере лесозаготовок: практически в 2 раза по сравнению с 2008 г. В настоящее время, по последним новостным данным, сокращение персонала будет продолжаться; так, ОАО «Кондопога» начинает мероприятия по сокращению административного аппарата комбината в количестве 80 человек. Как сообщил исполнительный директор комбината, сокращение штата будет продолжаться и в дальнейшем, но в большей степени оно коснется области управления, нежели

производственного сектора.

Предприятия ежегодно несут убытки, а рентабельность проданной продукции остается положительной только в сфере целлюлозно-бумажного производства.

Значительно сократилось количество зарегистрированных предприятий в республике, особенно в сфере лесозаготовок (табл. 2).

Таблица 2

Распределение учтенных в статрегистре Росстата предприятий и организаций по видам экономической деятельности

Вид экономической деятельности	Число организаций					
	2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	единиц	в % к итогу	единиц	в % к итогу	единиц	в % к итогу
Лесозаготовка	490	2,2	452	2,0	446	1,9
Обработка древесины и производство изделий из дерева	497	2,2	496	2,1	494	2,0
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	191	0,9	202	0,9	213	0,9
Всего учтено субъектов	22 428	100	23 108	100	24 035	100

Источник: Статистический ежегодник Республики Карелия 2013 [12].

Рост в количестве зарегистрированных предприятий прослеживается только в сфере целлюлозно-бумажного производства. Причины очевидны: это единственная рентабельная сфера деятельности ЛПК Карелии.

Снижаются экспортные поставки основных видов продукции ЛПК (табл. 3).

Таблица 3

Основные виды экспортируемых товаров Республики Карелия за 2009–2013 гг.

Экспортируемые товары	2009	2010	2011	2012	2013
Лесоматериалы необработанные, тыс. м ³	1199,6	1375,5	1005,0	914,1	918,2
Лесоматериалы обработанные, тыс. т	244,3	299,3	255,3	241,9	256,9
Целлюлоза сульфатная, т	89263,1	79801,8	83672,1	61692,3	96182,2
Бумага, картон, изделия из них, тыс. т	835,8	827,5	801,3	744,1	541,7

Источник: «Республика Карелия в цифрах, 2014» [11].

При подготовке статьи было взято интервью у директора лесопильного предприятия ООО «Кондопожский лесопильно-экспортный завод — Астар» В. В. Копычева. Предприятие является средним по объемам производства пиломатериалов в Карелии и ориентировано на экспорт.

В. В. Копычев отметил ряд проблем, с которыми сталкиваются предприниматели в сфере лесозаготовок и деревообработки. Одним из самых серьезных ограничений, сдерживающих развитие бизнеса, является нехватка сырья (пиловочника). Причины сложившейся ситуации различны. Арендаторы лесных участков часто передают их в субаренду, так как собственных средств для освоения выделенной лесосеки недостаточно. Существующие механизмы контроля за освоением лесных ресурсов не позволяют обеспечить их эффективное использование. В результате возникают так называемые черные товарные и финансовые потоки, которые выводят на рынок часть сырья мелких производителей и повышают издержки лесозаготовителей и цены на лесоматериалы. Дефицит сырья также обусловлен сезонностью заготовок. Зимой затраты производителя существенно снижаются, так как вывоз леса с труднодоступных делянок осуществляется с использованием дорог, получивших название «зимники»

или «ледянки». Их строительство относительно дешево по сравнению со строительством лесовозных дорог в другое время года. Следует также отметить, что у предприятий ЛПК Карелии нет приоритета по обеспечению сырьем. Существенная его часть продается за пределы республики, а местные производители вынуждены закупать сырье в других регионах. Конечно, это повышает издержки производителей.

Дефицит сырья в Карелии формирует рынок продавца. Устанавливаются высокие цены на сырье, имеют место случаи неэтичного поведения продавцов, когда срываются поставки при предложении другим покупателем более высокой цены. В результате лесозаготовители не имеют мотива наращивать объемы деятельности. Достаточно повышать цены, чтобы получить желаемый доход. Отсутствие координации политики закупок у деревообрабатывающих предприятий республики также способствует развитию сложившейся ситуации.

В итоге перерабатывающие предприятия вынуждены формировать излишние запасы сырья и отвлекать на эти цели существенные оборотные средства. Как правило, собственного капитала на формирование зимой страховых запасов на весенне-летний период не хватает. Долговое финансирование обходится дорого. Известно, что процентные ставки по кредитам в нашей стране высоки. На практике в зимний период, когда предложение сырья растет, предприятие вынуждено до 80 % выручки вкладывать в накопление сырьевых запасов. В таких условиях очень сложно эффективно управлять денежными потоками и планировать развитие предприятия.

На вопрос о перспективах развития бизнеса В. В. Копычев ответил, что, несмотря на все трудности, планируется закупка оборудования для более углубленной переработки сырья с целью повышения добавленной стоимости, создаваемой предприятием. Внутренний рынок сегодня предоставляет такие возможности. Развивается частное домостроение, что обуславливает рост спроса на строганные пиломатериалы, клееный брус, деревянные конструкции. В настоящее время предприятия республики не удовлетворяют потребности внутреннего рынка. Так, например, строганные пиломатериалы завозятся в торговые точки преимущественно из соседних регионов. Конечно, возмещение НДС по экспортной деятельности тормозит переориентацию производителей на внутренний рынок, поскольку в сложившихся сложных финансовых условиях ведения бизнеса сложно принять решение о дополнительной налоговой нагрузке. Но при внедрении новых технологий, высоком спросе и профессиональном менеджменте углубление переработки должно приносить выгоду.

Надо сказать, что проблемы, отмеченные директором ООО «КЛЭЗ-Астар», известны властям республики. Так, ситуацию с нехваткой сырья для предприятий деревопереработки Карелии отмечал и министр природопользования и экологии Республики Карелия С. Штрахов. В одном из интервью были приведены следующие цифры: ежегодный объем потребления древесного сырья целлюлозно-бумажными предприятиями республики составляет 3,6 млн м³, а карельские лесозаготовительные предприятия, исходя из имеющихся ресурсов, могут обеспечить комбинаты сырьем только на 45 % от потребности. Недостающие объемы древесины восполняют за счет поставок из других регионов, в основном субъектов Северо-Западного федерального округа. С учетом того что в соседних регионах также ведется работа по увеличению объемов переработки древесины, возможности поставок древесного сырья не из республики с каждым годом будут ограничиваться [4].

В региональной программе РК «Развитие лесного хозяйства в Республике Карелия на 2013—2015 годы» определены «основные факторы возникновения системных проблем в развитии лесного комплекса. В сфере лесного хозяйства к ним относятся: истощение эксплуатационных запасов древесины в зонах расположения действующих лесопромышленных предприятий и путей транспорта; недостаточная точность учета лесных ресурсов; невысокое качество лесовосстановления, низкий технический уровень лесохозяйственных работ; слабо развитая дорожная инфраструктура в лесах» [1]. В Программе отмечается и неравномерность развития сети лесных дорог: «К системным проблемам, сдерживающим эффективное лесопользование, относятся недостаточная точность оценки лесоресурсного потенциала, слабый контроль за использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, относительно низкий уровень использования современных информационных технологий в лесном хозяйстве, низкий уровень развития лесной транспортной инфраструктуры» [1].

В настоящее время в республике происходит реализация нескольких инвестиционных проектов по строительству новых и модернизации действующих производств, техническому перевооружению, приобретению лесозаготовительной и лесовозной техники. К приоритетным проектам относят проект ДОК «Калевала» по строительству первого в России завода по производству плит OSB. Он рассчитан на период с 2010 по 2024 г. Еще одним приоритетным проектом является создание полностью сбалансированного производства по заготовке и переработке древесины ООО «Костомукшская

строительная компания», а также проект углубленной переработки древесины «Белый медведь», реализуемый ОАО «Сегежский ЦБК» [14]. Реализация инвестиционных проектов, на фоне ухудшающейся ситуации в лесной отрасли, проходит не совсем гладко. Особое внимание хочется уделить проекту «Белый медведь», который стал на слуху у всех еще в 2008 г. и поселил в сердцах жителей Сегежского района надежду на светлое будущее.

Проблемы у «Сегежского ЦБК» начались еще в 2006 г., когда правительство отменило пошлины на ввоз цемента, что привело к сокращению его производства в России, следствием чего стало значительное сокращение спроса на карельские бумажные мешки внутри страны, а ЦБК пришлось законсервировать часть производственных мощностей. Для повышения качества своей продукции и освоения новых видов продукции было запланировано провести модернизацию всего целлюлозно-бумажного производства. Однако все оказалось не так просто. Сегежский ЦБК и еще несколько предприятий лесной промышленности Карелии принадлежат «Инвестлеспрому» — крупному российскому лесопромышленному холдингу, 100 % акций которого принадлежало Банку Москвы. Кризисное положение дел банка в 2011 г. привело к покупке его акций группой ВТБ. Длительный период кризиса, смена руководства не позволили проекту «Белый медведь» начать свою реализацию до настоящего времени. В последние годы ВТБ продает все недавно приобретенные активы «Инвестлеспрома», перешедшие от Банка Москвы. Новым собственником Сегежского ЦБК стала финансовая корпорация АФК «Система». Сделка была проведена в начале 2014 г. Руководство данной компании считает лесопромышленный комплекс очень привлекательным бизнесом для инвестиций. При выборе предприятий для покупки компания решила приобрести только самые привлекательные объекты «Инвестлеспрома» — мешки и деревообработку [8]. Таким образом, кроме Сегежского ЦБК, компания приобрела Сегежский ЛДК и «Карелия ДСП».

Существуют проблемы и у ОАО «Кондопога», в отношении которого в марте 2013 г. была введена процедура наблюдения, применяемая в деле о банкротстве, а в июне этого же года Арбитражный суд Карелии ввел процедуру внешнего управления. Многолетняя убыточность комбината связана с высокими процентами по кредитам, а также с ростом цен на сырье. Банкротство предприятия приведет к социальным проблемам, так как оно является градообразующим для Кондопоги. В начале 2014 г. было подписано стратегическое соглашение с инвестором, в роли которого выступит банк «Санкт-Петербург».

Еще один объект дела о банкротстве в 2012 г. — ОАО «Целлюлозный завод “Питкяранта”». В апреле 2013 г. в отношении него была введена процедура конкурсного производства. Как сообщает сайт Правительства Республики Карелия, по итогам 2013 г. предприятию удалось достичь роста объемов производства товарной целлюлозы по сравнению с 2012 г. [14].

Дальнейшее ухудшение дел в лесной промышленности может быть спровоцировано увеличением стоимости кредитов для предприятий, что также может привести к приостановке некоторых инвестиционных проектов. Как сообщает интерактивный лесопромышленный портал Лесной клуб **FORESTEC, со ссылкой на РБК, аналитиков и представителей банковского сектора, стоимость кредитов для** предприятий и населения может вырасти на 0,5—2 процентных пункта. С начала 2014 г. Банк России постепенно повышает ключевую процентную ставку с 5,5 до 8 % [10]. Невозможность привлечения кредитов на выгодных условиях повлечет отсутствие средств на проведение модернизации производства и достижение зарубежного уровня технического оснащения лесной промышленности. Высокие затраты на производство, неконкурентоспособность российской продукции на внешнем рынке приведут к дальнейшему ухудшению дел в отрасли.

Для решения основных проблем лесной отрасли правительство республики планирует использовать средства федерального бюджета в размере 520,9 млн руб., средства бюджета Республики Карелия в размере 61,1 млн руб., а также внебюджетные источники в размере 2635,5 млн руб. в рамках региональной программы «Развитие лесного хозяйства в Республике Карелия на 2013—2015 годы». В качестве основных стратегических целей развития лесного комплекса Стратегия предусматривает необходимость обеспечения устойчивого управления лесами, сохранение и повышение их ресурсно-экологического потенциала, повышения вклада лесного комплекса в социально-экономическое развитие регионов страны, в обеспечение экологической безопасности и стабильного удовлетворения общественных потребностей в ресурсах и услугах леса [1].

Но одним восстановлением лесов помочь лесному комплексу Карелии невозможно. Необходимо повышать эффективность программ поддержки лесопромышленников Карелии. На федеральном уровне поддержка заключается в отсрочке повышения ставок вывозных таможенных пошлин на круглые необработанные лесоматериалы; сохранении размера ставок платы за использование лесов;

предоставлении государственных гарантий на получение банковских кредитов; возмещении из федерального бюджета российским экспортерам части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях; предоставление субсидий из федерального бюджета на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива; принятие решения о выделении регионам субвенций из федерального бюджета на строительство лесных дорог [4].

На республиканском уровне это участие предприятий лесного комплекса в Региональной программе поддержки занятости населения в Республике Карелия; предоставление дополнительных налоговых льгот предприятиям лесного комплекса; осуществление господдержки предприятий-инвесторов, реализующих инвестиционные проекты на территории Республики Карелия (субсидирование процентов по инвестиционным кредитам, предоставление государственных гарантий Республики Карелия); заключение соглашений о социально-экономическом партнерстве между республиканским правительством и крупными предприятиями ЛПК [4].

Но на деле все выглядит не так радужно. По заявлениям уже бывшего главы Республики Карелия Сергея Катанандова, реализация программ поддержки лесопромышленности «трудновыполнима, потому что требует и дополнительных ресурсов, и дополнительных решений. Непросто идет ее реализация. Ну, например, надо выделять деньги на межсезонные запасы древесины, чтобы лесозаготовители могли зимой работать, а потом, возвращая кредиты, спокойно готовиться к очередному сезону. Но фактически очень мало тех, кто смог получить кредиты на работу в зимних условиях. И так далее...» [5].

На наш взгляд, очень важно довести информацию до предпринимателей, работающих в сфере ЛПК. Право на получение поддержки должны иметь не только крупные конъюнктурные проекты. Малый и средний бизнес нуждается в ней еще в большей степени.

Республика Карелия имеет много возможностей, чтобы вывести лесную промышленность на новый уровень, но непродуманная политика правительства в этой области, разрыв во времени с возникновением проблем в отрасли и началом процедур решения данных проблем приводят лишь к разговорам о перспективном и светлом будущем данной отрасли в республике. На деле требуется решить много проблем и проделать большую работу в данной области.

Список литературы

1. Об утверждении региональной программы РК «Развитие лесного хозяйства в Республике Карелия на 2013—2015 годы» : постановление Правительства РК от 14.03.2013 № 84-П / Карелия официальная [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=9430>, свободный (дата обращения: 30.09.2014).
2. Бобылева А. ЛПК Карелии: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/107_14-17.pdf, свободный (дата обращения: 02.10.2014).
3. Чабак Е. Секрет Карельского леса [Электронный ресурс]. URL: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/2192>, свободный. (Дата обращения 28.09.2014).
4. Чабак Е. Леса много не бывает [Электронный ресурс]. URL: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/2194>, свободный (дата обращения: 28.09.2014).
5. Чабак Е. ЛПК Карелии: до прежних высот далеко [Электронный ресурс]. URL: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/1219>, свободный (дата обращения: 30.09.2014).
6. Шишулина З. И. Развитие лесопромышленного комплекса Республики Карелия: тенденции и перспективы // *Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз*. 2008. № 3 (3). С. 32—39.
7. Мониторинг инвестиционных проектов СЗФО за 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/analytics/analytics_126.html, свободный (дата обращения: 29.09.2014).
8. Новым собственником Сегежского ЦБК и предприятия «Деревообработка-проект» стала АФК «Система» [Электронный ресурс]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/analytics/analytics_125.html, свободный (дата обращения: 29.09.2014).
9. Показатели работы ЛПК Республики Карелия : итоги 2013 года, отчет о работе в первые два месяца 2014 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/analytics/analytics_111.html, свободный (дата обращения: 29.09.2014).
10. Реализация инвестиционных проектов в России может оказаться под вопросом вследствие увеличения стоимости кредитов для бизнеса [Электронный ресурс]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/news/news_3287.html, свободный (дата обращения: 29.09.2014).

11. Республика Карелия в цифрах, 2014 : краткий статистический сборник / Карелиястат. Петрозаводск, 2014. 48 с.
12. Республика Карелия, 2013 : статистический ежегодник / Карелиястат. Петрозаводск, 2013. 348 с.
13. Сравнительный анализ ЛПК Карелии и Финляндии [Электронный ресурс]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/107_14-17.pdf, свободный (дата обращения: 02.10.2014).
14. Социально-экономическое развитие Республики Карелия, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/Info/2013/eco_man_wood13.html, свободный (дата обращения: 01.10.2014).
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электронный ресурс]. URL: <http://krl.gks.ru>, свободный (дата обращения: 30.09.2014).
16. Трансграничный лесной портал Lesinfo.fi [Электронный ресурс]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/rus/document.cfm?doc=show&doc_id=1700, свободный (дата обращения: 01.10.2014).

References

1. On Approval of the Regional Program of the RK «Development of Forestry in the Republic of Karelia for 2013—2015 years»: Government Resolution of March 14, 2013 № 84-P [Ob utverzhdenii regionalnoy programmy RK «Razvitie lesnogo khozyaistva v Respublike Kareliya na 2013—2015 gody»] [Electronic resource]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=9430> (accessed: 30.09.2014).
2. Bobyleva A. TIC of Karelia: yesterday, today and tomorrow [LPK Karelii: vchera, segodnya, zavtra] [Electronic resource]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/107_14-17.pdf (accessed 02.10.2014).
3. Chabak E. Secret of Karelian Forest [Sekret karel'skogo lesa] [Electronic resource]. URL: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/2192> (accessed 28.09.2014).
4. Chabak E. Forest Is Never Too Much [Les mnogo ne byvaet] [Electronic resource]. URL: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/2194> (accessed 28.09.2014).
5. Chabak E. TIC of Karelia Is Far From Former Heights [LPK Karelii: do prezhnikh vysot daleko] [Electronic resource]. URL: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/1219> (accessed 30.09.2014).
6. Shishulina Z. I. The Development of the Timber Industry Complex of the Republic of Karelia: Trends and Prospects [Razvitie lesopromyshlennogo kompleksa Respubliki Karelia: tendentsii i perspektivy] // Economic and social changes: facts, trends, forecast [Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2008. № 3 (3). P. 32—39.
7. Monitoring of Investment Projects in the Northwestern Federal District in 2013 [Monitoring investitsionnykh proektov SZFO za 2013 god]. [Electronic resource]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/analytics/analytics_126.html (accessed 29.09.2014).
8. The New Owner of SPPM and Enterprise «Woodworking Project» is AFK «Sistema» [Novym sobstvennikom Segezhskego TBK i predpriyatiya «Derevoobrabotka-proekt» stala AFK «Sistema»]. [Electronic resource]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/analytics/analytics_125.html (accessed 29.09.2014).
9. Indicators of TIC of the Republic of Karelia: Results of 2013, a Report on the Work in the First Two Months of 2014 [Pokazateli raboty LPK Karelii: itogi 2013 goda, otchet o rabote v pervye dva mesyatsa 2014 goda] [Electronic resource]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/analytics/analytics_111.html (accessed 29.09.2014).
10. Implementation of Investment Projects in Russia Can Be Called Into Question As a Result of Increase in the Cost of Credit to Businesses [Realizatsia investitsionnykh proektov v Rossii mozhnet okazatsya pod voprosom vsledstvie uvelicheniya stoimosti kreditov dlya biznesa] [Electronic resource]. URL: http://www.forestec.net/index/infocenter/news/news_3287.html (accessed 29.09.2014).
11. Republic of Karelia in Figures [Respublika Karelia v tsifrakh, 2014]. Petrozavodsk, 2014. 48 p.
12. The Republic of Karelia. Statistical Yearbook. 2013 [Respublika Karelia. Statisticheskii ezhegodnik, 2013]. Petrozavodsk, 2013. 348 p.
13. Comparative Analysis of TIC in Karelia and Finland [Srvnitelnyi analiz LPK Karelii i Finlyandii] [Electronic resource]. URL: http://pv.karelia.ru/files/archive/107_14-17.pdf (accessed 02.10.2014).
14. Socio-Economic Development of the Republic of Karelia in 2013 [Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Karelia v 2013] [Electronic resource]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/Info/2013/eco_man_wood13.html (accessed 01.10.2014).
15. Territorial Branch of Federal Statistics Service in Republic of Karelia [Territorialnyi organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Kareliya] [Electronic resource]. URL: <http://krl.gks.ru> (accessed 30.09.2014).
16. Transborder Forest Portal Lesinfo.fi [Transgranichnyi lesnoy portal Lesinfo.fi] [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/rus/document.cfm?doc=show&doc_id=1700 (accessed 01.10.2014).

*

*

*

*

*

Keywords:

*

*

rav@sampo.ru

*

pomanslericoy@gmail.com

Summary:

*

**Рец. на кн.: Vihavainen T. Ryssäviha.
Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy,
2014. 322 s. (Вихавайнен Т. Рюссиявиха . История
страха перед русскими)**

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений, директор
Института североевропейских исследований ПетрГУ,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, kilinyuri@mail.ru*

Аннотация:

Профессор Хельсинкского университета Тимо Юхани Вихавайнен (род. 9 мая 1947 г.) один из самых известных современных финляндских специалистов по политической истории России, автор восьми монографий по различным аспектам двусторонних отношений СССР (России) и Финляндии, включая довоенный, военный и послевоенный периоды, редактор нескольких коллективных монографий. В 2013 г. издательство «Minerva» опубликовало рецензируемую мною объемную книгу Т. Вихавайнена, главной темой которой стала история отношения к русским со стороны нескольких европейских народов: поляков, прибалтов, немцев, финнов.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Профессор Хельсинкского университета Тимо Юхани Вихавайнен (род. 9 мая 1947 г.) один из самых известных современных финляндских специалистов по политической истории России, автор восьми монографий по различным аспектам двусторонних отношений СССР (России) и Финляндии, включая довоенный, военный и послевоенный периоды, редактор нескольких коллективных монографий[1].

В 2013 г. издательство «Minerva» опубликовало рецензируемую мною объемную книгу Т. Вихавайнена, главной темой которой стала история отношения к русским со стороны нескольких европейских народов: поляков, прибалтов, немцев, финнов.

В **первой главе** «Русофобия: идеология, страх, столкновение культур» автор анализирует происхождение ключевого для книги понятия «рюссиявиха»[2], приходя к выводу о его нетождественности русофобии и специфическом финском происхождении, а также позднем рождении в сравнении с русофобией в других странах-соседах России. Несмотря на тяжелую историю русско-шведских войн[3], на долгий период противоборства Швеции и России, когда финские дети с «молоком матери» впитывали «рюссиявиха», этот феномен, по мнению Т. Вихавайнена, приобрел характер идеологии лишь в независимой Финляндии.

Рассуждая о русофобии как о явлении, имеющем глубокие исторические корни, автор отмечает его многоаспектность. Если под русофобией понимается страх перед внешней политикой России, то в известные исторические периоды и в определенных кругах она была обоснована, а иногда — беспочвенна. Если же речь идет о горечи, вызванной известными событиями, например, разделами

Польша или массовыми казнями в Катыни, трудно отрицать оправданность такой реакции. В ряде случаев «желчное» отношение к русским как к народу объясняется предрассудками и невежеством.

Под русофобией может подразумеваться и иррациональный страх перед Россией, «русскостью» или враждебное отношение к ним. Многослойность понятия «руссофобия» позволяет легко использовать его в политических целях, в тех случаях, когда заинтересованная сторона намеренно путает различные аспекты этого понятия.

Во **второй главе** «Руссофобы внутри России» рассматриваются проблемы взаимоотношений между русскими с одной стороны и евреями, поляками, грузинами и финнами — с другой. По мнению Т. Вихавайнена, отношения двух славянских народов, русского и польского, уже почти тысячу лет напоминают отношения между библейскими братьями Каином и Авелем. Языковая близость двух народов, более выраженная, чем, например, у финнов и эстонцев, не только не компенсировала конфессиональные и политические противоречия русских и поляков, но, возможно, напротив, негативно на них воздействовала. Представители двух близких народов считали язык своих соседей испорченным польским или русским, иногда стремясь, как показывает история, заставить друг друга говорить на своем языке.

В **третьей главе** «Страх перед русскими усиливается в Европе» автор заглядывает вглубь истории России, обращаясь к периоду, последовавшему после свержения монголо-татарского ига. Отношение прибалтийских народов и финнов к Московскому централизованному государству, «беспощадно» подчинившему себе «более западный» Новгород, определялось атмосферой страха, который вызывался действиями Москвы, унаследовавшей от «монголов» стремление к мировому господству.

Цитируя британского историка Орландо Файджеса, автор констатирует, что с первой половины XIX века страх перед Россией, ставшей мощнейшей консервативной державой в Европе, стал центральным элементом внешней политики Великобритании, вызываясь как фантастическими представлениями о стремлении России к экспансии в духе «Завещания Петра I», так и влиянием польских эмигрантов. Планировавшие развал Российской империи, энергия которой была теперь направлена против Османской империи, англичане рассчитывали и на возможный выход Великого княжества Финляндского из состава России, идея, которая отвергалась в новом российском владении.

Как замечает Т. Вихавайнен, фактически Россия не разбалансировала Европу, а напротив, активно участвовала в подавлении попыток изменить существовавший строй, например, в Венгрии в 1849 г., а также подавляла польские восстания, пользуясь ненавистью как со стороны либералов, так и националистов.

В **четвертой главе** «Советский Союз — непримиримый враг старого мира» Т. Вихавайнен очень критично оценивает роль Ленина в революции, отмечая утопический характер его планов, хаотичные решения и итог к концу 1923 г. — «дымящиеся руины, разрушенную страну, в которой миллионы людей испытывали голод», а экономика составляла ничтожную часть от дореволюционной. Новый Советский Союз, который создал мощную экономику и в скором времени разгромил гитлеровскую Германию, построил Сталин, а не Ленин.

В этой главе автор несколько отходит от своей главной темы, увлекшись анализом хорошо известных ему внутренних процессов в сталинском Советском Союзе^[4]. Тем не менее, он делает интересные замечания о новом импульсе для русофобии, который привнесла с собой революция в России. Классические клише русофобии — стремление к экспансии и мировому господству, азиатский деспотизм и рабство — использовались и в отношении России, которая коренным образом изменила в результате революции свой общественно-политический строй.

К обстоятельствам, наполнившим русофобию новым содержанием, автор относит очевидное противоречие между декларированными высокими целями советского государства и прежде «невиданными кровавыми оргиями» «Большого террора» 1937—1938 гг., когда, кроме прочего, в ходе проведения т.н. «национальных операций» в СССР было расстреляно более 8 тысяч финнов.

В **пятой главе** «Рюссавиха в Финляндии» автор размышляет об анализируемом им феномене, исходя из того, что Великое княжество Финляндское и остальная часть империи жили фактически отдельно друг от друга благодаря широкой автономии первого. В конце XIX века русских в Финляндии насчитывалось до 6 тыс., и они составляли ничтожное меньшинство среди 2,7 млн коренного населения страны, финнов и шведов. По мнению Т. Вихавайнена, несмотря на усилия раздувавших в отношении финнов вражду русских «феннофобов», в нормальных условиях, «в среднем», в Финляндии не испытывали в отношении русских вражды, для этого между народами было слишком мало контактов. Как небольшой и поэтому уязвимый народ финны скорее стремились инстинктивно дистанцироваться

от России и русских.

В начале XX века численность русских в Финляндии стала довольно быстро увеличиваться, на городских улицах появились символы империи, включая двуглавого орла и вывески на русском языке. Эта «русификация», как замечает автор, проводившаяся в весьма скромных масштабах, вызвала в финском обществе несоразмерную реакцию, появился страх перед тем, куда могут завести эти мероприятия. Возник настоящий страх, как раз то, что и означает в переводе «фобия». Считая, что мероприятия по сплочению народов империи являются антиконституционными, финское общество не стало им подчиняться, сопротивляясь всему, что пытались сделать власти империи.

В независимой Финляндии некоторые крупные организации, такие как Карельское академическое общество (КАО), использовали «рюссавиха» как главный инструмент идеологии, как Евангелие, призванное сплотить народ молодого государства и усилить его обороноспособность. Отдельной проблемой был раскол финского народа в результате гражданской войны, и разжигание страха и враждебного отношения к русским стали для радикальных сил средством созидания национального духа.

В **шестой главе** «От войны к финляндизации» рассматривается воздействие зимней войны на умонастроения в Финляндии. Говоря о высокой религиозности тогдашнего финского общества, автор отмечает, что многие финны считали войну между СССР и Финляндией противостоянием Христа и Антихриста и были полны решимости дать отпор врагу. Финны противостояли «идеальному врагу», будучи преисполнены уверенности в правоте своего дела и считая позиции врага «наглой ложью». Как полагает автор, уверенность в том, что они справятся с превосходящим противником, финны, по крайней мере отчасти, черпали в настроениях предвоенных десятилетий с характерными для них страхом и враждой к русским. Надежды возлагались и на восстание русских крестьян против угнетавшей их советской власти, «колосса на глиняных ногах».

Зимняя война дала мощный импульс враждебности и страху в отношении русских. Стрившаяся на циничных и фальшивых основаниях Карельским академическим обществом «рюссавиха» получила мощное подкрепление. В этих условиях, как отмечает Т. Вихавайнен только «истинные гуманисты» могли подняться над «национальной враждой и страхом». После подписания мирного договора 13 марта 1940 г. в Финляндии царил «абсолютная вражда в отношении русских». Объясняя этот феномен, автор полагает, что он был вызван не столько идеологической враждой, которую проповедовало КАО или «программной враждой», сколько гневом вследствие лжи и нарушения норм международного права со стороны СССР. Другого объяснения для активного участия в войне представителей левых и крайних левых политических сил Финляндии, по его мнению нет.

В **седьмой главе** «От холодной войны к новой России» автор отмечает, что в 1970-е гг. финская интеллигенция создала новую духовную атмосферу, в которой на смену представлению о финнах как маленьком героическом народе, противостоявшем силам тьмы, прежде всего в лице СССР, пришло представление о народе приземленном, ошибавшемся и грешном, относившемся к своему большому соседу неблагодарно, шовинистически и по провинциальному. «Рюссавиха» в Финляндии стала в духе времени пониматься как феномен с классовой подоплекой — финская буржуазия одинаково ненавидела и финских и русских рабочих.

В **восьмой главе** «Учит ли чему-нибудь история?» автор задается вопросом: может ли русофобия, по крайней мере, в форме страха перед новой Россией вновь актуализироваться в Финляндии. По его мнению, результаты исследований о потенциальной агрессивности соседа, публикуемые в Финляндии, и фиксация финской прессы на вооруженных силах России свидетельствуют о скрытом страхе в финском обществе, правда, не имеющем отношения к ксенофобии. Отмечая «совершенно идиллический характер» российско-финляндских отношений, которым были отмечены большие промежутки времени совместной истории, Т. Вихавайнен замечает, что отношения России со всеми другими своими соседями не имеют такой долговременной традиции добрососедства.

Этой традиции в известной мере противоречит популярная в средствах массовой информации современной Финляндии тема вооружения России, потребляя которую «не ужаснется» только трезвомыслящий человек. Тема возможной полномасштабной войны в финской прессе обсуждается как нечто собой разумеющееся, хотя авторы этих материалов пока не смогли правдоподобно объяснить, что может заставить Россию проводить такую «неестественную» политику.

«Дровами», разжигающими в финском обществе беспочвенную, по мнению автора, русофобию, прежде всего являются «массивная иммиграция» русских в Финляндию^[5], требования к финнам приспособляться к нормам, привычным для иммигрантов и территориальные требования^[6].

Для того, чтобы избежать в будущем серьезных проблем в двусторонних отношениях, автор,

Килин Ю. М. Рец. на кн.: Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy, 2014. 322 s. (Вихавайнен Т. Рюссявиха . История страха перед русскими) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 1. С. 118–121.

досконально знающий их историю, советует не заниматься взаимным запугиванием, что делают «безответственные личности» по обе стороны границы, а положиться на принципы открытости и честности.

Заканчивая свою книгу, Т. Вихавайнен приходит к оптимистичному выводу о том, что враждебность не органична для финляндско-российских отношений. В ходе истории русофобия, враждебность по отношению к русским, были типичными для всех соседей России. В отличие от этого, российско-финские отношения характеризовались взаимной симпатией и дружбой, чем были отмечены продолжительные исторические периоды как в XIX так и в XX веке. Эта традицию следует продолжить и в XXI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Т. Вихавайнене: http://en.wikipedia.org/wiki/Timo_Vihavainen и http://fi.wikipedia.org/wiki/Timo_Vihavainen

[2] «Ryssäviha» можно перевести как «враждебное отношение к русским».

[3] История противостояния Швеции и России зафиксирована, например, в названии шин фирмы Нокиа *Nakkareliitta*. В переводе с финского языка этот боевой клич финской тяжелой кирасирской конницы «*Nakkaa päälle!*» означает «Руби голову!» — Прим. рецензента.

[4] См. например: Vihavainen T. *Stalin ja suomalaiset*. Helsinki: Otava, 1998.

[5] Русская община в Финляндии самая крупная из всех иммигрантских общин, она насчитывает до 60 тыс. человек. Русские — второе по численности после шведов национальное меньшинство в стране.

[6] Автор говорит о территориях, утраченных Финляндией по итогам Второй мировой войны.

*

*

*

*

kilinyuri@mail.ru

Позитивные и негативные эффекты трансграничного сотрудничества: глобальная перспектива

**ЯРОВОЙ
Глеб
Олегович**

*кандидат политических наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, gleb.yarovoy@mail.ru*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

С 9 по 13 июня 2014 г. в городах Йоэнсуу и Санкт-Петербург состоялась Первая всемирная конференция Ассоциации приграничных исследований.

Несмотря на то что название конференции сформулировано максимально широко, чтобы вместить в себя всевозможные аспекты исследования границ (*border/borderlands studies* или даже *borderology*) — «Границы после холодной войны: глобальные тенденции и региональные ответы» — оно, все же, не до конца отражает содержание докладов, представленных на ней. Безусловно, речь шла и о глобальных вызовах, и о реакции на них со стороны приграничных сообществ. Однако хронологические рамки представленных на конференции докладов оказались гораздо шире временных границ постбиполярной эпохи.

Впрочем, сформулировать более удачное название для конференции, в которой участвовали более 500 исследователей (от студентов до «живых классиков» приграничных исследований) из 67 стран, представлявших сотни университетов и исследовательских центров, ведущих свои научные разработки в десятках научных направлений, вряд ли возможно.

Прошедшая конференция еще раз наглядно показала, что приграничное и трансграничное сотрудничество является глобальным феноменом. Об этом свидетельствует не только состав участников, но и обсуждаемая проблематика. Географически тематика докладов, представленных на более чем 130 пленарных и секционных заседаниях, простиралась от Южной Африки до Арктики и от Центральной и Южной Америки до Юго-Восточной Азии. Заявленные темы относились ко всем направлениям общественных и гуманитарных наук: от проблем обеспечения традиционной (военной) безопасности и отстаивания национального суверенитета до восприятия границ и их роли в жизни обществ, отраженных в литературе, живописи, скульптуре. Теоретически ориентированные доклады прекрасно сочетались с сообщениями о результатах проведенных прикладных исследований; связанные воедино, они стали основой для рекомендаций в адрес участников процесса принятия политических решений в разных странах и на разных континентах, вовлеченных в процессы приграничного и трансграничного сотрудничества.

Разнообразие представленных докладов и научная специализация автора этого текста (политология и международные отношения) не позволяют подробно остановиться даже на основных темах конференции. По этой причине позволю себе обратить внимание читателя лишь на некоторые аспекты современной науки о границах.

Разнонаправленные тенденции развития трансграничного сотрудничества в Европе, как на внутренних, так и на внешних границах Евросоюза, порождаемые процессами глобализации, европейской интеграции, регионализации, т. е. тем, что выражается в концепте «глокализация»,

стимулируют научный поиск как в направлении теоретического осмысления процессов трансграничной регионализации, так и в направлении эмпирических, полевых исследований.

Тенденция, характеризующая современное развитие большинства общественных наук, от истории до международных отношений, — «столкновение» позитивистских и постпозитивистских (постмодернистских) методов исследования, не обошла и исследования границы. Тематика представленных докладов отражает это теоретико-методологическое разнообразие и подтверждает идею о том, что современные государства играют в разные «игры суверенитетов»: вестфальскую, постколониальную, постмодернистскую. Так, арктические границы и проблемы их делимитации в основном анализируются в рамках позитивистских парадигм международных отношений, таких как неореализм или неолиберализм. В то время как исследования трансграничного сотрудничества в «постнациональном» Европейском союзе зачастую основаны на конструктивистской, неомарксистской и постпозитивистской методологии, истоки которой авторы находят в трудах Никласа Лумана, Анри Лефевра, Мишеля Фуко, Жюльена Делёза и др. Теоретические экзерсисы нередко выливаются в создание специфической методологии трансграничных исследований и даже закладываются в основу рекомендаций региональным властям по созданию стратегий трансграничного пространственного планирования.

Результаты эмпирических исследований в сфере пространственного планирования нашли отражение в большом количестве тематических заседаний и докладов. Изучению подверглись как позитивные эффекты приграничного и трансграничного сотрудничества, так и те вызовы, которые встают перед местными и региональными властями в Европе.

К положительным эффектам можно, безусловно, отнести «миротворческий» потенциал трансграничного сотрудничества. Об этом шла речь в многочисленных докладах и секциях, посвященных как европейским, так и неевропейским, в частности африканским границам. Возможности сравнительного анализа этих случаев ограничены различиями исторического контекста и особенностями формирования границ: если в Европе так называемые разделенные территории возникли в результате многочисленных войн, то проблемы взаимодействия африканских государств обусловлены, в первую очередь, непростым процессом деколонизации. «Общим знаменателем» исследования данной проблематики как раз и становится трансграничное сотрудничество. Ввиду отсутствия возможности детального анализа проблематики, приведу одну из классических метафор, иллюстрирующую роль взаимодействия между государственными и негосударственными акторами поверх существующих границ: «Границы — это шрамы истории. Миссия трансграничного сотрудничества — заживлять эти раны». Данное высказывание, произнесенное в 1976 г., принадлежит Хорсту Герлаху, депутату Европейского парламента и президенту Ассоциации европейских приграничных регионов (*Association of European Border Regions, AERB*). Эта организация, наряду с Советом Европы и, позднее, Европейским союзом, на протяжении нескольких десятков лет способствует претворению в жизнь этой идеи.

Вызовы и угрозы развития трансграничного сотрудничества для организации пространственного планирования не менее многочисленны, чем его позитивные эффекты. В частности, выступающие отмечали как прямые, так и косвенные риски, возникающие в приграничных регионах Евросоюза. Прямые риски связаны, в первую очередь, с формирующимися трансграничными рынками труда, трудовой мобильностью и ее влиянием на смежные сферы: структуру расселения, оказание коммунальных услуг и т. д.

Наиболее ярким примером является ситуация в трансграничном регионе Саар-Лор-Люкс, где объем трудовой мобильности насчитывает более 160 тыс. работников, ежедневно пересекающих границы Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга. Все они утром едут на работу в Люксембург, а вечером возвращаются в соседние страны. В результате возникает сложная коллизия: люди получают высокую зарплату в Люксембурге, они и их работодатели платят налоги в бюджет графства, а предоставлять коммунальные услуги, обслуживать дороги, коммуникации и т. д. вынуждены небогатые муниципалитеты соседних стран, которые фактически превращаются в «спальные районы» Люксембурга с недостаточным финансированием. На сегодняшний день местные и региональные власти ищут совместное решение проблемы; одним из основных вариантов являются «межбюджетные трансферы» из люксембургского бюджета в бюджеты соседних муниципалитетов.

Принимая во внимание многообразие представленной на конференции проблематики, можно с уверенностью утверждать, что заявленная организаторами конференции миссия — способствовать созданию мирового научного сообщества исследователей границ — успешно реализована.

В пользу дальнейшей институционализации мировых приграничных исследований свидетельствует современная структура членства в Ассоциации приграничных исследований,

основанной в 1976 г. и на протяжении долгого времени фокусирующая свое внимание на изучении американо-мексиканской границы. Сегодня половина членов организации представляют более тридцати государств по всему миру. Кроме того, «ведомственный» научный журнал Ассоциации — *Journal of Borderland Studies* — вошел в число изданий, индексируемых международной наукометрической базой Scopus и постепенно набирает вес и популярность среди исследователей.

Создаются и региональные и субрегиональные ассоциации, объединяющие исследователей границ. Так, Африканская сеть исследования приграничья (African Borderlands Research Network, ABORNE) позиционирует себя как своеобразный международный, междисциплинарный профсоюз исследователей африканских границ, объединяющий ученых с разнообразным научным бэкграундом: история, антропология, социология, политическая наука, география, исследования проблем миграции и беженцев и т. д.

В прошедшем году штаб-квартира Ассоциации приграничных исследований переехала из Северной Америки в Северную Европу. Теперь она расположилась в уютном университетском городе Йоэнсуу, и Университет Восточной Финляндии, «вуз-побратим» Петрозаводского университета, таким образом, становится одним из главных центров изучения границ в Старом Свете, что открывает перед петрозаводскими учеными дополнительные возможности вовлечения в мировое научное сообщество исследователей приграничного и трансграничного сотрудничества.

Подробнее познакомиться с тематикой и краткими резюме докладов, представленных на конференции, можно на сайте Университета Восточной Финляндии (<http://www.uef.fi/en/abs2014world>).

Фотографии: Г. О. Яровой

1st World Conference

**POST-COLD WAR BORDERS:
GLOBAL TRENDS AND
REGIONAL RESPONSES**

9–13 June 2014 Joensuu, Finland – St. Petersburg, Russia

*

*

*

*

gleb.yarovoy@mail.ru

Устойчивое развитие регионов: новая экономика — новые возможности

**ИСАКОВ
Владимир
Александрович**

*кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой экономики и финансов,,
Петрозаводский государственный
университет,экономический факультет,
Петрозаводск, isakov@petrsu.ru*

**МИХЕЛЬ
Егор
Александрович**

*кандидат экономических наук,
научный сотрудник,
Институт экономики КарНЦ РАН, отдел
институционального развития регионов,
Петрозаводск, e-mikhel@mail.ru*

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

13—14 ноября 2014 года состоялся VI Молодежный экономический форум «Устойчивое развитие регионов: новая экономика — новые возможности».

Молодежный экономический форум проводится в Петрозаводске ежегодно с 2008 года и поддерживается Правительством Республики Карелия, а также в течение нескольких лет — Российским фондом фундаментальных исследований. Основным организатором является Институт экономики Карельского научного центра РАН. Соорганизаторы — Петрозаводский государственный университет и Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, а также другие организации. Мероприятия в рамках Форума проходят в нескольких научных и образовательных учреждениях города Петрозаводска.

В первый день на открытии форума с приветственными словами к участникам обратились председатель Карельского научного центра РАН, чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, заместитель Главы Республики Карелия, Министр экономического развития В. Я. Чмиль, директор Института экономики КарНЦ РАН д.э.н. Ю. В. Савельев, директор Карельского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации Р. Р. Пивненко.

В выступлениях была отмечена необходимость поиска новых возможностей для развития региональных экономик в условиях экономического спада и действия экономических санкций, для привлечения инвестиций и развития малого и среднего бизнеса. Выступающие выразили надежду на молодое поколение в поиске перспективных проектов.

В докладе на пленарном заседании заместителя директора по научной работе Института экономики КарНЦ РАН к.э.н. Е. В. Жирнелем был сделан вывод: в условиях новой экономики, даже характеризующейся кризисными явлениями, существуют новые возможности при условии использования потенциала экономики знаний, новых форм организации бизнеса, использования информационных технологий, практики социального предпринимательства, а также внедрения зеленых технологий и новых институтов государственного управления.

В развитие темы использования практик социального предпринимательства руководителем первого в России благотворительного магазина «Спасибо!», членом оргкомитета Школы социального предпринимательства КАЭТ Юлией Титовой был представлен доклад «Лучшие практики социального предпринимательства в России и мире». В настоящее время в экономике формируется сектор социального предпринимательства, находящийся на стыке коммерческого и некоммерческого сектора, в

котором для достижения социальных целей используются бизнес-схемы. В подтверждение успешности такого подхода к предпринимательству докладчиком были представлены примеры конкретных предприятий.

Анастасия Гасникова, к.э.н., научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН представила доклад на тему «Зеленая энергетика: мода или необходимость?». Было высказано мнение, что в староосвоенных промышленных регионах России нет острой необходимости широкого внедрения новых технологий получения энергии, но для отдаленных районов, в том числе северных, эта проблем становится актуальной.

Роман Копосов, старший советник регионального управления по делам детей, молодежи и семьи Северной Норвегии и представитель секретариата программы «Дети и молодежь группы риска» представил доклад «Образование и интеграция детей в Баренцевом регионе как фактор успеха для устойчивого развития территорий». В докладе были отражены результаты реализации программы и показана их эффективность в целях образования и социальной интеграции детей и молодежи групп риска для их подготовки к полноценной жизни в обществе.

В дальнейшем вопросы, поднятые на пленарном заседании, а также другие вопросы, относящиеся к тематике форума, рассматривались на 8 секционных заседаниях.

Секция «Новые технологии управления экономикой» была посвящена внедрению института государственно-частного партнерства в образовании, развитию государственной контрактной системы, страхованию жилой недвижимости и системе финансирования регионального здравоохранения, совершенствованию бюджетной системы и бюджетного федерализма.

На секции «Социально-экономическое развитие и конкурентоспособность приграничных регионов» обсуждались вопросы приграничного и трансграничного сотрудничества в историческом аспекте и в разрезе перспектив дальнейшего развития, инновационного потенциала регионов. Обсуждались роль человеческого капитала и промышленного потенциала в социально-экономическом развитии регионов, развитие туризма, перспективы отмены визовых режимов между Россией и ЕС и возможные последствия, формирование имиджа и восприятия России за рубежом.

В рамках заседания «Экономика знаний и человеческий капитал» тематика представленных докладов была посвящена адаптации понятия «креативный класс» к российским реалиям, перспективам развития сельских территорий в условиях становления информационного общества, сравнительному межстрановому анализу положения коренных групп населения. Анализировались развитие промышленных предприятий в условиях формирования новой экономики, перспективы социального проектирования в городах и регионах, развитие социального предпринимательства, «утечка мозгов» и экономика знаний, формирование и развитие человеческого капитала.

Секция «Брендинг городов и регионов» охватывала теоретические вопросы создания общих (зонтичных) брендов регионов, городов, а также вопросы создания специфических брендов определенных локаций или предприятий. Были даны оценки влияния наличия брендов на социально-экономическое положение регионов и городов. Основным выводом стал тезис о том, что бренд города или региона является важным и действенным инструментом продвижения территории.

На секции «Инновации и модернизация экономики» обосновывалась возможность формирования биотехнологического кластера на Белом море, обсуждался вопрос государственного регулирования инновационной деятельности, приводилась оценка влияния технического прогресса на рост благосостояния и рост безработицы.

Вопросы «зеленой» экономики, возобновляемых источников энергии и энергетической эффективности обсуждались на секции «Зеленая экономика и энергоэффективность». Рассматривались возможности применения зарубежного опыта в сфере обращения с отходами в Российской Федерации, энергетика как основа «зеленой экономики» северных регионов России, использование биотоплива и биологических отходов в экономике.

Секция «Инвестиции и структурная перестройка экономики регионов» прошла под руководством автора сообщения В. А. Исакова.

Участники секции не могли обойти вниманием влияние обоюдных экономических санкций России и ЕС на структуру и объемы инвестиций и структуру региональной экономики и возможные меры по преодолению возникших сложностей. А. С. Весёлый в своем выступлении развивал идею взаимодействия гражданского общества России и стран ЕС с целью реализации проектов, в том числе инвестиционных, которые бы не нарушали режим санкций, смягчая их социально-экономические последствия для населения. В ходе обсуждения доклада были высказаны предложения по сотрудничеству НКО, а также участию в программах приграничного сотрудничества для реализации

проектов, направленных на стимулирование и создание условий для совместного молодежного предпринимательства.

О. В. Берсенёвой рассматривался вопрос о роли наукоградов в привлечении инвестиций в сферу инновационного промышленного производства. Проводились сравнения эффективности государственного финансирования наукоградов и Сколковского проекта. В процессе обсуждения участники пришли к выводу, что на сегодняшний день существует проблема контроля эффективности расходующихся средств, которую следует решать, в том числе и силами научной молодежи.

Центральным на секции стал доклад Ю. О. Кирейчевой, посвященный вопросам региональной инвестиционной политики. Обсуждение касалось методик оценки инвестиционного потенциала регионов и инвестиционных рисков, проблем внедрения регионального инвестиционного стандарта. Региональным правительствам было рекомендовано уделять больше внимания инвестиционным стратегиям. Отмечалась необходимость использования научного обоснования, в том числе теории больших систем, применение которой к рассматриваемой проблеме было представлено В. С. Симаковым, пришедшим к выводу, что государство как институт должно устанавливать правила игры для инвесторов, а государственные и частные субъекты инвестиционной политики должны адаптироваться к этим правилам, получая свой выигрыш. При этом государство должно стремиться к балансу между стабильностью правил и их прогрессивным изменением.

В развитие темы привлечения регионами инвестиций В. М. Горохов представил доклад, показывающий, что основным условием привлечения инвесторов в регион являются не столько инструменты финансирования и кредитования, сколько наличие промышленных площадок. Свой тезис он обосновывал с практической точки зрения, ссылаясь на опыт работы с промышленными компаниями европейских стран и собственный многолетний опыт работы в сфере тяжелой промышленности.

На секции были представлены и прикладные разработки, способствующие инвестированию и структурной перестройке региональных экономик.

О. Ю. Шлибурите представила программу для ЭВМ собственной разработки, которая позволяет региональным и муниципальным органам власти оценивать бюджетный эффект от реализации инвестиционных проектов. Поскольку представленная работа носит ярко выраженный прикладной характер, во время обсуждения были высказаны предложения по улучшению функционала программы, ее приближения к требованиям налогового законодательства, а также по коммерциализации представленного продукта. Было решено, что разработка заслуживает внимания потенциальных пользователей из числа представителей власти и бизнеса, реализующих совместные инвестиционные проекты.

С. А. Чухрай в своем докладе отметил, что Республика Карелия в недостаточной степени использует свой этнокультурный потенциал для развития туристской отрасли и представил самостоятельно разработанный турпродукт. На секции было рекомендовано внедрить этот продукт в туристическую индустрию и дальше развивать подобные продукты, создающие новую стоимость за счет этнокультурных особенностей регионов.

Помимо вышеперечисленных секций, в рамках форума была представлена секция школьных научных докладов, а также круглые столы на темы «Инструменты поддержки молодежного предпринимательства», «Городская среда: новые подходы и технологии», «Как коммерциализировать научный продукт?», «Инвестиции в зеленую экономику», «Поколение Y и новая экономика России», «Спорт как бизнес», открытые лекции «Как построить эффективную карьеру: государственная служба, корпоративная среда, частный бизнес» и «Проектный менеджмент: от идеи до реализации» и конкурс бизнес-проектов «Свое дело».

Всего в VI Молодежном экономическом форуме приняло участие около 200 молодых ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, более 150 специалистов, предпринимателей и госслужащих, а также более 700 студентов средних специальных учебных заведений и школьников. Участники представляли 5 стран и 14 российских регионов.

Масштабы форума были настолько широки, что представить всю информацию в одном сообщении даже не представляется возможным. С более подробной информацией о форуме и его итогах можно ознакомиться на интернет-сайте <http://www.econforum.ru>

Фотографии: ИЭ КарНЦ РАН

*

*

*

*

*

*

isakov@petsu.ru

*

e-mikhel@mail.ru